

Б.Д.ПЕТРОВ

С.П.БОТКИН
ЖИЗНЬ
И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Б.Д. ПЕТРОВ

С.П.БОТКИН-
ЖИЗНЬ
И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Музей истории медицины
МНИИСУ им. А.И. Бродянского

Кат. № 1722

МОСКВА «МЕДИЦИНА» 1982

Б. Д. ПЕТРОВ. С. П. Боткин — жизнь и деятельность. — М.: Медицина, 1982. — 140 с., ил.

Автор Б. Д. ПЕТРОВ, член-корреспондент АМН СССР, профессор, зав. отделом истории медицины и советского здравоохранения ВНИИ социальной гигиены и организации здравоохранения им. Н. А. Семашко.

В книге освещена биография великого клинициста и общественного деятеля. В ней рассказывается о его семье и окружающих его лицах, о кружке Т. Н. Грановского, к которому был близок молодой Боткин, о формировании его как врача и ученого сначала в Московском университете под руководством выдающихся профессоров, затем в клиниках и лабораториях Берлина, Вены, Парижа, Лондона.

Описывается профессорская деятельность С. П. Боткина в Военно-медицинской академии, где он проработал почти 30 лет. Рассказано о его реформах в области высшего медицинского образования, перестроивших педагогический процесс.

Центральное место в книге занимают разделы, посвященные научной деятельности ученого-клинициста: его новаторской концепции, его вкладу в медицину на основе разработанного им физиологического направления в медицине, нервизма.

Рассмотрена деятельность учеников школы С. П. Боткина, расширивших и углубивших его учение. Показаны участие его в русско-турецкой войне 1877—1878 гг., в оказании помощи больным и раненым, а также первые шаги в создании им новой дисциплины — военной терапии.

Обширная глава посвящена общественной деятельности ученого в области охраны здоровья народа, показывающая, что он не ограничивался педагогической и научной деятельностью, а работал во многих направлениях как реформатор здравоохранения, как специалист, много сделавший в борьбе с инфекционными заболеваниями, с эпидемиями.

Заключительные главы посвящены последним годам жизни С. П. Боткина, его участию в культурной жизни страны, его дружбе с выдающимися деятелями литературы и искусства.

Иллюстрации, взятые из альбома К. А. Розовой «С. П. Боткин, 1832—1889», хорошо дополняют текст.

Книга рассчитана на широкий круг врачей, интересующихся историей медицины.

В книге 12 рис.

Рецензент профессор А. С. Георгиевский.

Мы воспринимаем прошлое как богатейший резервуар опыта, как материал для раздумий, для критического анализа собственных решений и действий. Мы черпаем из прошлого вдохновение для нынешних и грядущих дел¹.

Л. И. БРЕЖНЕВ

ВВЕДЕНИЕ

Великий врач — эти веские слова впервые в истории отечественной медицины были сказаны о С. П. Боткине. Они справедливы и точны. Клиницист-мыслитель, что подчеркивали его современники, он высказал глубокие мысли о природе человека, о природе болезни, о взаимоотношении окружающей среды и человека.

Переосмысливание прошлого — предпосылка для правильного понимания будущего. Академик В. И. Вернадский² писал, что история науки должна критически составляться каждым научным поколением. С течением времени в свете новых открытий по-новому рассматриваются концепции прошлых столетий.

По мере того, как накапливался новый фактический материал об этом выдающемся клиницисте, его научных идеях и заслугах в развитии отечественной медицины, менялся и уточнялся взгляд на его роль в развитии отечественной клиники и экспериментальной патологии.

С 1862 г., когда С. П. Боткин стал профессором, он постепенно становится лидером русской медицины, участником важных ее событий. На его глазах после открытий И. Земмельвейса, Д. Листера, Л. Пастера начался новый период ее развития.

Первый биограф С. П. Боткина, его однокурсник и друг Н. А. Белоголовый, в своих воспоминаниях подчеркнул, что С. П. Боткин произвел «...истинный переворот в истории нашей медицинской науки, внося в ее преподавание тот животворный естественно-исторический метод, который перевел медицину из разряда эмпирических дисциплин в ряд строгорациональных наук,

¹ Брежнев Л. И. Ленинским курсом. — М.: Политиздат, 1978, т. 6, с. 345.

² Вернадский В. И. Очерки и речи. — Пг., 1922, с. 145.

и тем открыл перед ней светлую перспективу бесконечного совершенствования»¹.

Н. А. Белоголовый справедливо утверждал, отмечая широту деятельности С. П. Боткина и многочисленные его успехи в самых разных областях медицинской науки, что будущему историку придется много потрудиться для того, чтобы определить в полной мере, что сделано выдающимся клиницистом. Как новатор-клиницист он может быть сравнен лишь с Н. И. Пироговым.

С. П. Боткин стоит на грани двух эпох в отечественной медицине — он завершил период развития клиники внутренних болезней, который начался с С. Г. Зыбелина и М. Я. Мудрова, синтезировал и взял на вооружение все ценное, что было разработано до него в клинике. Одновременно он был начинателем нового взгляда на болезни. Для него, как и для И. П. Павлова, характерно патогенетическое рассмотрение симптомов, которое в дальнейшем получило название нервизма.

В истории медицины каждой страны есть такая фигура, такой клиницист, который как бы обобщает достижения, накопленные за многие годы и десятилетия, и на основании этого указывает пути, по которым клиника должна идти дальше. Именно такой фигурой был С. П. Боткин для отечественной медицины второй половины XIX века.

Синтез идей, разработка клинического подхода в лечении больных — это не только личная заслуга С. П. Боткина. Это результат работы, проделанной плеядой его учеников и последователей.

С исторических позиций сейчас видна вся закономерность появления такого лидера отечественной медицины, как С. П. Боткин, закономерность его успехов. Они не были случайны, они отражали прогресс медицинской науки. Знамя прогресса русской клиники, которое он поднял, продолжали нести представители большой школы отечественных клиницистов.

С. П. Боткин — одна из главных вершин горной цепи, именуемой отечественной медициной. Его нельзя рассматривать только как терапевта, так же как неверно трактовать Н. И. Пирогова только как хирурга. И тот и другой были клиницистами, сыгравшими большую роль в развитии всей медицины, а не только

¹ Белоголовый Н. А. Воспоминания и другие статьи. — М., 1897, с. 368.

отдельных ее дисциплин. Он был одним из самых выдающихся деятелей русской клинической медицины, которая зародилась во второй половине XVIII века и базировалась на прочных методологических и научных основах классиков отечественной материалистической философии и естествознания XIX столетия.

Бурный рост естествознания привел к тому, что естественнонаучные дисциплины стали оказывать сильное, если не решающее, влияние на медицину. Клеточная теория, теория Дарвина, наука о мозге и нервной системе — все это ускорило развитие медицины.

Поднявшись на волне отечественного общественного движения, являясь его представителем в медицине, С. П. Боткин на протяжении нескольких десятилетий стоял во главе передовых врачей России, вел их за собой, ставил перед ними все новые и новые задачи, воспитывал молодое поколение.

Большое влияние на С. П. Боткина оказал и общественно-революционный подъем 60-х годов в России. Назревала революционная ситуация 1855—1861 гг. Властителями дум в это время были А. И. Герцен и революционеры-демократы Н. Г. Чернышевский, Н. А. Добролюбов и их соратники.

Большое значение в формировании русской клиники второй половины XIX века имела Медико-хирургическая академия. Это крупнейшее не только в России, но и в Европе научно-учебное учреждение объединяло выдающихся ученых, потому что в нем можно было ставить и решать актуальные вопросы медицины. Значение Медико-хирургической академии как научного центра медицины выходит далеко за рамки отечественной медицины. С. П. Боткин создал школу, и очень быстро его ученики стали основателями и реформаторами многих медицинских дисциплин в России.

Не менее крупной заслугой С. П. Боткина было введение эксперимента в клинику, обоснование им экспериментальной терапии.

Наследие великого клинициста, вся его жизнь, отданная науке и народу, — стимул к новым свершениям.

ДОМ В ПЕТРОВЕРИГСКОМ ПЕРЕУЛКЕ

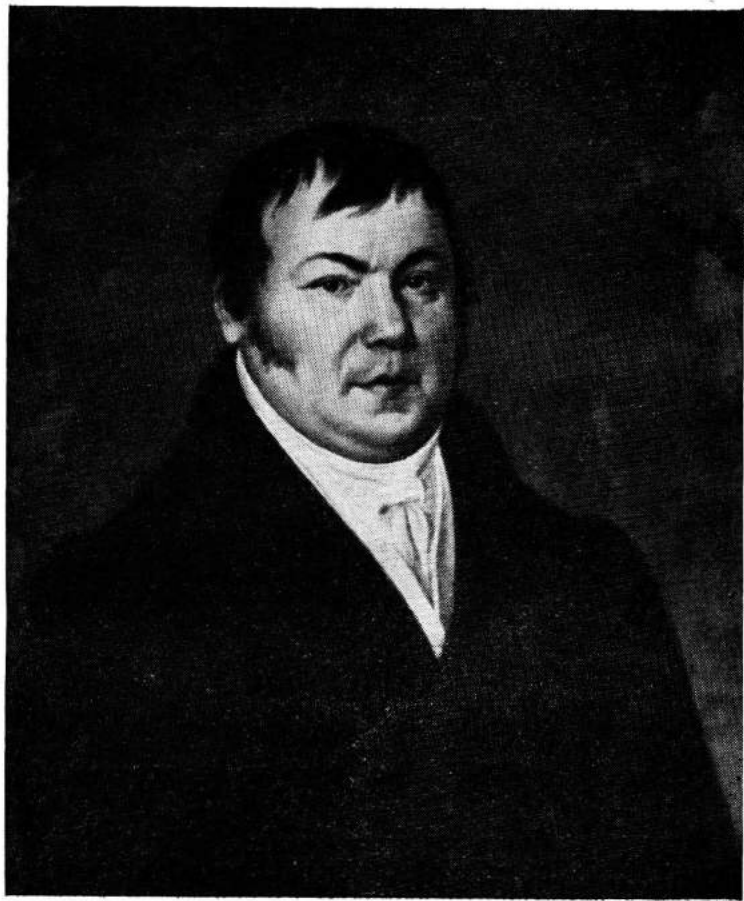
Сергей Петрович Боткин родился в Москве 5 сентября 1832 г. в культурной купеческой семье. Предки Боткиных — крестьяне Псковской губернии из торопецких посадских людей. Отец С. П. Боткина Петр Кононович приехал в Москву и основал в 1801 г. известную впоследствии чайную фирму, которая вела обширную торговлю с Китаем.

Вскоре после пожара 1812 г. П. К. Боткин приобрел владение на так называемом валу Воронцова поля и построил дом, который сохранился и по сей день. Двухэтажный, каменный с колоннами, он стоит в ряду старинных строений между площадью Курского вокзала и улицей Верхние Сыромятники. В этом доме родился его сын Сергей. Сейчас на стене дома висит мемориальная доска в память о великом русском враче*.

П. К. Боткин был дважды женат. От двух браков он имел 25 детей, из которых в живых осталось 9 сыновей и 5 дочерей. Сергей был одиннадцатым ребенком. Мать его, Анна Ивановна, дочь купца Постникова, вышла замуж за многодетного вдовца, взяв на себя заботу о сиротах. Она умерла, когда Сергею было 6 лет.

В середине 30-х годов П. К. Боткин продал этот дом и приобрел другой на Маросейке, в переулке, носившем тогда название Козьмодемьянский, впоследствии Петроверигский. Здесь прошли детские и студенческие годы Сергея Боткина. Он сохранился и сейчас. На нем имеется мемориальная доска с барельефом Т. Н. Грановского, который здесь жил в 1850 г. В этом доме в 1839 г. непродолжительное время жил и В. Г. Белинский. По описанию поэта А. А. Фета-Шеншина, жившего у Боткиных во флигеле, дом был очень вместитель-

* Указания во многих книгах и статьях о том, что С. П. Боткин родился в доме, расположенном в Козьмодемьянском переулке, неверны.

Петр Кононович Боткин. 20-е годы XIX века.

ным и несмотря на многочисленность семьи Боткиных, половина бельэтажа в нем сдавалась квартирантам.

Так как отец С. П. Боткина был чрезвычайно занят делами, то заботу о воспитании Сергея взял на себя его брат Василий, который был старше его на 20 лет и оказывал на него в юности сильное влияние. Василий Петрович Боткин (1811—1869) был очень талантливым человеком, известным литератором и искусствоведом, автором замечательных «Писем об Испании».

В доме Боткиных В. Г. Белинский впервые прочитал свою первую запрещенную цензурой драматическую

повесть «Дмитрий Калинин», опубликованную лишь в 1891 г.

В 1845 г. домашним учителем к Сергею был приглашен студент Московского университета А. Ф. Мерчинский, прогрессивно мыслящий человек, способный педагог и математик.

Обнаружив большие способности у своего брата, Василий Петрович в 1847 г. определил его для подготовки к поступлению в университет в частный пансион Эннеса, считавшийся лучшим в Москве. Семьи купцов-иностранцев, живших в Москве, отдавали сюда своих сыновей. В пансионе преподавали талантливые учителя. Среди них были: А. Н. Афанасьев—известный впоследствии собиратель древнерусского фольклора, знаток русской литературы, И. К. Бабст, впоследствии профессор политической экономии, математик Ю. К. Давыдов и др. Здесь С. П. Боткин встретился с Н. А. Белоголовым, подружился с ним, и дружба эта продолжалась всю жизнь. Выходец из Забайкалья, Николай Андреевич Белоголовый (1834—1895) был близко знаком с декабристами А. П. Юшневским, П. И. Борисовым и А. В. Поджио и испытывал на себе их сильное влияние. «Они сделали меня человеком, — писал Н. А. Белоголовый, — своим влиянием разбудили во мне живую душу и приобщили ее к тем благам цивилизации, которые скрасили всю мою последующую жизнь»¹.

Дружба с С. П. Боткиным позволила Н. А. Белоголовому написать о нем воспоминания, начатые им в 1890 г., вскоре после смерти С. П. Боткина. Они содержат богатейший материал и в целом живо и верно описывают жизнь С. П. Боткина и его деятельность. «Меня соединила с Боткиным слишком сорокалетняя дружба, никогда не омрачавшаяся ни недоразумениями, ни разговорами и не допускавшая никаких крупных тайн между нами: мы вместе в один день поступили в пансион Эннеса, вместе перешли в университет и одновременно кончили университетский курс»².

Сначала это была небольшая брошюра из серии «Жизнь замечательных людей», вошедшая впоследствии в книгу «Воспоминания и другие статьи», опубликован-

¹ Петряев Е. Д. Исследователи и литераторы старого Забайкалья. Очерки из истории культуры края. — Чита, 1954, с. 112.

² Белоголовый Н. А. С. П. Боткин. Жизнь замечательных людей. — СПб., 1892, с. 6.

Рис. 1. Дом Боткиных в Петроверигском переулке.

ную в 1897 г. Воспоминания охватывают период учения в пансионе Эннеса, в Московском университете и за границей.

На протяжении всей жизни Н. А. Белоголовый был связан с А. И. Герценом, поддерживал близкие дружеские отношения с М. Е. Салтыковым-Щедриным, Н. А. Некрасовым, И. С. Тургеневым и многими другими передовыми русскими писателями, художниками и музыкантами. Когда Николай Андреевич переехал в Петербург, он имел возможность наблюдать С. П. Боткина как профессора и общественного деятеля. А когда С. П. Боткин, будучи во Франции, заболел, Н. А. Белоголовый был среди тех, кто оказывал ему медицинскую помощь и присутствовал при его смерти¹.

Воспоминания Н. А. Белоголового включают сведения о большом круге людей, с которыми С. П. Боткин встречался на своем жизненном пути, в том числе о зарубежных деятелях медицины, политических эмигрантах и др. Это издание — наиболее полный и ценный источник биографии знаменитого клинициста.

¹ По данным А. Л. Шварцмана, С. П. Боткин написал Н. А. Белоголовому более 70 писем, из них 30 писем хранятся в Институте социальной гигиены и организации здравоохранения им. Н. А. Семашко и более 40 писем — в отделе рукописей Всесоюзной библиотеки им. В. И. Ленина.

Дом в Петроверигском переулке был в 40-х годах известен культурным кругам московского общества. У В. П. Боткина бывали А. И. Герцен, Н. П. Огарев, М. С. Щепкин, Н. В. Гоголь, Н. А. Некрасов, Д. В. Григорович, А. В. Кольцов, И. С. Тургенев, Л. Н. Толстой. Еще в 30-е годы здесь стал собираться студенческий кружок Московского университета, именовавшийся ранее «Обществом 11-го нумера». Душой этого общества был В. Г. Белинский, друг В. П. Боткина. Василий Петрович был членом этого знаменитого кружка. «Такого круга людей, — писал А. И. Герцен в своем произведении «Былое и думы», — талантливых, развитых, многосторонних и чистых я не встречал потом нигде, ни в высших вершинах политического мира, ни на последних московских литературного и аристократического»¹.

В романе «Рудин» И. С. Тургенев описал подобный кружок. В образе Покорского современники узнавали Николая Станкевича, в образе Рудина — Василия Боткина.

А. И. Дельвиг в воспоминаниях о 30-х годах XIX века писал: «Я каждый день своего пребывания на Нижегородской ярмарке проводил по несколько часов... у известного литератора Боткина, человека весьма умного и образованного, который проводил целые дни в своей огромной чайной лавке в китайском ряду ярмарочного гостиного двора»².

Занятия делами своей торговой фирмы не мешали В. П. Боткину быть литератором, глубоко образованным человеком, знатоком философии Гегеля. Владея европейскими языками, он был постоянным арбитром во всех спорах по западной литературе, которую отлично знал и тонко чувствовал. «Его собственные литературные труды и особенно «Письма об Испании», — вспоминал Н. А. Белоголовый, — встречали в публике почтенный успех и, помимо его гегельянства, создали ему большую известность как знатоку классических произведений по всем отраслям искусств и как человеку, обладавшему тонким эстетическим вкусом. Но главные и существенные достоинства В. П. Боткина не исчерпывались его литературною деятельностью: для всех, его знавших, он был дорог тем, что каждый нахо-

¹ Герцен А. И. Полное собрание сочинений и писем. — Пг., 1919, т. 12, с. 110.

² Полвека русской жизни. Воспоминания А. И. Дельвига (1820—1870). — М.—Л., 1930, т. 1, с. 273.

дил в нем доброжелательную отзывчивость на самые разнообразные умственные интересы. У Белинского не было более искреннего друга, чем В. П. Боткин; Грановский находился с ним в близких приятельских отношениях; вообще люди, которые с начала 40-х годов стояли у нас во главе литературного движения, делились с ним своими произведениями до появления их в печати, потому что ни от кого другого они не могли бы выслушать более меткого и основательного приговора. Мнения его пользовались авторитетом в кругу лучших наших артистов и писателей»¹.

Памяти В. П. Боткина посвящена капитальная монография А. фон Фрикенса «Римские катакомбы и памятники первоначального христианского искусства» (М., 1872): «Дорогой для меня памяти человека, который дал направление моим занятиям, пробудил во мне любовь к изучению памятников искусств и помогал своими советами в составлении этого сочинения». В. П. Боткин умер в Петербурге 10 октября 1869 г. Он завещал 70 тыс. р. на поощрение наук и искусств.

После смерти В. Г. Белинского душою кружка стал Тимофей Николаевич Грановский (1813—1855). Он был профессором всеобщей истории, славой Московского университета. Его деятельность имела большое прогрессивное значение. Вокруг него группировались лучшие передовые люди. Он был одним из посредников между учеными и обществом.

«Грановского невозможно было не полюбить всей душой всякому благородному человеку. Все, что было в Москве благороднейшего между людьми молодого поколения, соединилось вокруг него», — писал Н. Г. Чернышевский². По выражению А. И. Герцена, Т. Н. Грановский «думал историей, учился историей и историей впоследствии делал пропаганду»³.

Жена старшего сына С. П. Боткина А. П. Боткина писала: «Я вспоминаю большую семью Боткиных — детей Петра Кононовича Боткина. Самого Петра Кононовича и его старшего сына Василия Петровича я, естественно, видеть не могла, однако, хорошо знаю, что Василий Петрович был передовым человеком своего

¹ Белоголовый Н. А. Воспоминания и другие статьи. — М., 1897, с. 338.

² Чернышевский Н. Г. Очерки гоголевского периода русской литературы. — М., 1953, с. 275.

³ Герцен А. И. Былое и думы. — М., 1930, т. 2, с. 420.

времени и дружил с Белинским, Станкевичем, Грановским. Я помню других старших братьев Сергея Петровича — Дмитрия Петровича и Петра Петровича...

Дмитрий Петрович очень интересовался искусством, у него была богатая коллекция картин. Мой отец, Павел Михайлович Третьяков, был дружен с Д. П. Боткиным на почве искусства, бывал у него в доме... Младший брат Сергея Петровича — Михаил Петрович также был близок искусству, был художником и имел богатую коллекцию итальянского ренессанса»¹.

Связь с представителями культуры и искусства стала еще более тесной, когда одна из дочерей Петра Кононовича — М. П. Боткина в 1857 г. вышла замуж за поэта А. А. Фета-Шеншина, друга В. П. Боткина, другая дочь — за профессора Московского университета П. Л. Пикулина, а его племянница Н. П. Боткина — за художника И. С. Остроухова.

Атмосферу семьи хорошо передает Н. А. Белоголовый: «Приятно и тепло на душе было присутствовать на фамильных обедах этой семьи, когда нередко за стол садилось более 30 человек чад и домочадцев, и нельзя было не увлечься той заразной и добродушной веселостью, какая царила на этих обедах; шуткам и остротам не было конца; братья трунили и подсмеивались друг над другом, но все это делалось в таких симпатичных и благодушных формах, что самолюбие не уязвлялось, и все эти нападки друг на друга только еще яснее выставляли нежные отношения братьев»².

Молодой Сергей Боткин был вовлечен в круг людей, придерживающихся передовых взглядов, интересовавшихся наукой и искусством, знавших, что происходит в мире.

Старшее поколение не могло не оказать влияние на будущего врача. То, что было здесь заложено, сказалось впоследствии на широте его интересов, на увлеченности не только многими отраслями науки, но и искусством. Общая культурная обстановка, внимание к философии, общественным процессам, происходящим как в России, так и за рубежом, характерны для этого кружка. Живой интерес к жизни, искусству, науке был получен С. П. Боткиным именно здесь.

¹ Боткина А. П. Воспоминания о семействе Боткиных. — Клиническая медицина, 1957, № 8, с. 131.

² Белоголовый Н. А. Воспоминания и другие статьи. — М., 1897, с. 296.

Мрачные годы реакции, когда кризис крепостного строя был уже ясен, когда реакция делала отчаянные усилия для того, чтобы сохранить старые позиции, силы нового уже пробивались, искры будущего взрыва были отчетливо видны. Все более острыми становились конфликты. Появление революционных сил, накопившихся в глубинах общества, приводило к поляризации позиций, вызывало бурные споры в среде молодежи и ее все более решительное вмешательство в общественные события.

В доме в Петроверигском переулке в общении с передовыми русскими людьми формировались замечательные качества С. П. Боткина, которыми он отличался всю жизнь — широта взглядов, гуманизм, высокая культура, глубокий интерес к проблемам современности.

В МОСКОВСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

6 сентября 1850 г. Сергей Боткин был принят в Московский университет после «испытаний на звание студента по медицинскому факультету». «Он готовился быть математиком, — вспоминал Н. А. Белоголовый, — а сделался врачом поневоле, единственно в силу постановления императора Николая, желавшего ограничить число лиц с высшим образованием в России; с этой целью разрешен был свободный доступ только на медицинский факультет, на остальные же факультеты — принимать лишь лучших воспитанников казенных гимназий»¹.

В XIX веке с каждым десятилетием повышалась роль Московского университета в развитии отечественной медицины и создании кадров врачей. Н. И. Пирогов в «Дневнике старого врача» писал, что Московский университет оставил у него глубокие впечатления, что он дал определенное направление для всей его дальнейшей жизни.

«Направление для всей жизни» — эти веские слова говорят о том, какую огромную роль сыграл Московский университет в жизни великого хирурга. Дело, конечно, не только в полученных знаниях, не только академические интересы объединяли студентов. Общест-

¹ Белоголовый Н. А. Воспоминания и другие статьи. — М., 1897, с. 305.

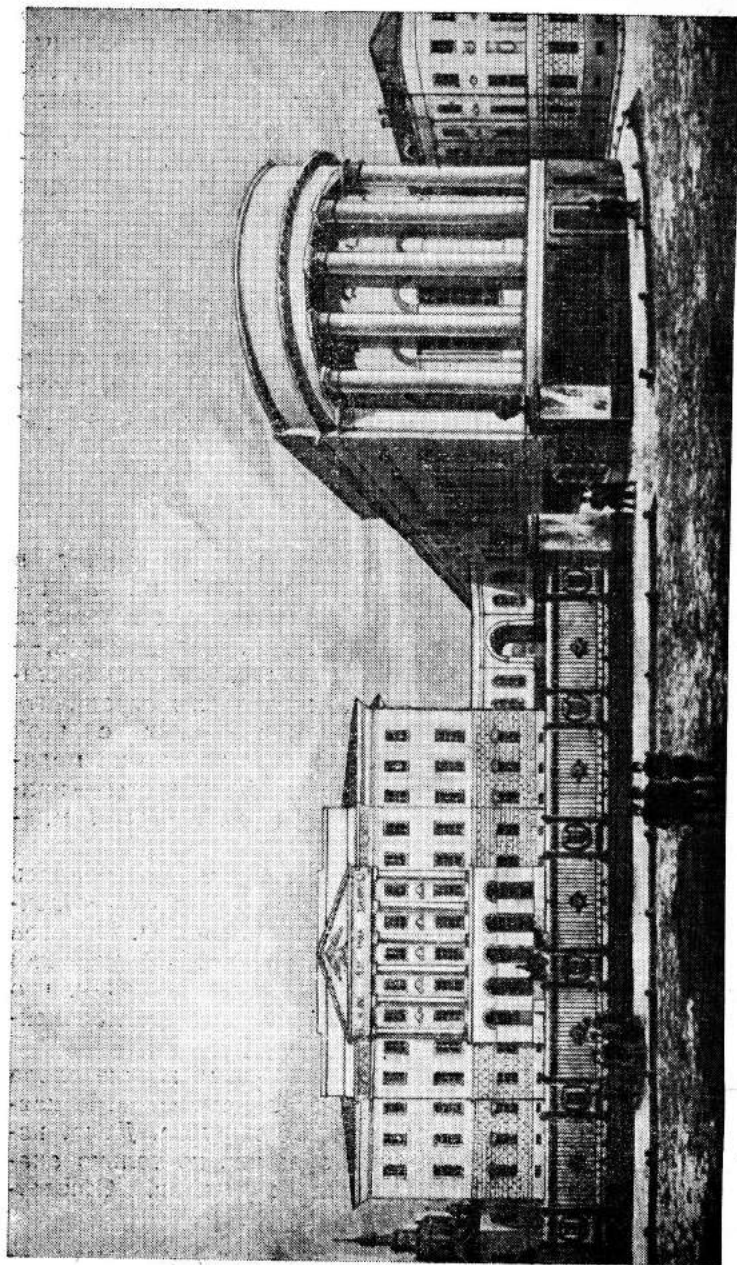

Рис. 2. Московский университет. 1847 г.

венные события привлекали их внимание, волновали и были предметом споров.

С большой теплотой вспоминал Н. И. Пирогов о «десятом номере корпуса квартир казеннокоштных студентов», которые он посещал ежедневно несколько лет подряд. В формировании и воспитании будущего ученого участвовали не только профессора. Здесь вместе с товарищами он читал вольнолюбивые стихи А. С. Пушкина, К. Ф. Рылеева и др. «Да, номер 10-й был такой школой для меня, — вспоминал Н. И. Пирогов, — уроки которой, как видно, пережили в моей памяти много других, более важных воспоминаний... Впоследствии почуялись и в 10-м номере веяния другого времени; слышались чаще имена Шеллинга, Гегеля, Окена. При ежедневном посещении университетских лекций и 10-го номера все мое мировоззрение очень скоро изменилось, но не столько от лекций остеологии Терновского (в первый год Лодера не слушали) и физиологии Мухина, сколько именно от образовательного влияния 10-го номера»¹.

Этот студенческий кружок, возникший по инициативе Н. В. Станкевича, после его смерти возглавил В. Г. Белинский. В него входили писатель К. С. Аксаков, историк Т. Н. Грановский, В. П. Боткин. Когда В. Г. Белинский был исключен из университета, кружок стал собираться у В. П. Боткина.

Московский университет, писал А. И. Герцен в своем произведении «Былое и думы», вырос вместе с Москвой после 1812 г.: «Я так много обязан университету и так долго после курса жил его жизнью, с ним, что не могу вспоминать о нем без любви и уважения»².

В 50-е годы Московский университет не только сохранил прогрессивные традиции, но и обогатился знаниями молодых профессоров; на медицинском факультете — теоретиками, клиницистами и физиологами-экспериментаторами.

За исключением Ф. И. Иноземцева, вспоминал Н. А. Белоголовый, медицинский факультет не имел таких первоклассных талантов, какие были на других факультетах, но и в его среде было несколько профессоров, лекции которых могли развивать в слушателях уважение к науке.

¹ Пирогов Н. И. Собр. соч. — М., 1962, т. 8, с. 399.

² Герцен А. И. Полн. собр. соч. — Пг., 1919, т. 11, с. 98—99.

В 1850—1855 гг. на медицинском факультете преподавали: сравнительную анатомию — К. Ф. Рулье, описательную анатомию — Л. С. Севрук, физиологию — И. Т. Глебов, патологию — А. И. Полунин, терапию — И. В. Варвинский и А. И. Овер, хирургию — А. И. Польш и Ф. И. Иноземцев.

Хотя преподавание сохранило рутинные традиции, устаревшие методы и точки зрения, но вместе с тем ведущую роль играли представители нового поколения, о которых с благодарностью говорит С. П. Боткин: они заложили стремление к познанию, уважение к поиску, к идеям, которые лишь в последующие десятилетия пышно расцвели.

Непосредственными учителями С. П. Боткина, оказавшими на него большое влияние, были физиолог И. Т. Глебов, патолог А. И. Полунин, хирург Ф. И. Иноземцев, основатель госпитальной терапевтической клиники И. В. Варвинский. Это были талантливые и преданные науке преподаватели.

Университет помог С. П. Боткину укрепить в нем любовь к медицине и заложить прочный фундамент основных знаний. Из своих учителей он особенно выделял Федора Ивановича Иноземцева (1800—1869). В актовой речи, сказанной 13 января 1855 г. профессором, историком литературы С. П. Шевыревым, говорится, что «клиника факультетская по беспристрастному признанию ученых есть учреждение, подобного которому не представит современная Европа». Этой клиникой, в которой учился и С. П. Боткин, заведовал Ф. И. Иноземцев. Как свидетельствует С. А. Смирнов, С. П. Боткин с любовью и не без некоторой гордости повторял, что он ученик Ф. И. Иноземцева. Он собирал материал для его биографии, намеревался ее писать, но не сумел из-за своей занятости осуществить это намерение. О его отношении к учителю убедительно говорит надпись, которую он сделал на своей докторской диссертации: «Многоуважаемому наставнику, профессору Федору Ивановичу Иноземцеву в знак глубочайшего почтения от автора». Диссертация эта хранится в библиотеке Тартуского университета.

Н. А. Белоголовый писал о Ф. И. Иноземцеве как о самом даровитом и самом популярном из всех профессоров медицинского факультета. «Он вносил в свои лекции столько пылко и молодого увлечения и любви к науке, что невольно сообщал их и своим слушателям...

Слушатели всегда валили толпой на его лекции и считали себя многим ему обязанными; их привлекало к нему его талантливое изложение, живое отношение к науке, стремление к точному разбору клинических больных, вырабатывавшее в слушателях необходимую наблюдательность и, наконец, искреннее и гуманное отношение к больным»¹.

И. М. Сеченов также характеризует Ф. И. Иноземцева как самого симпатичного и самого талантливого профессора медицинского факультета: «Он принадлежал к хирургам, которые ставят операцию не на первый план, а рядом с подготовлением больного к ней и последовательным за операцией лечением. Поэтому он проповедовал, что хирург должен быть терапевтом»².

Известный хирург, осуществивший 7 февраля 1847 г. первую в Москве операцию под эфирным наркозом, активный участник комиссии по внедрению этого наркоза в отечественную хирургию, Ф. И. Иноземцев одновременно был и популярным терапевтом. Он учился в профессорском институте Дерптского университета вместе с Н. И. Пироговым. Талантливый человек, оригинального склада ума, обладавший тонкой наблюдательностью, превосходный лектор и педагог — таким он рисуется в воспоминаниях его слушателей. Он был в дружеских отношениях со многими выдающимися деятелями литературы и искусства — с Н. В. Гоголем, Н. М. Языковым, Т. Н. Грановским, М. П. Погодиным, М. С. Щепкиным.

В статье о С. П. Боткине в первом издании Большой медицинской энциклопедии З. П. Соловьев подчеркнул, что наибольшее влияние на него в университете оказал профессор Ф. И. Иноземцев, привлекавший молодежь своим критическим отношением к медицинским теориям, считавшимся тогда непоколебимыми. Именно Ф. И. Иноземцев развил в своем ученике стремление к клиническому мышлению, к клиническому разбору, к постоянному анализу, систематическому обобщению, культивировал индивидуализацию в терапии. Именно он требовал постоянной работы над собой и настоятельно советовал С. П. Боткину поехать для дальнейшего обучения за границу. Ф. И. Иноземцев подчеркивал,

¹ Белоголовый Н. А. Воспоминания и другие статьи. — М., 1897, с. 335.

² Сеченов И. М. Автобиографические записки. — М., 1907, с. 61—62.

Федор Иванович Иноземцев

что, по его мнению, наряду с посылкой врачей за границу для изучения патологии и терапии, следовало бы их посылать и для изучения истории медицины, особенно истории поварных болезней.

Ф. И. Иноземцев формировал и этические взгляды будущих врачей: «...науки, — говорил он, — не разлучны с честностью в науке. Тот, кто в науке видит одну дойную корову для себя, тот не честный слуга, а промышленник, обращающий светлое имя науки в торговый промысел. Врач в своей практической деятельности должен быть прежде всего другом человечества»¹.

С. П. Боткин ценил Ф. И. Иноземцева и за то, что он был идейным застрельщиком борьбы за самостоятельность отечественной медицины, за ее авторитет и мировую славу. Являясь противником клеточной патологии Р. Вирхова и гуморальной теории К. Рокитанского, Ф. И. Иноземцев считал основным в происхождении заболеваний нарушения со стороны вегетативной нервной системы. Большое значение он придавал психическим травмам. В развитии ряда заболеваний, по его мнению, может иметь значение «возмущение духа»: гнев, уныние, огорчение, а преимущественно — испуг.

Высказываясь против гуморального направления в медицине и критикуя это направление, Ф. И. Иноземцев обосновывал значение симпатической ганглиозной системы в патологических процессах и при защите сво-

¹ Аксман К. Исследования о минералогическом строении и о физиологии узловой нервной системы человека и позвоночных животных. — М., 1856, с. IV—V.

ей точки зрения впадал, как говорил С. П. Боткин, в ту исключительность, которая придала его учению догматический характер.

Ф. И. Иноземцев на протяжении всей своей деятельности развивал анатомо-физиологическое направление понимания болезни, которое затем продолжал развивать С. П. Боткин. Достаточно напомнить такие его труды, как «Брюшное раздражение» (1859), «Основание, патология и терапия нервного тока» (1863) и др. Особенно интересна в этом отношении статья Ф. И. Иноземцева, напечатанная в начале 1851 г. под названием «Терапевтический опыт», пропагандирующая клинический эксперимент в целях установления свойства лечебного препарата. В этой статье он высказывался против нигилизма в терапии.

С. Барков в предисловии к русскому переводу книги немецкого физиолога К. Аксмана «Исследования о микроскопическом строении в физиологии узловатой нервной системы человека и животных» подчеркнул приоритет Ф. И. Иноземцева в постановке клинического эксперимента. Он писал: «Уже в 1840 г. профессор Иноземцев стал замечать преобладание болезней с узловатым характером и руководствовался этим типом (*genius morborum*) при своей огромной практике. Из-под пера нашего профессора от времени до времени являлись статьи с целью обратить внимание врачей-практиков на настоящее значение узловатой нервной системы в жизненном процессе и на участие ее в современных нам болезнях»¹.

Ф. И. Иноземцев пропагандировал водолечение, написал обширную монографию о молочной терапии, ввел в практику ландышевую настойку, в своей научной работе и преподавании применял микроскопию. В 1857 г. он основал «Московскую медицинскую газету» и редактировал ее вместе с С. А. Смирновым. Эта газета существовала до 1878 г. и сыграла большую роль в развитии научной и общественной медицины.

Ф. И. Иноземцев воспитал целое поколение русских врачей. Среди его учеников были И. М. Сеченов, С. П. Боткин, Г. А. Захарьин, А. А. Остроумов, Н. В. Склифосовский, А. И. Бабухин, Д. Н. Зернов и многие другие.

¹ Аксман К. Исследования о минералогическом строении и о физиологии узловатой нервной системы человека и позвоночных животных. — М., 1856, с. IV—V.

Высокую оценку Н. А. Белоголового и С. П. Боткина заслужил и профессор Иван Тимофеевич Глебов (1806—1884), ученик И. Е. Дядьковского, преподававший сравнительную анатомию и физиологию. В своей диссертации «О страстях» (1832) И. Т. Глебов пытался материалистически объяснить происхождение и основные закономерности психической деятельности. И. М. Сеченов писал, что это был несомненно очень умный и оригинальный лектор. На лекциях его слушали с неослабевающим вниманием. Он умел увлекать слушателей, ставя один вопрос за другим и добиваясь того, чтобы они сами отыскивали ответ. По воспоминаниям Н. А. Белоголового, он был не только прекрасным и талантливым профессором, но и слыл грозой московских студентов-медиков своей беспощадной взыскательностью на экзаменах.

«В высшей степени ясное, живое и критическое изложение предмета возбуждало в слушателях тот интерес к науке, ту искреннюю любовь к истине, которые составляют одно из существенных условий развития истинного ученого», — писал о нем С. П. Боткин.

Академик Ф. В. Овсянников говорил, обращаясь к И. Т. Глебову на его юбилее: «С Вашим именем неразлучно связаны воспоминания о микроскопических занятиях студентов, впервые введенных Вами в Московском университете».

И. Т. Глебов был приглашен президентом Медико-хирургической академии П. А. Дубовицким на должность вице-президента и сыграл выдающуюся роль в ее преобразовании. По его рекомендации в академию впоследствии были приглашены И. М. Сеченов и С. П. Боткин.

С большой теплотой и благодарностью вспоминали С. П. Боткин и Н. А. Белоголовый профессора Иосифа Васильевича Варвинского (1811—1878), который был переведен в Москву из Дерптского университета. Он хорошо владел методами исследования больных, придавал большое значение патологической анатомии в познании болезни, старательно следил за медицинской литературой.

Образованный и сведущий практик, профессор госпитальной терапии запомнился студентам. Н. А. Белоголовый писал, что они попадали на лекции Варвинского, как на обетованную землю, где их голод в клинических познаниях получал достаточное удовлетворение.

У С. П. Боткина сложились дружеские отношения с И. В. Варвинским, с которым он беседовал о перкуссии и аускультации и который подарил ему свой стетоскоп. Отличали его и другие профессора. На курсе большинство студентов занимались с большим усердием, но все считали его первоклассной звездой курса, ценили его даровитость и предсказывали выдающуюся будущность.

Однокурсник С. П. Боткина Л. Ф. Змеев называет в качестве первого его учителя Павла Лукича Пикулина (1822—1855), отметив его особую роль в формировании будущего врача. Он был мужем сестры С. П. Боткина. Это был тот самый П. Л. Пикулин, который ездил за границу к А. И. Герцену за номерами «Колокола», посвященными 30-летию казни декабристов.

П. Л. Пикулин был одним из наиболее видных московских клиницистов 40—50-х годов прошлого столетия. Для того времени он был неплохим невропатологом. Его диссертация была посвящена актуальному вопросу — «Учение о размягчении мозга» (1848). Как педагог он пользовался большой любовью и авторитетом у студентов.

В начале 50-х годов П. Л. Пикулин вернулся из заграничной поездки, где он совершенствовал свое образование и умение владеть способами исследования. Он мог уже считаться в это время образцовым преподавателем и диагностом.

Н. А. Белоголовый вспоминал, что студенты, заканчивая последний год своего университетского образования, плохо были обучены элементарным методам исследования больных. П. Л. Пикулин предложил им заниматься с ними по вечерам, и эти занятия оказались особенно драгоценными и назидательными для них, потому что здесь они впервые познакомились с истинной диагностикой, которая хотя и преподавалась по программе на 3-м курсе, но была в такой архаической форме, что студенты смотрели на постукивание и выслушивание, как на шарлатанство. На этих занятиях они знакомилась с методами диагностики, осваивали методы перкуссии. По воспоминаниям Н. А. Белоголового, С. П. Боткин вскоре сделался первым мастером этого искусства, и товарищи обращались к нему всякий раз как к авторитету.

П. Л. Пикулин выделялся как блестящий диагност и первый начал пропагандировать на медицинском факультете методы дифференциальной диагностики.

Противоречивы высказывания о профессоре А. И. Полунине: «Он без сомнения имел наибольшее влияние на наше развитие, — писал С. П. Боткин. — Это влияние обуславливалось исключительно его глубокой эрудицией, педагогическим талантом и прогрессивными устремлениями»¹. Знаток многих древних и новых иностранных языков, А. И. Полунин в 50-х годах прошлого столетия «...был во всеоружии тогдашней науки, украшением своего факультета, грозой невежества...» Он обладал трезвым умом и отличался независимостью суждений при оценке достижений и заслуг ученых-медиков. Материалистическое мировоззрение, глубокая специальная подготовка, умение пользоваться литературным материалом позволяли ему без труда вскрывать псевдонаучную сущность теорий, проповедовавшихся Бруссе, Месмером, С. Ганеманом, а также ограниченность эмпириков, отвергавших необходимость анализа и обобщения наблюдаемых явлений.

Н. А. Белоголовый вспоминал и о профессорах иной направленности. Например, профессор А. И. Овер, «особа, увешенная несметным количеством орденов, хороший практик-терапевт» (по словам С. П. Боткина) почти не бывал в клинике и успевал за курс прочитать только одну — две лекции на «изящном латинском языке». В числе «полезных профессоров» Н. А. Белоголовый называл профессора акушерства, тогда еще молодого человека В. И. Коха, весьма свежо и ясно излагавшего лекции по своей специальности, и уже пожилого, но дельного Н. С. Топорова, читавшего частную патологию и терапию. Н. А. Белоголовый приводил мнение о нем С. П. Боткина, который считал, что «это был не ученый профессор, а тот очень сметливый русский мужичок, который до многого доходит своим сильным здравым смыслом».

Однако наряду с этим в университете было достаточно и талантливых, знающих, преданных своему делу профессоров и ученых, оставивших глубокий след в памяти бывших своих воспитанников, направивших их на верный путь, давших им глубокие знания и прививших умение мыслить, иметь самостоятельную точку зрения. К числу таких учеников относился С. П. Боткин, выделявшийся своими необыкновенными способностями и редким трудолюбием. Он аккуратно являлся на занятия,

¹ Огнев С. И. И. Ф. Огнев. — М., 1949, с. 22.

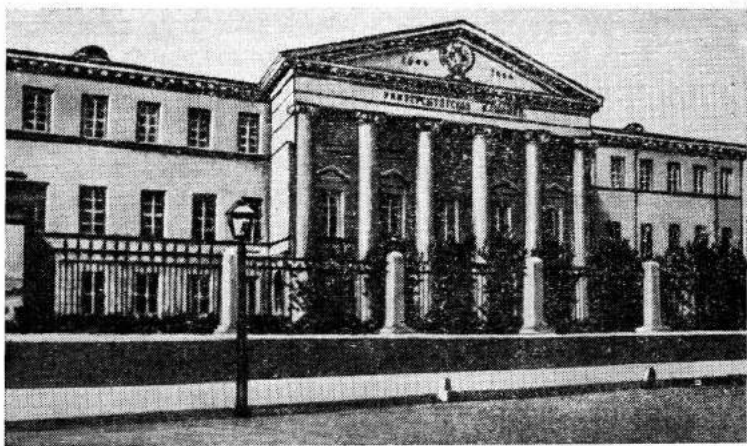

Рис. 3. Университетская клиника на Рождественке.

и так как печатных руководств и учебников в то время было крайне недостаточно, то он тщательно записывал лекции за профессорами, по которым готовился к экзаменам. Его всегда можно было видеть вблизи кафедры. Тетради С. П. Боткина считались образцовыми, и другие студенты восполняли по ним пробелы в своих записях.

На занятиях С. П. Боткин отличался трудолюбием. Он с увлечением работал в прозекторской, овладел микроскопом, сумел многое перенять у передовых московских профессоров. Как свидетельствовал Н. А. Белоголовый, «неуклонное стремление Боткина, при его талантливости и сосредоточенности в занятиях, желании все понять и все объяснить не только себе, но и сделать ясным другим, и заставляло смотреть на 20-летнего Боткина как на молодого орленка, будто инстинктивно пробующего свои отрастающие крылья, и по взмаху его тогдашнего полета догадываться, как высоко он будет парить впоследствии».

Студенты жили дружно, деля время между занятиями на факультете и встречами в кружках, обсуждая злободневные вопросы общественной жизни.

«Боткин был одним из самых симпатичных и милых членов этого товарищеского кружка, — вспоминал Н. А. Белоголовый, — его все любили за его необыкновенное добродушие, всегда ровный, веселый характер и незлобивое, никого не задиравшее остроумие, и в то же

время очень уважали за основательность его медицинских знаний, за горячее стремление к ясному усвоению всего, что нам преподавалось и за неослабную любовь к науке».

На 3-м курсе состоялось знакомство С. П. Боткина с И. М. Сеченовым в семье московского чиновника Д. Д. Шумахера. «По пятницам у них собирались постоянно: Владимир Визар, Александр Николаевич Афанасьев, студент Сергей Петрович Боткин и я. Здесь-то,—писал И. М. Сеченов,—и началось мое знакомство с последним, перешедшее в дружбу уже во время нашего пребывания за границей»¹.

И. М. Сеченов сыграл большую роль в формировании мировоззрения С. П. Боткина. Между двумя юношами, студентами Московского университета, а затем врачами, возникла и окрепла дружба, которая продолжалась всю жизнь. К Сеченову, по словам Н. А. Белоголового, Боткин до самой смерти питал самые трогательные нежные чувства дружбы. Это был необычайно плодотворный союз. Общие интересы, общая подготовка в сходных условиях, сначала в Москве, в университете, а затем за границей, в ряде зарубежных лабораторий, у разных профессоров позволили выработать общее мировоззрение. В двух молодых людях проявились характерные черты поколения. Не случайно Н. Г. Чернышевский выбрал прототипами для своего знаменитого романа «Что делать?» именно их.

Подводя итоги, можно сказать, что медицинский факультет Московского университета не только дал С. П. Боткину серьезные знания, но и указал направление, убедил в необходимости совершенствоваться и иметь свое мировоззрение, научил не ограничиваться только накоплением формальных знаний. Здесь он научился работать и иметь свою точку зрения о медицине, что ему очень пригодилось, когда, будучи молодым врачом, он оказался за рубежом.

УЧАСТИЕ В КРЫМСКОЙ ВОЙНЕ

Патриотизм С. П. Боткина — резко выраженная и определяющая черта его характера, его жизненного поведения, его взглядов и мировоззрения. В этом он похож на другого великана отечественной медицины —

¹ Сеченов И. М. Автобиографические записки. — М., 1907, с. 59.

Николая Ивановича Пирогова (1810—1881), с которым его свела судьба.

Получив звание лекаря с отличием и право на получение степени доктора медицины, С. П. Боткин по совету Т. Н. Грановского принял решение ехать в Крым. Через несколько дней после сдачи экзаменов он уехал в Симферополь, где по рекомендации своего товарища по университету Л. А. Беккера работал в госпиталях под руководством Н. И. Пирогова.

Разговор с Т. Н. Грановским натолкнул С. П. Боткина на раздумья о войне. Он так объяснил Н. А. Белоголовому свое желание ехать в Крым: «А сказать тебе, почему я быстро согласился? Еще на днях у нас зашел разговор с Т. Н. Грановским о недостатке врачей в наших войсках, и он сказал мне, что если бы он был на моем месте, т. е. студентом IV курса, то сейчас же бросил университет и ушел бы фельдшером в действующую армию... „Время ли теперь учиться? Тысячи раненых солдат лежат на полях сражения, стонут и мучаются и гибнут от недостатка ухода, а скольким из них вы могли бы помочь!“».

О влиянии Т. Н. Грановского на патриотические чувства передового студенчества, и в частности на молодого Боткина, свидетельствует его письмо к профессору И. В. Варвинскому. «...Конечно, у нас есть разные студенты. Одни из них упорно учатся и держат себя на достойной высоте. Другие каждый вечер сидят в балете и даже не желают смотреть на то, что делается вокруг. У нас в университете есть и лучшие из лучших. Что меня глубоко порадовало, так это желание Вашего Боткина, не закончив полного курса, идти фельдшером в действующую армию. Он был у меня. Я долго говорил с ним... Это молодой человек хороших и светлых убеждений, горячо любящий свое дело и из него выйдет толк, потому, что он любит науку!».

В. П. Боткин писал Н. А. Некрасову 4 сентября 1855 г.: «Брат Сергей (медик) завтра отправляется в Севастополь. Он будет состоять при Пирогове».

По воспоминаниям Н. И. Пирогова, крымские лазареты и бараки были наполнены ранеными, среди которых царствовали тиф и кровавый понос.

Пребывание С. П. Боткина в Крыму продолжалось несколько месяцев. Работа под руководством находившегося в зените славы великого хирурга была важным событием в его жизни.

Медицинская служба крепостнической России оказалась неподготовленной к такой длительной и тяжелой борьбе, которую пришлось выдержать защитникам Севастополя. Интендантские чиновники, занимавшиеся больше воровством и взяточничеством, не были склонны прислушиваться к критике порядков, установленных ими в снабжении, в организации питания в госпиталях. Аппарат управления медицинской службой находился в руках бездарных чиновников.

В. И. Ленин писал, что «Крымская война показала гнилость и бессилие крепостной России»¹. Эти гнилость и бессилие царского самодержавия с предельной ясностью были показаны в «Севастопольских письмах» Н. И. Пирогова. Бюрократизм и подлость интендантов, тупость администраторов, равнодушие, стяжательство мешали успеху в благородном деле помощи раненым.

Наступила осень, шли дожди, в солдатских палатках, где лежали раненые, было невыносимо холодно, не хватало подушек, одеял. Вот что писал Н. И. Пирогов жене 8 сентября 1855 г.: «Я не знал, как поправить дело, и пошел более по инстинкту, нежели с намерением заглянуть в цейхгауз; к моему удивлению я нашел там еще несколько сложенных палаток и не развязанных тюков; оказалось, что было еще 400 одеял, которые добродетельное комиссариатство госпиталя не распаковало, остерегаясь излишней отчетности»². Таких примеров Н. И. Пирогов приводит десятки. Горькие, критические оценки Н. И. Пирогова, касающиеся организации помощи раненым воинам, имеют гораздо более глубокий смысл.

Военно-медицинская доктрина, созданная Н. И. Пироговым в период Крымской войны, была проверена на практике и остается до сих пор непревзойденным вкладом русского ученого в дело помощи раненым. Н. И. Пирогов заново обосновал систему мероприятий, все звенья которой должны служить одной цели. «К чему служат все искусные операции, все способы лечения, если раненые и больные будут поставлены администрацией в такие условия, которые вредны и для здоровых? А это случается зачастую в военное время. От администрации, а не от медицины зависит и то, чтобы всем раненым

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 20, с. 173.

² Пирогов Н. И. Собр. соч. — М., 1962, т. 8, с. 367.

без изъятия и как можно скорее была подана первая помощь, не терпящая отлагательства»¹.

Эти знаменитые слова Н. И. Пирогова — «от администрации, а не от медицины» — были повторены потом сотни раз в приказах и инструкциях, в книгах и научных работах и до сих пор являются краеугольным камнем организации помощи раненым.

Мнение С. П. Боткина о работе госпиталей изложено в его записке, которая была опубликована полностью в статье проф. А. М. Геселевича². Она является ответом С. П. Боткина на запрос В. И. Васильчикова, возглавлявшего Комитет для улучшения военно-медицинского дела и реформы госпиталей. В. И. Васильчиков обратился к С. П. Боткину с просьбой высказать свои соображения по этим вопросам. Эти соображения направлены на улучшение военно-медицинского дела в целом. В них обосновано также предложение об увеличении срока обучения в высших медицинских учреждениях.

С. П. Боткин писал: «На основании этого я позволю себе сделать следующее предложение: право полной самостоятельности в лечении и администрации, право голоса в конторе врач получает не иначе, как прослуживши известное число лет в том или другом госпитале и получивши аттестацию своих старших товарищей. До этого он действует под непосредственным надзором и ответственностью одного из старших ординаторов, который, заведая своей палатой, исключительно играет роль консультанта в палате одного из молодых врачей»³.

Мнение С. П. Боткина, в то время молодого врача, продуманно и обоснованно — сказался небольшой по времени, но очень ценный опыт работы в Севастополе.

С. П. Боткин, как и Н. И. Пирогов, возмущался беспорядками, которые он наблюдал. Позже в речи о Н. И. Пирогове он говорил: «Нужно было иметь энергию Николая Ивановича, чтобы продолжать эту борьбу с лихоимством, начало которого лежало, конечно,

¹ Пирогов Н. И. Собр. соч. — М., 1961, т. 6, ч. 2, с. 369.

² Геселевич А. М. Неизданная записка С. П. Боткина об устройстве госпиталей и об увеличении сроков высшего медицинского образования. — Клиническая медицина, 1962, № 10, с. 142.

³ Там же.

не в отдельных личностях, а в целой системе и в нашей общей степени нравственности»¹.

С. П. Боткин дал глубокий анализ личности Н. И. Пирогова и оценку его деятельности в Севастополе в речи, посвященной памяти великого хирурга, которую он произнес в Обществе русских врачей Петербурга 7 мая 1881 г.

В этой же речи С. П. Боткин говорил о Н. И. Пирогове как о деятеле военной медицины. «Вместе с именами других героев, защищавших Севастополь, имя Пирогова, защищавшего жизнь целых тысяч раненых воинов, имеет историческое значение. Здесь Пирогов показал себя не только великим хирургом, но и большим администратором: он внес смысл, порядок в дело помощи раненым на поле битвы; прежний хаос перевязочного пункта получил правильную организацию. Продолжая здесь также бороться с злоупотреблениями медицинской администрации... проводя дни и ночи в работе, Пирогов служил блестящим примером самоотверженного служения обществу»². С. П. Боткин считал, что «...Пирогов был значительно выше того времени, в которое ему приходилось действовать. Опередив свой век в науке, он опередил его и в общественной деятельности»³.

Сопоставляя взгляды двух выдающихся отечественных медиков, И. Г. Руфанов и А. М. Геселевич писали: «Те черты сходства во взглядах, которые мы констатировали, не являются, понятно, следствием того, что С. П. Боткина надо считать в какой-то степени учеником Н. И. Пирогова. Это не было у С. П. Боткина и слепым подражанием взглядам того человека, авторитет которого он высоко ставил. Но, помимо возможной роли непререкаемого авторитета Н. И. Пирогова, некоторые классические концепции не могут не оказывать влияние на крупных деятелей, как бы наследующих и развивающих эти воззрения своих предшественников»⁴.

Севастопольские события остались памятными С. П. Боткину на всю жизнь. Он горячо их переживал, отмечая героизм русских солдат и возмущаясь бюрократизмом чиновников. Работая в госпиталях,

¹ Еженедельная клиническая газета, 1881, № 20, с. 348—349.

² Там же, с. 345—346.

³ Там же, с. 347.

⁴ Руфанов И. Г., Геселевич А. М. Н. И. Пирогов и С. П. Боткин. — Клиническая медицина, 1960, № 11, с. 6.

С. П. Боткин убедился, как пишет Н. А. Белоголовый, в личной непригодности к хирургии, для которой требуется более тонкое зрение, чем то, которое было у него. Он решил стать терапевтом.

Впоследствии С. П. Боткин неоднократно возвращался к памятным севастопольским событиям, и многие его взгляды как на военно-санитарные вопросы, так и на борьбу с эпидемиями, носят отпечатки военных впечатлений. Но главное заключается в том, что сквозь призму Крымской войны он осознал недостатки и пороки системы здравоохранения царской России и на протяжении всей последующей жизни по мере сил пытался внести в нее исправления.

ЗА ГРАНИЦЕЙ

В Германии. В 1856 г. С. П. Боткин выехал за границу для завершения своего медицинского образования. Недавно умерший отец завещал ему некоторые средства, что дало возможность не думать о материальной стороне дела. Кроме того, требования при получении заграничных паспортов были в это время облегчены и уничтожена высокая плата за них. С. П. Боткин был в числе первых, воспользовавшихся этими льготами, и в конце февраля выехал в Германию, не зная еще, как и у кого можно было бы учиться в Европе с пользой. Остановившись в первом университетском городе — Кенигсберге, он услышал в терапевтической клинике профессора Гирша от одного молодого ассистента, что Р. Вирхов, профессор патологической анатомии в Вюрцбурге, считается одним из прогрессивных ученых Германии. С. П. Боткин отправился в Вюрцбург. Однако Р. Вирхов в это время — осенью 1856 г. — получил приглашение на кафедру в Берлин, и С. П. Боткин последовал за ним.

Медицина переживала в этот период переломный момент. Теория гуморальной патологии, отстаивавшаяся венским профессором К. Рокитанским (1804—1878), была под ударами критики. Все яснее становилось, что она устарела, противоречит новым, добытым с помощью микроскопа фактам, не может удовлетворить возросшие требования патологов и клиницистов.

Критику концепции К. Рокитанского возглавлял Рудольф Вирхов (1821—1902). Несмотря на то что ему было всего 35 лет, он успел проявить себя как реши-

тельный сторонник социальных мероприятий по ликвидации или хотя бы уменьшению эпидемии сыпного тифа.

В письмах к брату Василию С. П. Боткин сообщал о своем увлечении Р. Вирховым как ученым и об усиленных своих микроскопических исследованиях. «Он набросился на работу», — вспоминает Н. А. Белоголовый.

В Берлине С. П. Боткин провел около 2 лет, заполненных до краев разнообразными и интенсивными занятиями. Годы работы, проведенные у выдающегося немецкого ученого, много дали молодому врачу. Он овладел микроскопическими и некоторыми химическими методиками, ознакомился с неизвестными ему разделами клинической медицины.

Первую свою научную работу С. П. Боткин сделал в лаборатории медицинской химии, которой руководил единомышленник Р. Вирхова, молодой биохимик Эрнст Гоппе-Зейлер (1825—1895), впоследствии известный профессор Страсбургского университета, создатель первой в мире кафедры физиологической химии. С ним С. П. Боткин сблизился и даже подружился. Это первое исследование С. П. Боткина заключалось в проверке результатов одной работы немецкого ученого. Проверка показала, что Э. Гоппе-Зейлер ошибался. Он считал причиной застоя крови в венах следующий факт. Когда стенку капиллярного сосуда в опытах смачивали раствором какой-либо соли, раствор этот вытягивал через стенку сосуда плазму крови и образовывался застой.

Это объяснение показалось С. П. Боткину мало обоснованным и он стал проверять результат данного опыта, взяв другой объект для наблюдения. В частности, он стал изучать движение крови не в плавательной перепонке лягушки, а в капиллярах брыжейки, где пигмент не мешал более точному наблюдению. Опыты показали, что в капиллярах кровяные тельца не меняют формы, а в узких местах капилляров они вытягиваются в длину и активно сокращаются. Попав в просвет капиллярного сосуда, кровяные тельца снова принимают круглую форму.

С. П. Боткин установил, что раствор соли суживает просвет капилляра и одновременно влияет на форму кровяных шариков — они сморщиваются и через узкие места капилляра уже не проходят, вызывая их закупорку.

ривание и последующий застой. Иными словами, причина застоя крови другая — не проникновение части крови через стенки сосуда, а сморщивание кровяных шариков и отсутствие способности их сокращаться.

Многokrатно проверенные опыты подтверждали правоту С. П. Боткина. Э. Гоппе-Зейлер сначала не соглашался с его мнением, но перед лицом неоспоримых фактов он был вынужден признать правильность его выводов. Работа С. П. Боткина была напечатана¹.

Заслуживает внимания решительность, с которой молодой ученый опровергал исследования, проведенные в известной лаборатории у Р. Вирхова.

С. П. Боткин интенсивно занимался клинической медициной в клинике проф. Людвига Траубе (1818—1876), которого он высоко ценил как клинициста, отдавая должное его знаниям. Ученик Я. Пуркинье, И. Мюллера и И. Шкоды, берлинский профессор внедрял экспериментальный метод в клинику. Он изучал связь между заболеванием сердца и почек, опубликовал глубокие исследования о происхождении сердечных тонов, о тромбозе, эмболии и др. Л. Траубе одним из первых отметил изменения в легких при экспериментальной перерезке блуждающего нерва. В результате исследований Л. Траубе измерение температуры тела у лихорадящих больных стало обязательным методом оценки состояния их здоровья. В своих теоретических обобщениях он основывался на патологических исследованиях Р. Вирхова, разделяя его взгляды.

Обширные труды Л. Траубе издавались и в России². Они содержат солидный материал их изучали многие врачи Европы. При сравнении трудов Л. Траубе и С. П. Боткина нетрудно заметить, что делавшиеся их современниками попытки доказать, что С. П. Боткин подражал Л. Траубе, не имеют серьезных оснований. Сравнение лекций Л. Траубе и С. П. Боткина, посвященных одним и тем же заболеваниям, свидетельствуют о том, что последний и по методу рассмотрения клинического материала, и по трактовке патологических процессов шел совершенно самостоятельным путем.

¹ Боткин С. Образование застоя в кровеносных сосудах брыжейки лягушки от действия средних солей. — Военно-медицинский журнал, 1858, ч. 73, разд. 2.

² Траубе Л. Полное собрание клинических лекций. — М., 1874, кн. 1—2.

Рис. 4. С. П. Боткин и И. М. Сеченов. Вторая половина 60-х годов.

В 1857 г. в Берлин приехал для занятий И. М. Сеченов. Дружеские его отношения с С. П. Боткиным завязались еще в Москве. За границей их дружба окрепла. Это обуславливалось единым пониманием значения науки. Это была дружба единомышленников, решавших общие задачи. Общение С. П. Боткина и И. М. Сеченова взаимно их обогащало. Оба они, убедившись в ограниченности эмпиризма медицины, сделали из этого выводы, однако разного характера. И. М. Сеченов отказался от врачебной деятельности и на всю жизнь свя-

зал свои интересы с физиологией. С. П. Боткин все свои усилия направил на патофизиологическое обоснование клинических исследований.

«У меня с Боткиным, — вспоминал И. М. Сеченов, — занятия продолжались с утра до 6 ч вечера... После занятий компания очень часто сходилась вместе с заслуженным в течение дня правом веселиться... Душою кружка и запевалой был жизнерадостный Боткин... Он и Беккерс были большими любителями немецкой музыки...»¹.

С. П. Боткин, начав свою научную деятельность у Р. Вирхова, воспринимал его как внимательный ученик, отдавая должное ученому, и неоднократно высказывал свое положительное отношение к его теории — целлюлярной патологии. Об этом он говорил в речи, посвященной 25-летию юбилею ученого, на заседании Общества русских врачей в Санкт-Петербурге в 1881 г.

В дальнейшем чем быстрее совершенствовал свои знания С. П. Боткин, чем определеннее выявлялась самостоятельность его позиции, тем яснее становилась несовместимость его клинико-патологических взглядов и концепций Р. Вирхова. Уже ко времени отъезда из Германии у С. П. Боткина сложились определенные представления о роли нервной системы в организме. Предпосылкой для разработки теории явилось открытие И. М. Сеченовым феномена центрального торможения. Это подтверждает сопоставление концепции Р. Вирхова со взглядами И. М. Сеченова. В тезисах своей докторской диссертации Иван Михайлович писал: «Клеточная патология, в основе которой лежит физиологическая самостоятельность «клеточки» или, по крайней мере, гегемония ее над окружающей средой, как принцип ложна. Учение это не более как крайняя ступень развития анатомического направления в физиологии».

В Вене. Знакомство с наиболее известными европейскими клиниками С. П. Боткин продолжал в Вене, куда он приехал осенью 1858 г. после летнего отдыха в Москве. Здесь он слушал лекции физиолога К. Людвиг, клинициста И. Оппольцера, посещал также клинику дерматолога Ф. Гебры, лекции чешского терапевта Й. Шкоды.

Венские клиницисты разочаровали С. П. Боткина.

¹ Сеченов И. М. Автобиографические записки. — М., 1907, с. 79.

О видном терапевте он писал: «Оппольцер без сомнения, интереснее Траубе, но так часто грешащим против науки, что нельзя назвать его все-таки хорошим клиницистом в полном смысле этого слова. Соврать против химии, против патологической анатомии ему случается нередко, но все же он прекрасный наблюдатель, сметливый диагност, вообще тип хорошего практического врача»¹.

С. П. Боткин достаточно критически относится к прославленному профессору не без основания. Такая сжатая и смелая характеристика широкоизвестного на Западе клинициста, данная молодым русским врачом, сумевшим подметить сильные и слабые стороны Оппольцера, указывает на то, что С. П. Боткин был уже не пассивным учеником, а зрелым исследователем.

О Ф. Гебре он писал: «Общехваленый Гебра, первая светила — невежда в научном отношении, можно прийти в ужас от того вздора, который он читает, но богатство материала поразительное...»²

С. П. Боткин был вполне удовлетворен только лекциями К. Людвиг. По его мнению, лучшего физиолога ему еще не приходилось слушать.

Карл Людвиг (1816—1895), профессор физиологии в Вене, затем в Лейпциге, выдающийся ученый-экспериментатор и талантливый педагог, один из основоположников экспериментальной физиологии. К 40-м годам он изобрел кимограф и опубликовал классические работы об иннервации сердца и сосудов. К. Людвиг выступал против витализма, развивая, однако, односторонние взгляды. Он пытался все явления жизни свести к физико-химическим закономерностям.

На протяжении своей долгой жизни К. Людвиг воспитал десятки выдающихся ученых-физиологов, в том числе и физиологов, заложивших основы этой науки в России. Сохранился ряд писем К. Людвиг к И. М. Сеченову, свидетельствующих о его высокой оценке работ последнего. Познакомившись с И. М. Сеченовым, К. Людвиг, оценив его пылкий ум и навыки экспериментатора, предложил ему остаться работать у него в лаборатории. Здесь С. П. Боткин вновь встретил И. М. Сеченова.

¹ Шварцман А. Л. Письма Сергея Петровича Боткина по материалам отдела рукописей Всесоюзной библиотеки им. В. И. Ленина. — Клиническая медицина, 1952, № 9, с. 35.

² Там же.

В это время С. П. Боткин писал Н. А. Белоголовому: «Работаю с 8 утра до 12 вечера постоянно, никуда не выходя... Работы мои шли, как по маслу. Почти каждая неделя давала мне результаты, из которых сообщая тебе один чрезвычайно важный, о котором ты по секрету скажешь только Хоппе... Мочевина растворяет человеческие и собачьи красные кровяные шарики, не производя, следовательно, на них того действия, как на лягушечьи. Факт важности чрезвычайной для физиологии и патологии. Я его буду исследовать дальше, делая опыты с инъекцией мочевины в вены»¹.

Во время своего последнего приезда в Москву С. П. Боткин познакомился с Анастасией Александровной Крыловой, дочерью известного московского адвоката. Она была отлично образована, владела двумя иностранными языками, понимала музыку (была неплохой пианисткой), любила художественную литературу. Она выдержала экстерном экзамены на филологический факультет Московского университета. В январе 1859 г. С. П. Боткин стал ее женихом. Их свадьба состоялась в Вене в том же году. Молодожены совершили путешествие по средней Германии, Швейцарии, побывали в Англии, где С. П. Боткин изучал постановку госпитального дела.

Боткины имели пять сыновей и одну дочь.

В Париже. В октябре 1859 г. С. П. Боткин приехал в Париж.

Во Франции со времен Ж. Корвизара и Р. Лаэннека в медицине продолжало развиваться анатомо-физиологическое направление, представленное к середине XIX века крупными клиницистами: терапевтом А. Труссо, невропатологом Ж. Шарко. Физиологические вопросы разрабатывались в лаборатории К. Бернара.

С. П. Боткин усиленно здесь занимался, посещал клиники Бартеза, Труссо, Бушю и др. Он познакомился с клиникой крупнейшего терапевта Франции Армана Труссо (1801—1867), который посвятил себя изучению заразных болезней, в частности желтой лихорадки. Он был автором известных лекций, которые выдержали много изданий и переведены на многие языки, в том числе на русский. А. Труссо был ученым-практиком. Посетив его клинику, С. П. Боткин был разочарован. Он

¹ Шварцман А. Л. Письма Сергея Петровича Боткина по материалам отдела рукописей Всесоюзной библиотеки им. В. И. Ленина. — Клиническая медицина, 1952, № 9, с. 35.

писал Н. А. Белоголовому: «Клинику Труссо держит довольно рутинно; удовлетворившись госпитальной диагностикой больного, он назначает совершенно эмпирическое лечение... Труссо здесь считается одним из лучших терапевтов; аудитория его всегда полна. По моему мнению, одна из главных причин его успеха есть его ораторская способность, сильно подкупающая французов...»

Одной из целей приезда С. П. Боткина в Париж было познакомиться с К. Бернаром, послушать его лекции и поработать в его лаборатории.

Клод Бернар (1813—1878) в эти годы был уже известным ученым. В Париже он заведовал кафедрой экспериментальной физиологии. О состоянии науки того времени хорошо говорит фраза, которой он начал курс лекций в Колледж де Франс. «Мне поручено преподавание научной медицины, таковой не существует». К. Бернар был одним из тех ученых, кто заложил первые камни этой будущей научной медицины.

Отдав должное лекциям К. Бернара по экспериментальной физиологии, С. П. Боткин расценивал критически его курс патологической физиологии: «...последний, конечно, не без больших недостатков, ибо Бернар далеко не патолог, но тем не менее очень богат прекрасными идеями, достойными таланта французского физиолога»¹.

В 1888 г. С. П. Боткин посещал и лекции Ж. Шарко, который впоследствии считал С. П. Боткина наиболее выдающимся клиницистом современности.

Детские болезни С. П. Боткин изучал в клиниках Бартеза и Бушю. У них был большой клинический материал. Изучение педиатрии С. П. Боткин считал необходимым для развития объективной диагностики.

Он посещал также клинику Кодемана, где изучал патологию почек. Высоко оценил С. П. Боткин клинициста Беккереля. В частности, он отмечал, что только в этой клинике исследовали мочу больных, в то время как в других клиниках это делалось далеко не всегда.

В Париже С. П. Боткин закончил свою докторскую диссертацию «О всасывании жира в кишках», которую он начал еще у Э. Голпе-Зейлера.

А. И. Герцен. За границей С. П. Боткин встретился с А. И. Герценом. Их связывали дружеские отноше-

¹ Меркулов В. Л. Клод Бернар и его влияние на развитие медицины. — Советское здравоохранение, 1964, № 8, с. 67.

ния на протяжении всей жизни. Первая их встреча произошла в 1859 г. в Лондоне. По воспоминаниям жены Н. П. Огарева Н. А. Тучковой-Огаревой, «...Сергей Петрович много рассказывал Герцену о Пирогове, о Крымской войне, о баснословных злоупотреблениях, простиравшихся до корпии... они продавали врачам корпию, которой не доставало для раненых»¹. Она писала, что С. П. Боткин произвел хорошее впечатление на А. И. Герцена, который в дальнейшем с гордостью следил за его успехами в области медицины. Уже на следующий день после их встречи А. И. Герцен сообщил Н. П. Огареву: «Я Боткиным доволен без предела и конца, я ничего подобного не видал его осмотру». Находясь под впечатлением своего визита к знаменитому уже в то время профессору, Александр Иванович писал Н. А. Тучковой-Огаревой: «Еще раз я должен заметить, что вниманием, умом и патологической догадливостью он выше других, мною виденных докторов». А. И. Герцена поразило исключительное его внимание к больному, глубокий научный анализ всех признаков болезни.

А. И. Герцен, всегда интересовавшийся вопросами естествознания и в свое время слушавший лекции проф. И. Т. Глебова в Московском университете, был особенно доволен теми комментариями, которые С. П. Боткин считал нужным делать, назначая ему лечение. «Ясность его языка поразительна, — писал он. — Например, он не говорил, как о чуде, о действии Виши и Карлсбада... а химически объяснил, в чем влияние тех минеральных и других веществ, которые вносятся в тело»².

В этот период А. И. Герцен находился в зените славы. По выражению В. И. Ленина, «Герцен первый поднял великое знамя борьбы путем обращения к массам с *вольным русским словом*»³. Незадолго до этого — 1 июля 1857 г. — вышел первый номер «Колокола». К этому времени А. И. Герцен был уже автором известных работ. Его «Письма об изучении природы» были заметной вехой в развитии как естествознания, так и философии.

С. П. Боткин и А. И. Герцен продолжали дружить семьями. Гениальный пациент еще многие месяцы ле-

¹ Тучкова-Огарева Н. А. Воспоминания. — Русская старина, 1894, № 10, с. 27.

² Лушников А. Г. А. И. Герцен — пациент С. П. Боткина. — Советское здравоохранение, 1966, № 7, с. 68—69.

³ Ленин В. И. Памяти Герцена. Полн. собр. соч., т. 21, с. 262.

чился у С. П. Боткина. Его письма этого периода к многочисленным друзьям и знакомым до отказа заполнены самыми лестными отзывами о С. П. Боткине. А. И. Герцен «чрезмерно», «бесконечно», «безмерно» доволен своим другом-врачом, он называет его «серьезным человеком», «единственным разумным врачом». А. И. Герцена радует подход С. П. Боткина к материалистическому пониманию некоторых вопросов человеческой патологии. Но больше всего он ценил в нем его способность прогнозировать. Последними словами гениального мыслителя были: «Боткин страшный пророк медицины»¹.

С. П. Боткина тянуло к А. И. Герцену не случайно. Оба они боролись с эмпиризмом в естествознании, оба до самозабвения любили свой народ, оба были решительными и сильными людьми. Несмотря на то что А. И. Герцен и С. П. Боткин подолгу не виделись, их отношения не охладились. С. П. Боткин давал знать А. И. Герцену о своем прибытии за границу и даже сообщал ему о том, как распределено его время. И это было в то время, когда любая связь с Герценом и Огаревым рассматривалась как государственное преступление.

В последние годы жизни А. И. Герцен серьезно заболел. По мнению французских врачей, это был диабет. Как свидетельствуют очевидцы, он внимательно следил за новыми методами терапии, применявшимися С. П. Боткиным, и страстно ждал его приезда за границу. Эта встреча состоялась осенью 1868 г. в Париже. С. П. Боткин поразил А. И. Герцена своей эрудицией, специальными знаниями. Об этом он неоднократно писал Н. П. Огареву и его жене. В письме к своему сыну Александру, уже крупному тогда физиологу с европейским именем, А. И. Герцен делится своими впечатлениями от встречи с великим русским терапевтом: «Да, друг мой, такого доктора я, по крайней мере, не видал... Что за основательность, догадка и внимание...»². «Вообще четыре дня с Боткиным мне открыли глаза на бездну вещей»³.

¹ Богоявленский Н. А. А. И. Герцен и отечественные медики. — Советское здравоохранение, 1966, № 10, с. 57.

² Герцен А. И. Полн. собр. соч. — М., 1968, т. 29, кн. 2, с. 443.

³ Там же, с. 446.

В последний раз эти два выдающихся деятеля встречались в Париже в 1869 г.

На протяжении многих лет С. П. Боткин многократно с благодарностью отмечал благотворное влияние, которое оказал на него А. И. Герцен.

Итоги пребывания за границей. Медицинская мысль Европы в те годы наблюдала противоборство К. Рокитанского и Р. Вирхова, борьбу двух теорий, из которых одна содержала теоретические обобщения прошлых веков и XVIII столетия, а другая утверждала концепции XIX столетия.

Деятели медицины того времени не оставались равнодушными к этой борьбе и примыкали то к одному, то к другому лагерю. В конечном итоге победа Р. Вирхова была бесспорной.

С. П. Боткин изучил добросовестно, глубоко и вместе с тем критически основные европейские центры медицинской мысли того времени (Берлин, Вена, Париж, Лондон). Он отличался большой работоспособностью. Несмотря на неустроенность быта, постоянные переезды, смену лабораторий, кафедр, которые он посещал, всюду он проявлял настойчивость, трудолюбие, активность в исследовательской работе. Обращает на себя внимание широта интересов молодого врача — клиника, физиология, биохимия, ряд специальных дисциплин, включая педиатрию. Заграничная командировка расширила его мировоззрение. Его глубокие знания всегда были в полном соответствии с новыми передовыми научными достижениями. Он твердо знал, что надо делать в медицине и как надо воспитывать будущих врачей. Это были годы полнокровного напряженного творческого труда человека, умеющего работать и стремящегося к поставленной цели, настойчивого, овладевающего всем, чему можно научиться.

Характерными чертами С. П. Боткина как ученого были критическое отношение к изучаемому, собственный подход к оценке явлений, школ, достижений, методов. Уважение к своим учителям не мешало ему видеть даже у самых выдающихся ученых их недостатки в теоретических позициях и постановке преподавания. К тому времени, когда он отправился за границу, у него были свои представления о том, какой должна быть современная клиника. Эти представления сложились на основе взглядов передовых русских ученых — профессоров Московского университета. Критическая оценка его

некоторых западно-европейских врачей основывалась на опыте преподавания русских клиницистов.

С. П. Боткин мог с удовлетворением оглянуться на пройденный за рубежом путь, где он многое видел, многому научился и был теперь подготовлен к важной и трудной работе, которая ему предстояла на родине. Он был в числе тех русских ученых, которые сумели зарекомендовать себя в лучших европейских лабораториях в качестве преданных науке и умелых исследователей. Работая за границей, он с первых шагов научной деятельности умел сохранять самостоятельность, находил свои пути в исследованиях. Эта самостоятельность в науке характерна и для других русских ученых, работавших за границей.

Годы, проведенные за границей, очень обогатили С. П. Боткина. Работа в разных лабораториях и у разных, нередко крупных иностранных ученых, знакомство с медицинскими научными учреждениями, общественной жизнью, встречи с такими замечательными своими земляками, как химик Д. И. Менделеев, композитор А. П. Бородин, искусствовед В. В. Стасов, живописец А. И. Иванов, не прошли бесследно. С. П. Боткин сохранял теплые, нередко дружеские отношения со многими учеными, в клиниках и лабораториях которых он вел научную работу. Впоследствии, приезжая вновь в ту же страну, в ту же клинику, он встречал дружественно настроенных людей, с которыми продолжал переписку и сотрудничество. Его работы неоднократно печатались в последующие годы во многих зарубежных периодических изданиях. Опыт, приобретенный в клиниках и лабораториях Европы, был им широко использован сначала в Медико-хирургической академии, а затем в клиниках других учебных заведений.

Научные публикации С. П. Боткина стали в то время уже широко известными. Это послужило основанием для того, что президент Медико-хирургической академии П. А. Дубовицкий предложил ему в 1859 г. занять место адъюнкт-профессора в клинике внутренних болезней профессора П. Д. Шипулинского.

Для работы в академии были также приглашены И. М. Сеченов, Л. А. Беккерс, И. М. Балинский, Э. А. Юнге, Т. С. Иллинский, А. Я. Крассовский, И. М. Якубович, А. П. Бородин. Многие из них впоследствии стали крупными учеными.

С. П. Боткин был лучшим олицетворением законного и плодотворного союза медицины и физиологии, тех двух родов человеческой деятельности, которые на наших глазах воздвигают здание науки о человеческом организме и сулят в будущем обеспечить человеку его лучшее счастье—здоровье и жизнь¹.

И. П. ПАВЛОВ

Петербург был главным очагом культурной жизни России и центром освободительного движения. Медико-хирургическая академия играла очень заметную роль в научной и общественной жизни столицы.

В январе 1857 г. Петр Александрович Дубовицкий (1815—1868), известный хирург, сменив В. В. Пеликана, был назначен президентом академии. Он посвятил 10 лет жизни коренной реформе высшего медицинского образования и добился результатов, имевших большое значение для развития научных исследований и педагогического процесса. Трудно назвать человека, который так много сделал для улучшения подготовки врачей в России, сумев объединить вокруг себя лучшие научные силы, совершенствуя опыт и достижения отечественных ученых в этой области. После того, как П. А. Дубовицкий ушел из академии, высшее медицинское образование в России долгие годы развивалось в направлении, которое он предопределил.

«Возвратившись из-за границы в 60-х годах,—писал С. П. Боткин,—мы встретились с пробуждением, сопровождаемым накоплением сил, которые начали развертываться и, действительно, развернулись блистательно. Сила рабочая, которая накопилась за это время, была громадна... Во главе медицинского образования в Петербурге стоял Дубовицкий, человек с громадным желанием принести пользу; вот он много способствовал тому, что новые, свежие силы не пропали бесследно и принесли свою посильную пользу русскому обществу»².

¹ Павлов И. П. Полн. собр. соч. — М., 1951, т. 2, с. 124.

² Боткин С. П. Николай Иванович Пирогов. — Ежедневная клиническая газета, 1881, № 20, с. 347.

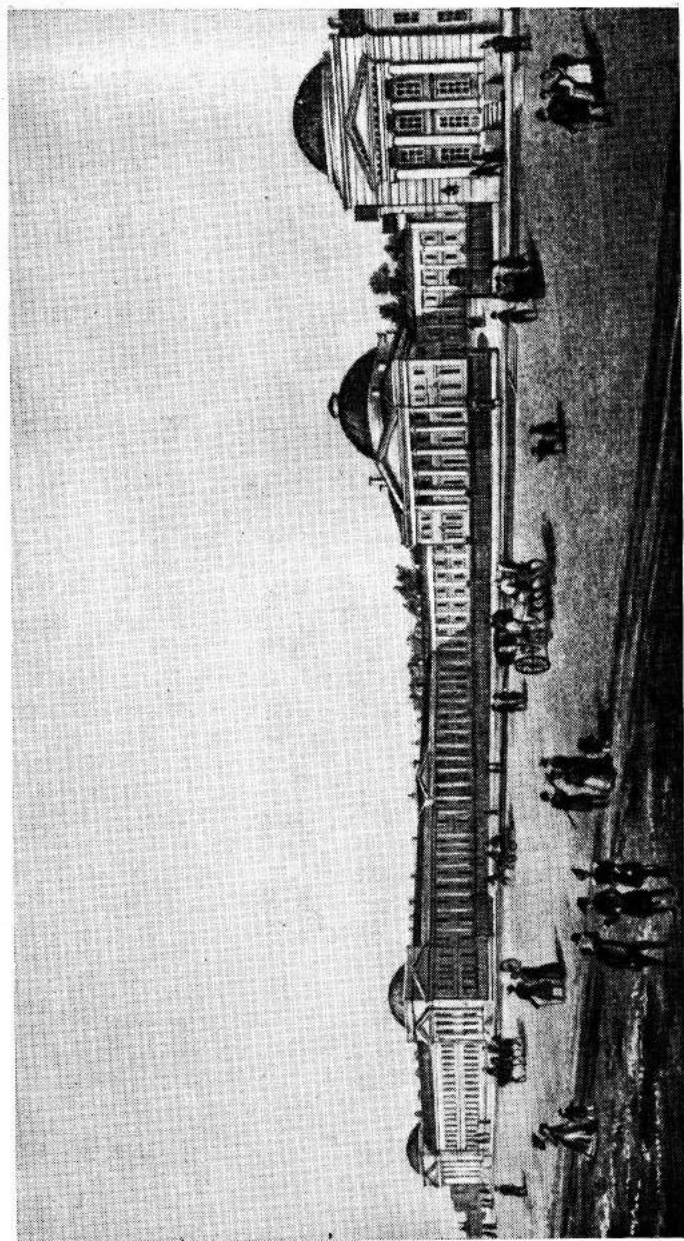

Рис. 5. Петербургская медико-хирургическая академия. Середина XIX века.

В стране ощущалась острая нехватка врачей и профессорско-преподавательских кадров. Ее ликвидацию новый президент академии считал одной из важнейших задач, решение которой он начал с обновления и пополнения кадров. Ученым секретарем конференции академии был оставлен выдающийся ученый-химик Николай Николаевич Зинин (1812—1880). По его рекомендации на должность вице-президента был приглашен профессор Московского университета физиолог И. Т. Глебов.

Триумvirат — хирург, физиолог, химик — оказался очень удачным. Его члены стояли на единых идейных позициях, дружно и целеустремленно осуществляли намеченные планы. Разработанный ими подробный проект реформ заключался в создании в академии тех институтов (естественно-исторического и анатомо-физиологического), деятельность которых должна была иметь одну общую задачу — разработку естественных и медицинских наук. Новые руководители задумали не просто улучшить преподавание, а решили произвести переворот во всей учебной и научной деятельности академии. Переворот этот был хорошо продуман, и результаты его сказались в очень короткий срок. В истории высшего медицинского образования России никогда не было периода такого подъема, как в то время.

В России сложились условия для развития естествознания. Этому способствовала и потребность развивающегося производства и подъем освободительного движения. Наступил период расцвета наук в России. Он ознаменовался деятельностью таких гигантов, как Д. И. Менделеев и А. М. Бутлеров в химии, А. Г. Столетов и Н. А. Умов в физике, И. М. Сеченов и А. О. Ковалевский в физиологии и биологии.

В 1860 г. окончился дворянский период освободительного движения в России и начался «...разночинский или буржуазно-демократический», который длился «...приблизительно с 1861 по 1895 год»¹.

Революционные демократы А. И. Герцен, В. Г. Белинский, Н. А. Добролюбов, Н. Г. Чернышевский были властителями дум того времени. Их материалистические идеи оказывали огромное влияние на интеллигенцию, на передовых ученых, в том числе медиков.

Правящие классы видели это растущее влияние революционных демократов и оказывали этому всемерное

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 25, с. 93.

сопротивление. «Студенты естественных и медицинских факультетов все без исключения заражены нигилизмом, пагубным материализмом, безверием и безнравственностью», — докладывал царю министр народного просвещения А. Толстой.

Интерес к естествознанию в эти годы охватил передовое русское общество. Молодежь с особым вниманием относилась к знаменитым статьям Д. И. Писарева «Физиологические картины Л. Бюхнера» и «Физиологические эскизы Я. Молешота». Молодой Боткин знал эти статьи. Они с большой страстностью проповедовали необходимость научного подхода к жизненным явлениям и призывали отбросить рутину, в чем бы она ни проявлялась.

Для естественных наук наступил период бурного расцвета. Появился ряд исследований, изменивших старые представления о жизненных процессах — учение Ч. Дарвина о происхождении видов, работы Л. Пастера о бактериях, физиологические исследования Г. Гельмгольца и К. Бернара.

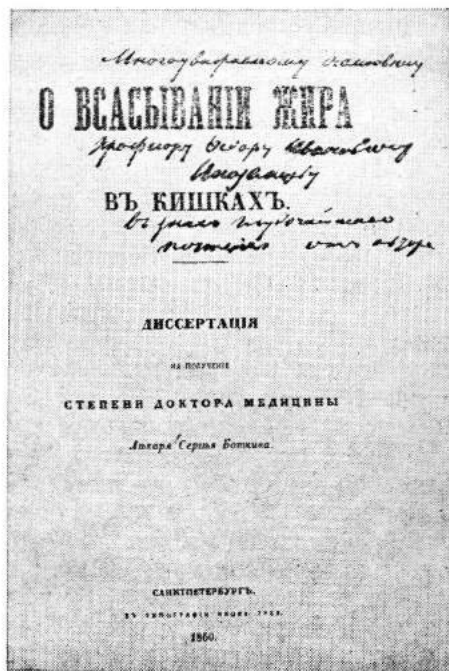
Шестидесятые годы в России ознаменовались новыми веяниями и в области медицинской науки. Вместе с подъемом общественно-политической жизни рушились затхлые традиции дореформенной медицинской школы. Этот подъем сказывался во всех областях культурной и общественной жизни, науки, в том числе и медицине.

С. П. Боткин отлично это сознавал: «Я начал работать в 60-х годах..., какое тогда было движение вперед, какое неудержимое течение охватило все общество, и вместе с тем жажда знаний в нем проснулась. И вот, попав в общество в период его развития, когда оно хотело учиться, узнать, мне легко было сделать, что я сделал»¹.

Недостатки медицинского образования в это время были очевидны. Невнимание к новым открытиям в медицинской науке, которые были обусловлены бурно развивающимся естествознанием и общей патологией, приводило к тому, что врачи выходили из учебных заведений недостаточно подготовленными в теоретическом и клиническом отношении. Вице-президент академии И. Т. Глебов об этом ясно говорил: «Так как естественные науки, а за ними и медицина, неотделимая

¹ Труды Общества русских врачей в Санкт-Петербурге за 1886—1887 гг. — СПб., 1889, с. 217.

Рис. 6. Титульный лист диссертации С. П. Боткина. Надпись С. П. Боткина на титульном листе: «Многоуважаемому наставнику профессору Федору Ивановичу Иноземцеву в знак глубочайшего почтения от автора».

ветвь их, делают непрерывно в области своей новые открытия и чрез них более и более разрастаются и усовершенствуются, то высшие учебные медицинские заведения, цель учреждения которых состоит в передаче массе людей всего того, что выработала и постоянно вырабатывает естественная наука вообще и медицина в частности, должны иметь все для этой передачи потребные средства»¹.

Стремление лучших представителей отечественной медицины связать медицину с достижениями естествознания, с успехами экспериментальной физиологии, химии соответствовало тем процессам, которыми были охвачены передовые медики ряда зарубежных университетов. В «Современнике» появилась знаменитая статья Н. Г. Чернышевского «Антропологический принцип в философии», сыгравшая заметную роль в формировании материалистических взглядов отечественных врачей.

¹ Глебов И. Т. Краткий обзор действий Императорской санкт-петербургской медико-хирургической академии за 1857, 1858 и 1859 годы в видах улучшения этого заведения. — СПб., 1860, с. 3.

По возвращении из-за границы С. П. Боткин защитил 17 сентября 1860 г. докторскую диссертацию «О всасывании жира в кишках». В этом же году защитил и опубликовал докторскую диссертацию И. М. Сеченов.

С. П. Боткин был утвержден в должности адъюнкт-профессора терапевтической клиники Медико-хирургической академии в качестве помощника профессора П. Д. Шипулинского и оставался в этой должности в течение года. Спустя год П. Д. Шипулинский подал в отставку. Тогда группа профессоров немецкого происхождения, игравшая большую роль в академии, предложила передать терапевтическую клинику одному из старших профессоров. В ответ на это С. П. Боткин заявил, что он выйдет в отставку.

Борьба, разгоревшаяся между С. П. Боткиным и ставленником группы профессоров-немцев, была одним из наиболее острых и драматических моментов в процессе обновления кадров академии. Это была борьба между новыми, прогрессивными взглядами и отживающими, реакционными устоями, борьба русской демократической науки и общественности с немецким засильем, насаждавшимся антинародным царским режимом.

Конференция академии находилась в нерешительности, не зная, как поступить, когда во время прений явилась депутация от студентов с настойчивой и решительной просьбой назначить на освободившуюся кафедру С. П. Боткина. Об этом же просили и врачи, прикомандированные к академии для усовершенствования знаний. В письме, адресованном конференции академии, они характеризовали С. П. Боткина как единственного и незаменимого профессора, который может удовлетворить их потребности. После лестной оценки его деятельности и желания слушателей иметь его своим профессором, конференция решила вопрос в пользу С. П. Боткина — он был выбран ординарным профессором.

Полный сил, 28-летний профессор стал руководителем кафедры и на этом посту проработал почти 30 лет. В этой борьбе группа русских профессоров, врачей и студентов одержала верх над ставленниками немецкой группировки. Избрание С. П. Боткина на должность профессора кафедры было лишь частным случаем этой борьбы. Обострил обстановку в это время профессор

И. М. Якубович, заявивший, что С. П. Боткин за один год работы в академии сделал больше, чем большая часть членов совета в течение всей их профессорской деятельности.

День вступления С. П. Боткина на кафедру академии был знаменательным в истории отечественной медицины. Дело не только в том, что это был рубеж, начало многих новых методов исследования в отечественной клинике, повышенных требований к ней. С приходом С. П. Боткина начался быстрый рост молодых научных кадров. Его ученики заняли впоследствии кафедры, став в свою очередь учителями и воспитателями новых поколений ученых-медиков.

«Сделавшись полновластным хозяином клиники, — писал Н. А. Белоголовый, — Боткин посвятил ей свои лучшие силы с таким рвением и с такою бескорыстной любовью, какие весьма редки в современных клиниках, всегда отвлекаемых от преподавательского дела частною практикою, и какие (что особенно безпримерно) сохранились в нем на одинаковой высоте, нисколько не ослабевая с годами, до самой смерти. Эта любовь к клинике составляла в его жизни самое главное, господствующее чувство, и все другие житейские интересы, не только общественные, не только частной практики, но даже я решаюсь сказать, как это ни покажется невероятным, а многим даже чудовищным, интересы личного здоровья и благополучия, материальной будущности нежно любимой им семьи — все это уходило у него на второй план...»¹

С. П. Боткин настаивал на рассмотрении медицины как естественнонаучной дисциплины со всеми вытекающими отсюда последствиями. Он выдвинул как руководящую идею обогащение клинической медицины достижениями естествознания. Основным его требованием было глубокое всестороннее изучение природы. В одном из своих выступлений в 1886 г. он говорил, что нельзя допустить, чтобы теоретические знания заключались только в специальных отраслях медицины, например нормальной и патологической анатомии, физиологии. Для будущего врача научного направления необходимо изучение природы.

¹ Белоголовый Н. А. Воспоминания и другие статьи. — М., 1897, с. 368.

С. П. Боткин постоянно подчеркивал важную роль естественных наук в прогрессе медицины. В этом отношении он поддерживал ту линию, которую отстаивали новые руководители Медико-хирургической академии. Вот, что писал по этому поводу Н. Н. Зинин: «Медицина как наука представляет лишь приложение естествознания к вопросу о сохранении и восстановлении здоровья; естественные науки поэтому должны играть при медицинском образовании первенствующую роль, а отнюдь не быть дополнительным или вспомогательным средством. Медик должен усвоить себе не столько отрывочные факты прикладного естествознания, сколько общий строй науки, способ мышления, приемы и методы исследования»¹.

С. П. Боткин поставил перед собой задачу — воспитывать врачей новой направленности, формирующихся на основе научных открытий естествознания, и вместе с тем готовить будущую смену преподавателей для медицинских факультетов России. Проводимые им реформы в преподавании исходили из его принципиальной установки: «Задача клинического преподавания состоит в том, чтобы начинающий овладел методом клинического исследования и приемами умозаключения в такой степени, чтобы быть самостоятельным деятелем»².

Н. А. Белоголовый писал, что Сергей Петрович хотел сделать клинику такой, чтобы она могла отвечать современным требованиям изучения клинической медицины. Он немедленно устроил при ней лабораторию для широкого применения клинического опыта. Это было нововведением, какое до Боткина не имела, пожалуй, ни одна европейская клиника. За рубежом лаборатории при клиниках были редки, а экспериментальных лабораторий не было нигде.

Работа в клинике была построена на принципиально новых основах. Уже с первых шагов ее реорганизации С. П. Боткин взял курс на применение эксперимента в диагностике и лечении больных. В лаборатории развернулись работы по экспериментальной патологии, фармакологии и терапии. Экспериментальная терапия — это было новое слово, сказанное им в медицине.

¹ Фигуровский Н. И., Соловьев Ю. И. Николай Николаевич Зинин. — М., 1957, с. 63.

² Боткин С. П. Клинические лекции. — М., 1950, т. 1, с. 23.

И. П. Павлов чрезвычайно высоко оценивал эту заслугу С. П. Боткина: «...глубокий ум его, не обольщаясь ближайшим успехом, искал ключа к великой загадке: что такое больной человек и как помочь ему — в лаборатории, в живом эксперименте. На моих глазах десятки его учеников направлялись им в лабораторию. И эта высокая оценка эксперимента клиницистом составляет, по моему убеждению, не меньшую славу Сергея Петровича, чем его клиническая, известная всей России деятельность»¹.

Следует напомнить, что ранее преподавание клиники внутренних болезней основывалось на примитивном описании болезней и их признаков, нередко даже без малейшей попытки выяснить их природу.

«Пусть читатель вспомнит, — писал Н. А. Белоголовый, — ту мертвую законченность катехизисных, по выражению Боткина, истин, какую студент Боткин вынес при своем образовании из русской медицинской школы, тогда он лучше всего поймет и колоссальный переворот, совершившийся в медицине с введением в нее экспериментального метода наблюдения, и заслуги Боткина для России как главного, наиболее талантливого и ревностного распорядителя этого метода в нашем отечестве»².

Н. А. Белоголовый отмечал, что в клинике сосредоточилась вся его страсть к науке. От нее он получал двойное удовлетворение. Во-первых, в ней он продолжал учиться сам, проверяя все соображения и задачи, которые у него зарождались в несметном количестве. В свою очередь клиника, где проводилось непосредственное наблюдение больных, беспрестанно наталкивала его на новые вопросы и выводы, служившие целям его самообразования. Во-вторых, в клинике он любил чуть ли не больше всего свое преподавательское дело. В чтении лекций он видел не простое исполнение своего долга. Они составляли для него живую, неодолимую потребность делиться собственными обширными знаниями и прививать молодым формирующимся врачам ту же веру в медицину, какая воодушевляла его самого.

При такой безграничной любви к делу, подчеркивал Н. А. Белоголовый, при необыкновенных способностях,

¹ Павлов И. П. Полн. собр. соч. — М., 1951, т. 2, ч. 2, с. 284.

² Белоголовый Н. А. Воспоминания и другие статьи. — М., 1897, с. 375.

трудолюбии и громадных познаниях С. П. Боткин, возглавив клинику, поставил ее на такую высоту, на какой до него не стояла ни одна клиника в России, да едва ли и в Западной Европе. Новый способ преподавания имел огромный успех. Его лекции слушали не только студенты его курса, но и других курсов, а также преподаватели и врачи.

* *

*

Педагогическое кредо С. П. Боткина сводилось к пяти основным положениям, которые отчетливо сформулировал проф. В. Б. Фарбер в содержательной статье¹.

1. В развитии приобретаемых и наследуемых свойств организма как в норме, так и в патологии ведущая роль принадлежит внешней среде, включая все условия жизни, в том числе и социальные. При этом организм человека при любых условиях его существования представляет единство физического и психического; физическое всегда первично, а психическое является производным этого физического.

2. Активно влияя на внешние факторы, изменяя их, можно вместе с тем изменить не только болезнь, но и предрасположение к ней.

3. Нервная система является основой в процессе приспособления человека к внешней среде как в норме, так и в патологии. По С. П. Боткину первобытный человек, обладая сложными нервными центральными и периферическими аппаратами, сохранял свою жизнь, постоянно увеличивал свою опытность и вместе с тем свою приспособляющуюся способность, передавал потомству результаты своей борьбы за жизнь, которые и проявлялись в постоянном его развитии.

4. Основным механизмом регулирующей роли нервной системы при всех отправлениях жизни является рефлекс, а основой патогенеза болезней — чисто физиологический (рефлекторный) процесс. Для того чтобы вскрыть рефлекторный механизм болезни, нужно всегда пользоваться приемами натуралиста, естествоиспытателя, т. е. применять объективные методы исследования, учитывая при этом и субъективные данные анамнеза.

¹ Фарбер В. Б. Боткин — выдающийся педагог. — Клиническая медицина, 1957, № 8, с. 26.

Сергей Петрович Боткин. 1873 г.

5. Главная задача клинициста-преподавателя — передать учащимся метод исследования. По С. П. Боткину, «...учащегося нельзя познакомить в течение клинического преподавания со всеми разнообразными индивидуальными проявлениями жизни больного организма, клиницист-преподаватель ставит себе первой задачей передать учащимся тот метод, руководствуясь которым

молодой практик был бы в состоянии впоследствии самостоятельно применять свои теоретические врачебные сведения к больным индивидуумам, которые ему встретятся на его практическом поприще»¹.

Интересно отметить, что в «Письмах из Гейдельберга» другой корифей медицины и педагогики — Н. И. Пирогов в 1863 г. сформулировал аналогичным образом свои принципы обучения. Великий хирург писал: «при специальных занятиях метод и направление — вот главное... Не отыскав верной методы, не найдя направления, растеряешь множество времени и сам растеряешься»².

Вспоминая о С. П. Боткине, Н. Я. Чистович писал: «Обходы его были наилучшей для нас школой. Подробно разобрав своих больных, ординатор составлял себе гипотезу, объясняющую картину, и докладывал ее. У Боткина была поразительная способность охватывать сразу суть дела, и он в нескольких словах освещал все явления, часто с такой стороны, о которой ординатор и не помышлял»³.

В 1861 г. С. П. Боткин открыл первую в истории клиники бесплатную амбулаторию. Приходящих больных принимали здесь 2 раза в неделю. Эта амбулатория имела огромное значение. Она послужила находкой для дополнительного практического образования будущих врачей, а для С. П. Боткина она стала источником новых наблюдений. По существу она явилась прообразом поликлинических учреждений, функционирующих при клиниках.

С. П. Боткин, как и его учитель Ф. И. Иноземцев, исходил из необходимости дать возможность обездоленному люду более доступно пользоваться медицинской помощью. Однако значение этих амбулаторий при клиниках надо истолковывать гораздо шире — это было нововведение, носившее принципиальный характер. Молодые врачи изучали здесь не особые уникальные клинические случаи, а те болезни, которые встречаются в повседневной практике.

¹ Боткин С. П. Курс клиники внутренних болезней. Вступление. — М., 1950, т. I, с. 30.

² Пирогов Н. И. Письма из Гейдельберга. — Голос, 1863, с. 1110.

³ Тушинский М. Д., Чистович А. Н. Н. Я. Чистович (1860—1926). — Л., 1963, с. 69.

Амбулаторный прием был подчинен учебным целям. Он занимал большой удельный вес в подготовке студентов. Так, например, только в 1874 г. число приемных дней составило 186, во время которых было принято 3495 больных. Сам С. П. Боткин принимал больных только с заболеваниями внутренних органов. В количественном отношении эти приемы-занятия распределялись следующим образом: у С. П. Боткина было 38 приемных дней (1528 ч), у Д. И. Кошлакова — 37 дней (274 ч), у А. Ф. Пруссак — 39 дней (793 ч), у П. И. Успенского — 33 дня (253 ч), у Ю. Т. Чудновского — 39 дней (637 ч). Эти данные показывают, как много уделял С. П. Боткин времени преподавательской работе.

Одновременно он установил тесную связь между клиникой и всеми больницами Петербурга. Эта связь была постоянной. Клиника служила не только делу воспитания и образования молодых врачей, но и одновременно оказывала существенную медицинскую помощь населению города. Впоследствии оказалось, что главными врачами и руководителями всех 15 больниц Петербурга были ученики С. П. Боткина.

Таким образом, далекая от жизни академическая клиника, установив прямые и постоянные связи с амбулаторией и больницами, стала иной. Возможности воспитания будущих врачей резко улучшились и приблизились к требованиям жизни.

В тяжелых условиях царского строя, всячески стеснявшего деятельность врачей, направленную на улучшение санитарного состояния трудящихся масс, на оказание им медицинской помощи, С. П. Боткин делал все возможное для решения задач, которые были для него ясны. В ряду задач практической медицины он ставил на первое место гигиену. Вместе с передовыми медиками своего времени он боролся за новые установки. «Главнейшие и существенные задачи практической медицины — предупреждение болезни...»¹ — этими знаменательными словами начиналась его вступительная лекция 8 мая 1867 г.

Профилактическое направление русской клиники, свойственное ей еще со времени М. Я. Мудрова, окончательно укрепилось благодаря боткинскому понима-

¹ Боткин С. П. Курс клиники внутренних болезней. Вступление. — М., 1950, т. 1, с. 29.

нию задач медицины. Понятие «медицина» С. П. Боткин определял, исходя из идеи о связи организма со средой.

Н. А. Белоголовый писал, что С. П. Боткин тщательно готовился к каждой лекции, перечитывал для нее массу материала, обдумывал ее план. Его лекции не блистали особенным красноречием. Они «являлись деловитой, умной импровизацией, в которой все было рассчитано на то, чтобы слушатели как нельзя яснее и отчетливее поняли и основательнее усвоили излагаемую профессором тему».

Н. Я. Чистович, слушавший лекции С. П. Боткина в 1882 г., вспоминал: «Даром слова он не обладал, его речь была тяжелая, он с трудом подыскивал подходящее выражение, но вы чувствовали, слушая его, что он видит перед собой стройную картину и вы не замечали шероховатости форм и захватывались логичностью тонкого анализа и необыкновенной стройностью и цельностью развиваемой перед вами гипотезы...»¹.

Представляет большой интерес высказывание П. М. Альбицкого о впечатлении, которое производил С. П. Боткин как педагог-ученый на В. В. Пашутина — в дальнейшем крупного деятеля отечественной патологии. Виктор Васильевич восхищался глубокой наблюдательностью и громадным аналитическим умом Сергея Петровича, силой синтетической, обобщающей мысли знаменитого русского клинициста.

Особенности С. П. Боткина как педагога-новатора подчеркивали его ученики, отмечая его критический и оригинальный ум, «...созидавший на своих лекциях физиологическую картину болезни. Он наглядно учил тому, как следует прилагать физиологию к клинике у постели больного».

* *

*

Свои теоретические взгляды, понимание медицины, ее задач и методов С. П. Боткин изложил в трех томах «Курса клиники внутренних болезней» (1867—1873) и в 35 лекциях, записанных и изданных его учениками.

«Курс клиники внутренних болезней» очень своеобразен, он стоит особняком в русской медицинской литературе. Весь первый том (250 с.) посвящен разбору

¹ Чистович Н. Я. Клинические лекции. — Пг., 1918, с. 1.

всего лишь двух больных: одного — с сердечно-сосудистым заболеванием, другого — с сыпным тифом. Разбор идет чрезвычайно конкретно, выразительно. Дается описание клинических симптомов — объективные и субъективные явления, ставится диагноз, обосновывается лечение, описываются данные, полученные при наблюдении больного, и наконец — данные вскрытия. Полнота и убедительность анализа, ход рассуждения врача сделали этот труд классическим. Не случайно на протяжении многих десятилетий эта книга была настольной у нескольких поколений врачей. Сергей Петрович демонстрировал здесь одновременно ход мысли врача-клинициста и показывал, как надо воспитывать молодых врачей.

С. П. Боткин выбрал сложный, но плодотворный путь обучения молодых врачей. Он обучал их детальнейшему разбору больного, всем особенностям течения заболевания, открываемым на глазах у слушателей.

А. С. Пушкин писал: «Следовать за мыслями великого человека есть наука самая занимательная»¹. Следить за его мыслью — в высшей степени интересно и поучительно. Просто, но вместе с тем чрезвычайно убедительно он ведет читателя от одного факта к другому, сопоставляет их между собой и со всеми особенностями организма больного, отбрасывает то, что не выдерживает критики, затем делает свой убедительный, неоспоримый вывод.

«Меня могут упрекнуть, — писал С. П. Боткин в предисловии к этой книге, — что я весь выпуск посвятил разбору только одного случая, а не представил несколько историй больных с аналогичными патологическими состояниями; но цель этого издания — не увеличение казуистического материала, а желание сообщить моим товарищам по призванию приемы исследования и мышления, выработанные мной путем долгих клинических и анатомо-патологических наблюдений, результаты которых невольно прилагаются к каждому встретившемуся новому случаю»².

С. П. Боткин критически просматривал свои лекции и редактировал каждый раздел. Первый выпуск «Клинических лекций» вышел в свет в 1885 г., второй — в

¹ Пушкин А. С. Полн. собр. соч. — М., 1949, с. 622.

² Боткин С. П. Курс клиники внутренних болезней. — М., 1950, т. 1, с. 35.

1887 г., третий был подготовлен к печати после его смерти В. Н. Сиротининым в 1891 г.

«Курс клиники внутренних болезней» С. П. Боткина неоднократно сравнивали с «Основами химии» Д. И. Менделеева. И тот и другой труд складывался годами. Оба они сыграли огромную роль в формировании научной дисциплины. Оба были созданы в процессе преподавания, в процессе разъяснения слушателям основ науки.

В. Б. Фарбером справедливо было отмечено, что имя С. П. Боткина как педагога при жизни его стало таким же популярным и авторитетным, как имена Т. Н. Грановского, К. Д. Ушинского, Н. И. Пирогова, М. В. Ломоносова, В. Г. Белинского, А. И. Герцена, Д. И. Писарева и Н. Г. Чернышевского. Он оказал огромное влияние на развитие медицинского образования в России. Разработанные им и его учениками реформы были взяты на вооружение отечественной медициной и успешно осуществлены.

Н. А. Белоголовый подчеркивал, что заслуга С. П. Боткина заключается в том, что он положил конец забитому положению врача русского происхождения, подняв его образование до возможной степени совершенства. Он заботился о том, чтобы открыть ему соответствующее его знаниям поле деятельности, и мог утешиться еще при жизни, что успел достичь этого.

С. П. Боткин, как отмечали его современники, боролся за престиж русского врача. Как мог Боткин остаться вне политики, писал В. Б. Фарбер, когда в России и в столице ее Петербурге все основные профессорские, административные и врачебные должности были заняты иностранцами? Как он мог не вести острой политической борьбы, когда только в одной Обуховской больнице (в Петербурге) в течение 100 лет (1784—1884) среди работавших врачей русских было всего 32%? Даже «скорбные листы» в госпиталях и городских больницах именно в силу этого положения писали на немецком языке.

Следует отметить, что ту же задачу решал в Москве другой корифей отечественной медицины — Г. А. Захарьин. Придя в клинику, он поставил перед собой цель — поднять авторитет русского врача — и многого в этом отношении добился.

Недостаток квалифицированных врачебных кадров, понимающих новые задачи и новые пути решения этих

задач, С. П. Боткин старался преодолеть путем превращения своей клиники в своеобразный институт усовершенствования врачей. Через его клинику прошли сотни врачей, получивших знания и навыки, которых им не хватало. На службу повышения квалификации врачей он поставил созданную им «Еженедельную клиническую газету». В первом ее номере С. П. Боткин писал, что страницы газеты предназначены преимущественно для клинической казуистики по различным отраслям практической медицины. «Казуистика, — отмечал он, — есть основание практической медицины и лучшая школа для практического врача». Более того, он подчеркивал, что «возможно объективное и сознательное отношение к каждому представившемуся случаю, составляя основное условие развития врача...»¹

Редактор журнала «Врач» проф. В. А. Манассеин писал: «В газетах заявлено, что профессор С. П. Боткин будет издавать еженедельную медицинскую газету. С удовольствием заносим этот факт в нашу хронику и заранее приветствуем будущего, без сомнения, научно-го и честного собрата»².

Успешно решить многие сложные задачи, связанные с подготовкой практических врачей и врачей-исследователей удалось потому, что С. П. Боткин сумел привлечь к этому важному делу большую группу передовых медиков, в том числе И. М. Сеченова. Ему удалось сплотить, объединить их. Успеху содействовала и атмосфера общего национального подъема, связанного с итогами Крымской войны.

Значение клиники С. П. Боткина в том, что она воспитывала деятелей нового направления в смысле понимания коренных задач медицины и здравоохранения в России.

¹ Еженедельная клиническая газета, 1881, № 1, с. 3.

² Врач, 1881, № 1, с. 33.

КЛИНИЦИСТ

Только пройдя через огонь эксперимента, вся медицина станет тем, чем должна, т. е. сознательной, а следовательно, всегда и вполне целесообразно действующей¹.

И. П. ПАВЛОВ

В историю отечественной медицины С. П. Боткин вошел как выдающийся клиницист, создатель нервизма, один из основоположников отечественной научной клинической медицины.

Сущность клинической медицины С. П. Боткин в 1867 г. определил так: «Главнейшие и существенные задачи практической медицины — предупреждение болезни, лечение развивающейся болезни и, наконец, облегчение страданий больного человека. Единственный путь к выполнению этих высоких задач — изучение природы, изучение здорового и больного животного организма. Применение этого знания с гуманной целью к индивидуумам и составляет сущность клинической медицины, которая будучи частью естествознания, не представляет таким образом самостоятельной науки»².

И. П. Павлов вспоминал: «Это ли не был клиницист, поражавший способностью разгадывать болезни и находить против них наилучшие средства! ...Возможно, что именно в этом секрет необычайно сильного воздействия на больных прославленного врача... Его обаяние среди больных, — продолжает И. П. Павлов, — поистине носило волшебный характер: лечило часто одно его слово, одно посещение больного. Сколько раз приходилось слышать от его учеников-клиницистов печальное признание, что те же рецепты и, по-видимому, при подобных же случаях оказывались недействительными у них, делая чудеса в руках учителя»³. Речь шла не о частных моментах поведения врача, а о внутреннем и внешнем его облике в целом, об умении общаться с больным. Обаяние врача — это не искусственные приемы, а воздействие всего его умственного и нравственного облика.

¹ Павлов И. П. Полн. собр. соч. — М., 1951, т. 2, кн. 2, с. 279.

² Боткин С. П. Курс клиники внутренних болезней и клинические лекции. — М., 1950, т. I, с. 29.

³ Павлов И. П. Полн. собр. соч. — М., 1951, т. 2, кн. 2, с. 284.

Обращаясь к истории, известный терапевт Д. Д. Плетнев писал: «...Боткиным был впервые поставлен на очередь вопрос о функциональном мышлении в клинике в противовес долго еще продолжавшему господствовать анатомическому мышлению. Теперь все это вполне очевидные истины, но в семидесятых годах Боткин был новатором в этом направлении»¹.

Следует напомнить, что медицина на протяжении многих веков была эмпирической, руководствовалась надуманными теориями, например учением о четырех соках организма. В XVIII веке теории ятрофизиков и ятрохимиков, месмеризм, гомеопатия и т. д. мало помогали развитию этой науки. Первые научные теории в медицине возникли в XIX веке.

До С. П. Боткина, указывал проф. А. Л. Мясников, русская медицина носила преимущественно описательно-клинический характер: врач изучал историю болезни, подмечал внешние проявления заболевания (симптомы), что позволяло ему правильно ставить диагноз; наблюдая течение болезней, он вырабатывал в себе умение предсказывать их исход и лечил, опираясь на опыт применения тех или иных лекарств.

Грубому эмпиризму в терапии С. П. Боткин противопоставил глубокий клинический и экспериментальный подход — в этом его заслуга.

Наиболее полно он изложил свои взгляды в актовой речи «Общие основы клинической медицины», произнесенной в Военно-медицинской академии 7 декабря 1886 г. Эта речь занимает особое место в истории отечественной медицины. Это обдуманый и систематизированный итог клинических взглядов выдающегося медика и вместе с тем его завещание последующим поколениям. В ней не только подытожена его многолетняя деятельность, не только изложено его кредо, но и поставлены новые задачи, к решению которых клиницисты приступили еще при жизни великого ученого и которые они продолжают решать и в настоящее время.

Речь С. П. Боткина насыщена глубоким содержанием. Она охватывает широкий круг вопросов и является философией клиники. В ней подчеркнута важность правильного выбора метода исследования больного, способ сбора фактов. Далее идет обдуманное, нетороп-

¹ Плетнев Д. Д. Очерк из истории медицинских идей. — Клиническая медицина, 1934, № 41—42, с. 1538.

ливое рассмотрение всех этапов поведения врача у постели больного, вдумчивый анализ каждой детали его работы. Дается образец глубокого рассмотрения того, что является сутью врачебной деятельности.

Определение состояния больного — это руководящая мысль врача, начальная гипотеза, которую он делает на основании первых шагов исследования. Без этого легко впасть в ошибку, прийти к ложному заключению.

В актовой речи С. П. Боткина много общего с актовой речью другого основоположника русской клинической медицины — М. Я. Мудрова «Слово о способе учить и учиться медицине практической».

Сменились условия, неизмеримо выросли медицинская наука, возможности врача, его научная и техническая вооруженность. Однако советы, пожелания, прогнозы С. П. Боткина остаются в силе и теперь. Они не потеряли ни своей значимости, ни своей руководящей роли. На протяжении веков утверждалось, что задача медицины — лечение болезни. С. П. Боткин ставит на первое место предупреждение болезни. Нетрудно видеть, как расширяются задачи медицины при такой существенной поправке.

Заслуга С. П. Боткина — разработка проблемы болезни как явления, обусловленного окружающей средой. Для отечественных клиницистов первой половины XIX века характерно признание важной роли окружающей среды в возникновении и течении болезни. С. П. Боткин последовательно и убедительно конкретизировал, расширил и обосновал такое понимание, разделяя позиции И. М. Сеченова, который утверждал, что «организм и среда неотделимы». Понятие «болезнь», подчеркивал С. П. Боткин в актовой речи, неразрывно связывается с ее причиной, которая всегда обуславливается внешней средой, действующей или непосредственной на заболевший организм, или через его ближайших или отдаленных родителей. «Реакция организма на вредно действующие на него влияния внешней среды и составляет сущность больной жизни. Болезнь есть явление преходящее, временное, и только в том случае, если организм не восстановит своего равновесия, оно становится постоянным, влияя в большей или меньшей степени на укорочение жизни. Восстановление нарушенного равновесия жизни организма совершается в силу той же способности живого элемента приспособляться —

свойства, которым отличается все живое; и если причина болезни не уничтожила в организме этой прирожденной ему способности, то равновесие восстанавливается, и болезнь проходит»¹.

Понимание человека в единстве со средой и роли рефлекторных связей влекло за собой новое понимание терапии, очень расширившее возможности врача.

Рассматривая организм как целое, находящееся в непрерывном взаимодействии с окружающей средой благодаря неврогенным, рефлекторным связям, С. П. Боткин пришел к выводу о том, что к возникновению болезни приводят извращенные патологические рефлекторные механизмы. Подчеркивая регулирующую роль нервной системы в организме человека, он обосновал принципиально новый подход к объяснению происхождения болезней.

Нервизм был научной всеобъемлющей теорией, охватывающей биологию, физиологию, клинику не какими-либо случайными связями, а органически, на основе самого важного, по определению Энгельса, признака позвоночных — группировки *«...всего тела вокруг нервной системы»*².

Физиологическое, функциональное направление, созданное С. П. Боткиным, противопоставлялось анатомическому, морфологическому направлению, развивавшемуся Р. Вирховом. Оно в корне отличалось и от «гуморальной медицины» К. Рокитанского и от «целлюлярной патологии» Р. Вирхова. Экспериментальная терапия — это новаторское предложение С. П. Боткина — была важным принципиальным вкладом в медицинскую науку. Это основополагающее требование получило признание и, как известно, широко внедрилось в медицину.

Давая оценку экспериментальной терапии уже с исторических позиций, И. П. Павлов говорил в речи, посвященной памяти С. П. Боткина: «Не натурально ли, видя отклонения от нормы и глубоко вникнув в их механизм, желать повернуть их к норме? Только это и есть последняя проба полноты нашего физиологического знания и размеров вашей власти над предметом. Следовательно, мы естественно пришли к экспериментальной терапии. Отбросьте практическую цель эксперименталь-

¹ Боткин С. П. Клинические лекции. — М., 1950, т. 2, с. 11.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 20, с. 623.

ной терапии, останется новый и плодотворный способ изучения жизни, потому что вы будете подходить к изучаемой вами жизни с новой стороны...»¹

Новые возможности появились, в частности, при отыскивании новых лекарственных средств путем эксперимента. Клиника С. П. Боткина славилась, между прочим, многими открытыми ею и внедренными в практику лекарствами от сердечных и других болезней.

С. П. Боткин был знающим и тонким физиологом, свидетельством тому являются многие сделанные им ценные открытия в области физиологии. Он допускал существование нервных центров, управляющих охлаждением тела, центра рефлекторных воздействий на селезенку, высказал предположение о существовании центра, действующего на лимфообращение и кроветворение, что впоследствии было доказано экспериментально. Он высказал гипотезу о том, что существует самостоятельный центр потоотделения, что вскоре также было экспериментально доказано А. А. Остроумовым.

И. П. Павлов давал самую высокую оценку С. П. Боткину, который, по его словам, был «лучшим олицетворением законного и плодотворного союза медицины и физиологии — тех двух родов человеческой деятельности, которые на наших глазах воздвигают здание науки о человеческом организме и сулят в будущем обеспечить человеку его лучшее счастье — здоровье и жизнь»².

Значительные открытия в области физиологии, которые сделал С. П. Боткин, не являются случайностью. И. П. Павлов, выступая на заседании общества русских врачей в 1894 г., посвященном памяти С. П. Боткина, дал этому глубокое объяснение. Одновременно С. П. Боткин, указывал и на возможную помощь, которую могли оказать клиницисты в области изучения чисто физиологических проблем: «Патология и клиника дают нам право делать некоторые соображения о свойствах... нервных приборов, таких, которые недостаточно еще выработала физиология, и указывать ей таким образом направление новых работ в этой области»³.

Обобщенную характеристику клинической концепции

¹ Павлов И. П. Полн. собр. соч. — М., 1951, т. 2, ч. 1, с. 354.

² Труды Общества русских врачей в С.-Петербурге за 1899—1900 гг. — СПб., с. 242.

³ Боткин С. П. Курс клиники внутренних болезней. — СПб., 1912, т. 2, с. 319.

С. П. Боткина дал А. Л. Мясников в предисловии к его «Клиническим лекциям»¹.

«Физиологическое направление медицины в понимании С. П. Боткина определяется, конечно, не только внесением в клиническую практику лабораторно-экспериментальных (физиологических) методов исследования. Это была необходимая, но, так сказать, внешняя сторона боткинского преобразования клиники. Внутренняя сущность нового направления, его идейная основа может быть охарактеризована следующими тремя тесно между собой связанными принципами и составляющими в целом учение Боткина.

1. Первый из этих принципов состоит в том, что Боткин в развитии болезненного процесса придавал ведущее значение нервной системе. «Гениальный взмах сеченовской мысли» (Павлов), по которому «все акты сознательной и бессознательной жизни по способу происхождения суть рефлексы», поставил перед Боткиным вопрос о рефлекторном механизме и различных других тканевых процессах... Читая труды Боткина, постепенно приходишь к выводу, что как в тех суждениях о роли нервной системы, которые являются основой представлений С. П. Боткина о происхождении внутренних органов, так и в ссылках, которые при поверхностном чтении производят впечатление случайных догадок, проявляется глубокое внутреннее убеждение автора о примате нервной системы в патологии человека.

2. Второй принцип, лежащий в основе боткинского понимания клинической медицины, состоял в том, что болезнь не охватывает тот или иной участок тела или отдельный орган, а влияет на весь организм. Этот принцип, естественно, вытекал из принципов нервизма. Если болезненный процесс на периферии — в тех или иных органах и тканях — протекает при ведущем участии нервной системы, стало быть, он не может ограничиваться только этими органами и тканями, уже во всяком случае имеет отношение и к нервной системе. Целостность человеческого организма определяется нервной системой; она — регулятор его внешней и внутренней деятельности, обеспечивающей жизнь.

3. Третий принцип боткинского понимания клинической медицины состоял в признании ведущего значения

¹ Мясников А. Л. Сергей Петрович Боткин. — В кн.: Боткин С. П. Курс клиники внутренних болезней. — М., 1950, т. 1, с. 5.

внешней среды в развитии болезни. «Болезнь не есть нечто особенное, самостоятельное — она представляет обычные явления жизни при условиях, невыгодных организму, который или умирает, или в силу своей приспособляющейся способности восстанавливает свое равновесие, достигая, таким образом, более или менее полного выздоровления, или же остается больным, сохраняя иногда способность передавать болезнь или расположение к ней своему потомству, что и обуславливает наследственность болезней» (С. П. Боткин)¹.

Реформы, проведенные С. П. Боткиным в области высшего медицинского образования, исходят из его принципиального требования: «Задача клинического преподавания состоит в том, чтобы начинающий овладел методом клинического исследования и приемами умозаключения в такой степени, чтобы быть самостоятельным деятелем»². Эта задача и сейчас стоит в центре внимания медицинских институтов, и решение ее составляет альфу и омегу медицинского преподавания.

Остается также в силе его указание о том, что врачу надо проводить «терапию соответствующих больных, а не их сердец».

Глубокая мысль заложена в его утверждении: «Казуистика — есть основание практической медицины и лучшая школа для практического врача». Более того, он подчеркивал, что «возможно объективное и сознательное отношение к каждому представившемуся случаю, составляя основное условие развития врача...»³

В своих лекциях С. П. Боткин избирал сложный, но плодотворный путь обучения будущих врачей — детальнейший клинический разбор больного, всех особенностей течения заболевания, объясняемых здесь же, на глазах у слушателей. Так, лектор показывал, как надо на основании фактов, еле заметных признаков определять состояние больного и анализировать ход болезни, как из отдельных фактов надо складывать стройное здание диагноза, а затем и систему лечения. Одновременно шло обучение и деонтологическим воззрениям. Личный опыт общения С. П. Боткина с больным и с медицинскими работниками заслуживает особого вни-

¹ Мясников А. Л. Сергей Петрович Боткин. — В кн.: Курс клиники внутренних болезней. М., 1950, т. 2, с. 13.

² Боткин С. П. Клинические лекции. — М., 1950, т. 2, с. 23.

³ Боткин С. П. — Еженедельная клиническая газета. Предисловие к изданию, 1881, № 1, с. 3.

мания. Сейчас, когда проблемы деонтологии становятся все более важными и актуальными, следует внимательно присмотреться к тому, какое большое значение придавал великий клиницист кругу вопросов, которые входят в понятие «медицинская деонтология».

До сих пор актуальным является его завет: «Необходимо иметь истинное призвание к деятельности практического врача, чтобы сохранить душевное равновесие при различных неблагоприятных условиях его жизни, не впадая при неудачах в уныние или самообольщение при успехах. Нравственное развитие врача-практика поможет ему сохранить то душевное равновесие, которое даст ему возможность исполнить священный долг перед ближним и перед родиной, что и будет обуславливать истинное счастье его жизни»¹.

Многие частные проблемы, которые С. П. Боткин решал в клинике, заслуживают рассмотрения их с этих позиций, а его методы диагностики и лечения подлежат дальнейшему развитию и изучению.

Нервизм. Нервизм — это оригинальная концепция в медицине, которая возникла в XVIII веке и развивалась наряду с другими теориями анатомии и физиологии. Его следует рассматривать как одно из течений внутри анатомо-функционального направления в медицине.

Отдельные высказывания, относящиеся к идеям нервизма, появились в отечественной медицинской литературе в начале XIX века.

В 1863 г. И. М. Сеченов написал свой выдающийся труд «Рефлексы головного мозга». Создание им учения о рефлексах головного мозга И. П. Павлов называл гениальным взмахом русской научной мысли. Обосновывая ведущую роль нервных центров в жизни человека, И. М. Сеченов исходил из философских взглядов Н. Г. Чернышевского.

Естественнонаучной основой отечественного учения о нервизме были нефрофизиологические открытия И. М. Сеченова. С. П. Боткин стремился использовать его работы, посвященные биологическим механизмам рефлекса. Рефлекторные механизмы, изучение которых начал И. М. Сеченов, были подробно изучены С. П. Боткиным в приложении к больному организму.

¹ Боткин С. П. Клинические лекции. — М., 1950, т. 2, с. 25.

Установленные им закономерности послужили основой для создания теории нервизма, быстро одержавшей победу во многих отраслях медицинской науки.

С. П. Боткин придерживался взгляда, согласно которому нервная система организма является регулятором его внешней и внутренней деятельности, обеспечивающим жизнь, поэтому всякое повреждение тела (любого характера, в любом участке) в той или иной мере затрагивает нервную систему, а стало быть и организм в целом.

С. П. Боткин считал, что изменения в центральной нервной системе могут привести к сердечной недостаточности. Он подчеркивал, что большое влияние на сердце оказывают явления, существующие вне его, в частности состояние вазомоторной иннервации.

Роль С. П. Боткина в обосновании теории нервизма, в расширении сферы ее влияния, в применении ценных идей к новым разделам медицины общепризнана и бесспорна. Рефлекторный принцип был использован им при объяснении патогенеза ряда заболеваний, в частности болезней сердца. Он одним из первых высказал гипотезу, согласно которой патогенез некоторых внутренних и инфекционных болезней связан с изменениями в центрах продолговатого мозга, локализация и характер нарушений которых не были еще установлены физиологами.

В те времена клиницисты как в России, так и за рубежом не имели подлинно научной медицинской теории. Они руководствовались тем, что давали им опыт и практику у постели больного. Целлюлярная патология Р. Вирхова была попыткой создать такую теорию.

Создание С. П. Боткиным теории нервизма — не случайная его удача, а закономерное следствие развития отечественной медицинской науки и ее связи с материалистическим философским учением. Его теоретические концепции основаны на достижениях его предшественников, отечественных медиков, создававших отдельные звенья в цепи научных исследований, которые в конечном итоге привели к стройной концепции.

С. Г. Зыбелин (1735—1802), профессор-клиницист Московского университета, в своем труде «Слово о сложениях тела человеческого и о способах, как оные предохранить от болезней» первый выдвинул ряд предложений, которые можно рассматривать как отдельные мысли, имеющие отношение к теории нервизма. Он по-

нимал значение нервной системы в деятельности организма при заболеваниях и при борьбе с ними.

В последующие десятилетия М. Я. Мудров, О. Е. Мухин, И. Е. Дядьковский, К. В. Лебедев, И. Т. Глебов, Ф. И. Иноземцев и, наконец, Н. И. Пирогов изучали роль нервной системы в механизме заболевания человека.

С. П. Боткин рассматривал организм целостно, деятельность которого регулируется нервной системой. Методологическое и практическое значение этого положения чрезвычайно важно. Он считал различные заболевания следствием нарушения нормальной нервной деятельности. С целью обоснования своих взглядов он использовал труды многих отечественных физиологов и клиницистов — И. Р. Тарханова, Л. В. Попова, а также работы многих зарубежных исследователей — Б. Лукзингера, Ф. Крауса.

Идеи нервизма ознаменовали новую эпоху в изучении патогенеза болезни. Работа над этой проблемой трех гигантов отечественной науки Сеченова, Боткина и Павлова — создала и утвердила это направление в медицине. Испытание временем показало, что теория нервизма необычайно плодотворна и перспективна.

Можно только удивляться тому, как глубоко и широко, не владея еще данными, которые в последующие десятилетия открыли и обнародовали И. П. Павлов и его школа, С. П. Боткин в основном правильно наметил пути развития медицины. Его ученики широко распространили концепции своего учителя в самых различных отраслях медицины. История физиологического направления в отечественной медицине освещена в монографиях В. М. Банщикова (Пути развития теории нервизма. — М., 1951) и А. Г. Лушниковой (Клиника внутренних болезней в России первой половины XIX века. — М., 1959). Предыстория нервизма и роль С. П. Боткина в его развитии изложены в книгах Ф. Р. Бородулина (К истории становления нервизма в отечественной медицине. — М., 1955; С. П. Боткин и неврогенная теория медицины. — М., 1953; К истории нервизма в отечественной медицине. — М., 1955)¹.

¹ В книгах Ф. Р. Бородулина дается неверное и предвзятое толкование С. П. Боткина. Критику этих ошибочных взглядов дал проф. П. Н. Веселкин в статье «Об исторической оценке русской патологии 70—80-х годов» (Физиологический журнал СССР, 1953, № 5, с. 662—672).

Выдающийся немецкий ученый, один из основоположников научной медицины Р. Вирхов в 60-х годах прошлого столетия выступил с обобщающей теорией патологии. В 1880 г., когда в Обществе русских врачей Санкт-Петербурга отмечался юбилей Р. Вирхова, С. П. Боткин отдал ему должное, указав, что «Вирхов выучил целые поколения врачей не ограничиваться одними гипотезами, а путем исследования искать истины»¹. В этом, по его мнению, и заключается истинная заслуга Вирхова.

Учение Р. Вирхова, позже получившее название клеточной (клеточной) патологии, было направлено против солидарно-гуморальной патологии крупного венского патолога К. Рокитанского, искавшего причины болезни в изменении соков в тканях организма. Р. Вирхов убедительно показал несостоятельность этого учения, признавая его приоритеты в описании патолого-анатомических изменений органов.

Теоретические обобщения Р. Вирхова, касающиеся жизни человеческого организма в нормальном и патологическом состоянии, исходили из клеточной теории строения организма. Он считал, что материальным субстратом болезни является клетка, что патология всего организма — это патология клеток; патологический процесс является суммой нарушений, происходящих в каждой клетке.

Изучая жизнедеятельность клеток с помощью микроскопа, Р. Вирхов считал, что врач не может судить о болезненных явлениях, если он не проследил их проявление в клетках организма.

Р. Вирхов признавал существование в головном мозге центров, регулирующих некоторые функции в организме. Так, например, он высказал точку зрения о существовании в головном мозге температурного центра, на приоритет которого указывал С. П. Боткин. Однако игнорировал роль центров в развитии патологического процесса.

При большом уважении к Р. Вирхову критические голоса звучали достаточно решительно. Большую роль в этом отношении сыграли ученые России, так как теория Р. Вирхова противоречила учению о целостном организме, о единстве организма и среды, о ведущей роли нервной системы.

¹ Труды Общества русских врачей в С.-Петербурге за 1881—1882 гг. — СПб., 1892, с. 51.

Критическое отношение к клеточной патологии было не случайным и имело очень глубокие предпосылки.

«Как может жить и уклоняться от нормы ячейка тогда, когда она отделена от элементов нервного и сосудистого? — ставил вопрос Ф. И. Иноземцев. — Каким путем будет проходить к ячейке внешний, столь нужный для жизни стимул, если она лишена нерва? Кто доставит ячейке свежий, для жизни ее нужный материал и примет обратно отживший в ней, если она не соприкасается с сосудом?» И он же отвечал, что «без нервного начала, без проведения наружных стимулов к ячейке, без питания последней, находящегося под управлением нервной деятельности, «неудобопонятна» теория Вирхова о клеточной патологии и практически приложима быть не может».

И. М. Сеченов в тезисах своей докторской диссертации писал в 1860 г.: «Животная клеточка, будучи единицей в анатомическом отношении, не имеет этого смысла в физиологическом: здесь она равна окружающей среде — междуклеточному веществу. На этом основании клеточная патология, в основе которой лежит физическая самостоятельность клеточки или по крайней мере гегемония ее над окружающей средой, как принцип ложна. Учение это не более, как крайняя ступень развития анатомического направления физиологии». Проблема целостности организма получила объяснение с позиций нервизма. Механизмом связи со средой был признан рефлекс. «Моя главная задача заключается в том, — писал И. М. Сеченов, — чтобы доказать, что все акты сознательной и бессознательной жизни по способу происхождения суть рефлексы»¹.

В год выхода обобщающего труда Р. Вирхова «Клеточная патология» (1855) казанский профессор Е. Ф. Аристов подверг критике основные положения клеточной патологии. Неверное положение о том, что в основе всякого патологического процесса лежат местные изменения клеточных элементов, вызвало резкие возражения со стороны патологоанатомов М. М. Руднева и Н. П. Ивановского.

Среди возражавших Р. Вирхову был и Н. И. Пирогов, который критиковал «механическую теорию пиемии» Р. Вирхова в «Началах общей военно-полевой хи-

¹ Сеченов И. М. Рефлексы головного мозга. — Л., 1926, с. 122.

рургии»¹, где он подчеркнул особое значение нарушений центральной нервной системы в развитии патологического процесса.

В то время, когда клиницисты, находившиеся под влиянием Р. Вирхова, смотрели на больные органы, как говорил С. П. Боткин, «в анатомические очки», передовые отечественные медики, основываясь на признании важной роли нервной системы в регуляции функций организма, изучали больного человека не только с точки зрения местных анатомических изменений, но в первую очередь с учетом общих физиологических связей всех систем и органов с окружающей средой.

Нервизм как теория не только противостоял клеточной патологии, но и отвергал ее.

Более 100 лет прошло со времени зарождения вирховской теории, которая привела в конце концов медицину в тупик. Локалистическое направление не решило ни одного из кардинальных вопросов медицинской науки. Наоборот, оно пришло в резкое противоречие со всем передовым и ценным, что рождалось в биологии и медицине.

Непримиримость нервизма и вирховского понимания патологии подчеркивают слова Р. Вирхова, сказанные им уже на склоне лет на Международном конгрессе врачей в Риме в 1894 г.: «Мне представляется чистым анахронизмом поднимать вопрос об общих заболеваниях. Если у кого из присутствующих еще сохраняется в какой-либо мозговой клетке воспоминание об общих болезнях, то по здравом размышлении, он должен прийти к заключению, что в каждом больном человеке остается значительная, обычно даже большая часть здоровой жизни, и что больной, пожалуй, даже и мертвый, образует только часть тела».

Подводя итоги многолетним спорам и делая выводы из последних исследований о развитии нервизма, В. Х. Василенко говорил: «Само собой разумеется, что положения современной медицины о целостности организма и принципе системности исключают крайности нервизма («все от коры»), учитывают связи нервной системы со всем организмом и особенно с гуморальной и гормональной функциями. Иными словами, современная теория нервизма представляется более сложной —

¹ Пирогов Н. И. Начала общей военно-полевой хирургии. — М., 1922, т. 2, с. 335—336.

в принципе; нервно-гуморальная регуляция функции составляет основу биологии животного и человека при решающей роли нервной системы. В данном случае мы подчеркиваем опасность и односторонность той позиции, которая приписывает роль исключительно гормональной регуляции функций организма в патологии, т. е. общей теории стресса Селье (хотя не пытаемся принизить его большие научные заслуги)»¹.

Диагност и терапевт. Слава С. П. Боткина как тонкого диагноста сложилась в первые годы его профессорской деятельности. Первый камень этой славы был заложен в 1862 г. после его ставшего знаменитым прижизненного диагноза тромбоза воротной вены. Проф. Е. М. Тареев назвал этот диагноз жемчужиной диагностики 30-летнего Боткина. «Распознанный прижизненно случай сложного тромбоза, «закупоривания» полостей вены около печени (многолетней давности) с характерным коллатеральным кровообращением и неполной закупорки воротной вены (с уменьшением объема печени и громадной селезенкой) и образованием свежей пробки... объясняется его талантом клинициста и блестящим, как всегда, знанием литературы»².

После установления диагноза больной прожил несколько недель. Недоброжелатели С. П. Боткина надеялись на то, что его мнение ошибочно. Однако при вскрытии умершего, которое производил патологоанатом проф. Т. С. Иллинский при полной аудитории медиков, диагноз С. П. Боткина подтвердился. Собравшиеся врачи приветствовали успех молодого клинициста. На другой день это стало известно всей медицинской общественности Петербурга.

Обладая выдающимися диагностическими способностями, Сергей Петрович всю жизнь умело развивал их. Поставив своей целью овладеть в совершенстве диагностикой, он неустанно практиковался. И. М. Сеченов вспоминал: «Тонкая диагностика была его страстью, и в приобретении способов к ней он упражнялся столько же, как артисты вроде А. Рубинштейна упражняются в своем искусстве перед концертами. Раз, в начале своей профессорской карьеры, он взял меня оценщиком его умения различать звуки молоточка по плессиметру.

¹ Боткинские чтения 1978 г. — Кишинев, 1981, с. 14.

² Тареев Е. М. С. П. Боткин и современная клиника. — Советская медицина, 1957, № 12, с. 11.

Становясь посредине большой комнаты с зажмуренными глазами, он велел поворачивать себя вокруг продольной оси несколько раз, чтобы не знать положения, в котором остановился, и затем, стуча молотком по плессиметру, узнавал, обращен ли плессиметр к сплошной стене, к стене с окнами, к открытой двери в другую комнату или даже к печке с открытой заслонкой»¹. Точные диагнозы, восхищавшие медицинский мир, были результатом подобных упражнений.

Блестящая диагностика С. П. Боткина поражала современников. Об этом писали все, кто вспоминал о нем как о враче. Выводы, основанные на небольшом количестве симптомов, нередко были неожиданными и оказывались правильными. Сочетание тонкой диагностики с клиническим мышлением ученого приводило к удивительным результатам.

С. П. Боткин, много сделавший для внедрения в русскую клинику объективных методов, нередко подчеркивал необходимость для врача вырабатывать в себе способность наблюдать больного без всяких вспомогательных средств. В актовой речи 1886 г. он вспоминал о том времени, когда начал только учиться практической медицине. «Ныне принятый метод объективного исследования больного, а также аускультация и перкуссия еще не составляли общего достояния, как теперь, и тем не менее врачи прежнего времени, лишенные почти совершенно тех способов исследования, которые в настоящее время составляют общую принадлежность каждого начинающего, путем опыта вырабатывали в себе способность наблюдать без всяких вспомогательных средств; и нередко общее впечатление, производимое на врача, талантливого наблюдателя видом больного, давало основание для окончательного заключения о его болезни и ее дальнейшего течения»². Он неустанно повторял, что врачу необходимо анализировать первое впечатление, произведенное на него больным.

Под искусством в медицине С. П. Боткин понимал сочетание умения, опыта и интуиции. В то же время он считал, что искусство в медицине — это инстинкт. «Нет никакого сомнения, что при известном навыке и из-

¹ Сеченов И. М. Автобиографические записки. — М., 1907, с. 65.

² Боткин С. П. Курс клиники внутренних болезней. — М., 1950, т. 2, с. 15.

вестных способностях у людей может развиваться в очень значительной степени способность делать заключения на основании первого впечатления и нередко без участия сознательного центра мышления.. Врач, делающий диагностику больного или заключение о его болезни, не имея достаточного количества фактов, на основании одного только первого впечатления и... через посредство его периферических приводов действует по инстинкту... Успех и прочное развитие практической медицины будут обуславливаться уменьшением значения в ней инстинкта и большого подчинения науке или разуму. Чем более сознательны будут заключения врача при постели больного, тем более они будут научны»¹.

С. П. Боткин, тративший много сил на внедрение объективных методов исследования больного, обобщив свой опыт, приходит к заключению, что объективные методы — это перспектива и будущее нашей науки. Он подчеркивает необходимость творческого подхода к делу, а не только умения читать полученные из лаборатории данные. Руководящая идея, основанная на оценке состояния больного, — предпосылка для будущего диагноза. Особенно важным С. П. Боткин считал исследование больного с помощью вопросов. Он постоянно настаивал на первичном осмотре больного и вторичном собирании анамнестических данных, что в то время казалось парадоксом и вызывало дискуссионные выступления в печати. Однако такая последовательность при обследовании больного характерна для его клинической школы.

Е. М. Тареев отмечал, что «С. П. Боткин умело и интересно анализирует, казалось бы, банальные и сбивчивые жалобы больных, приближаясь как клиницист-физиолог к пониманию проявлений неясного нездоровья. Он изучает условия работы, весь режим дня больного не менее подробно, чем это делал Г. А. Захарьин со своим прославленным методом расспроса»². Того же мнения и проф. В. Б. Фарбер, подкрепивший свое высказывание убедительным примером. «У Боткина никогда не было недооценки к расспросу и анамнезу больного». В этом отношении очень интересен и поучителен

¹ Боткин С. П. Курс клиники внутренних болезней. — М., 1950, т. 2, с. 15—16.

² Тареев Е. М. С. П. Боткин и современная клиника. Советская медицина, 1957, № 12, с. 13.

рассказ Р. И. Сементковского. Будучи не медиком, а журналистом, он так передавал свои впечатления об обследовании его Сергеем Петровичем. «Это было в 1871 г., я тогда сильно заболел. Мой домашний врач посоветовал консилиум и привел мне Боткина. Добро-совестность знаменитого диагноста помню меня поразила. Что он только не проделывал со мною, в течение часа расспрашивал меня обо всех обстоятельствах моей жизни, очень интересовался моими родителями и родственниками как в восходящей, так и в боковых линиях»¹.

Очевидец и слушатель С. П. Боткина Н. Я. Чистович вспоминал: «Началась лекция с расспроса больного. Расспрос длился долго и для новичка мог показаться даже слишком детальным. Затем следовало тоже очень подробное детальное исследование больного, затянувшееся почти до конца официального срока лекции. Но вот С. П. Боткин окончил соби́рание данных, повернулся к аудитории... и приступил к анализу и комбинированию собранных материалов. Все, что казалось такой беспорядочной кучей, подчас мелочными данными — все это на наших глазах стало рассортировываться, комбинироваться в стройное красивое строение»².

Многообразен и велик вклад С. П. Боткина в методы обследования больного. Е. М. Тареев отмечал, что С. П. Боткин первый по существу «выучил определять истинные размеры селезенки» пальпацией. Ему принадлежит приоритет в распознавании подвижности почек путем исследования больных в стоячем положении, равно как и приоритет в отношении характеристики этого состояния при определенной болезни. У больного с канкрозным сужением выходной части желудка (без расширения последнего) «...весь живот на ощупь представляется совершенно пустым; кишечный канал как будто исчез: вы получаете такое ощущение, что имеете под руками кожу с брюшными мышцами, далее позвоночник, а между передней и задней стенкой как будто ничего нет»³.

¹ Фарбер В. Б. С. П. Боткин — выдающийся педагог. — Клиническая медицина, 1957, № 8, с. 39.

² Чистович Н. Я. Годы, проведенные в клинике С. П. Боткина. Рукопись из архива семьи Н. Я. Чистовича. — Клиническая медицина, 1952, № 2, с. 31.

³ Тареев Е. М. С. П. Боткин и современная клиника. Советская медицина, 1957, № 12, с. 13.

Многочисленные приоритеты С. П. Боткина в методике обследования больного описаны А. Г. Лушниковым¹. Например, С. П. Боткин рекомендовал прощупывать почки в лежащем и стоящем положении больного. Он подтвердил наблюдения старых врачей о том, что подвижность почек приводит к образованию мочекислых камней. Умение перкутировать помогло ему описать важный, многими теперь забытый симптом — ограниченное уменьшение перкуторной звучности по левой парастернальной линии во втором межреберье, встречающееся при растянутом и гипертрофированном левом предсердии. Вследствие давления предсердия на легочную ткань часть легочных пузырьков перестает вентилироваться и образует ателектаз, ведущий к тому, что в этом месте более резко притупляется перкуторный звук, а при выслушивании в месте притупления звука замечаются субкрепитирующие хрипы, исчезающие при глубоком вдохе.

Диагностика по С. П. Боткину — это гипотеза, которая подтверждается или опровергается течением болезни. Такая трактовка дает врачу направление в его действиях. Когда гипотеза проверена и доказана, она становится теорией или фактом.

Первым и основным условием пользования гипотезой является критическое отношение к ней и точное знание того, что в данном случае является предположением и что — уже проверенным фактом. Основная опасность заключается в смешении гипотезы и факта.

Перефразируя слова К. Бернара о том, что наука — это кладбище гипотез, можно сказать, что диагноз рождается после того, как уничтожаются, отбрасываются, умирают многочисленные варианты и предположения.

От точной и обоснованной диагностики зависит и построение прогноза. «При постановке предсказания, — говорил С. П. Боткин, — врач берет во внимание основную болезнь данного случая, организм самого больного, его возраст, пол, общественное положение, его наследственные особенности, существующие в нем изменения под влиянием прежде бывших болезней, его приспособляющуюся способность, психические и физические условия, под влиянием которых находился и находится больной; при всем этом врач лишен возможности знать

¹ Лушников А. Г. — В кн.: Многотомное руководство по внутренним болезням. История русской и советской внутренней медицины. — М., 1963, т. 10, с. 509.

степень устойчивости существенных для жизни органов исследуемого субъекта»¹.

В конечном итоге диагноз С. П. Боткина, основанный на принципиальных его позициях, исходящий из единства организма и среды, подчеркивающий ведущую роль нервной системы в жизни организма, устанавливался с помощью синтеза данных клиники, анатомии, физиологии, патологии, патологической анатомии. Следствием этого синтеза был обоснованный диагноз.

А. Л. Мясников подчеркивал, что С. П. Боткин создал для терапии ту теоретическую основу, на которую она опиралась в своем дальнейшем развитии. Е. М. Тареев указывал, что у него мы «видим строго научный подход к лечению болезней, основанный на глубоком клинко-физиологическом понимании индивидуального больного и глубоком знании действия лекарств, рефлекторной терапии в широком смысле слова. Начинающий врач и теперь часто стремится запастись прежде всего рецептурным справочником; по Боткину же, ...для толкового практического врача не надо большого количества рецептов, а все заключается в правильности диагноза, и если вы усвоили себе приемы клинического мышления, если способны делать чистые диагностики, то терапия ваша всегда будет очень несложная»².

Руководящими принципами С. П. Боткина в области терапии А. Л. Мясников считал: а) стремление к индивидуализированной терапии; б) идею о том, что лечение действует на общие «физиологические приспособления» организма; в) идею о «купирующей терапии». Систематизируя данные о С. П. Боткине как о лечащем враче, А. Л. Мясников подчеркивает, что ни одна из клиник, ни отечественных, ни зарубежных не дала столь много исследований, посвященных разработке терапии, сколько опубликовала боткинская клиника. Она предложила немало превосходных лечебных средств, которыми мы постоянно пользуемся и в настоящее время. К ним относятся горицвет, ландыш и др. Успехом пользовались капли, предложенные С. П. Боткиным.

С. П. Боткин призывал относиться с большей ответственностью к лечению, к бережному, осторожному обращению с больным. Он возражал против экспери-

¹ Боткин С. П. Клинические лекции. — М., 1950, т. 2, с. 108.

² Тареев Е. М. С. П. Боткин и современная клиника. Советская медицина, 1957, № 12, с. 14.

мента на больных. «Эксперимент на человеке допускается только в исключительных случаях, когда мы вполне можем быть убеждены в его безвредности»¹. Он писал: «Я считаю непозволительным врачу высказать больному сомнения о возможности неблагоприятного исхода болезни... Лучший тот врач, который умеет внушить больному надежду: во многих случаях это является наиболее действенным лекарством»².

Н. А. Белоголовый вспоминал: «Боткин был воплощенная человечность и доброта: он так мягко и участливо обходился с больными, с такой искренней сострадательностью проникался страданиями их, что одними этими врожденными своими качествами приобретал неограниченное доверие больных, причем такая естественная гуманность, чуждая всякой сентиментальности, оказывала прекрасное воспитательное действие на слушателей, неизбежно привыкавших даже во внешних приемах подражать обаятельной личности учителя и делала его клинику, при всех прочих ее медицинских достоинствах, самой образцовой школой для будущих врачей»³.

Знакомясь со свидетельствами тех, кто наблюдал С. П. Боткина в его общении с больными, можно отметить, что он придавал большое значение поведению врача с больным. Завоевать доверие больного, убедить его в правильности своих назначений — это было не «технической» задачей, а было сутью его психотерапевтического подхода к больному, от которого во многом зависел успех его лечения. Он считал работу врача чрезвычайно ответственной и трудной.

Кардиолог. С. П. Боткин проявил себя как очень разносторонний клиницист, сделавший большой вклад во все разделы клиники внутренних болезней. М. П. Кончаловский подчеркивал, что семиотика болезней сердца описана им с непревзойденным мастерством. Однако, как отметил Е. М. Тареев, при многосторонности клинических интересов есть основание считать Боткина прежде всего кардиологом.

К началу XX века кардиология оформилась как самостоятельная дисциплина. Роль С. П. Боткина в этом процессе исключительно велика — научный подход к ди-

¹ Боткин С. П. Клинические лекции. — М., 1950, т. 2, с. 20.

² Там же, с. 24.

³ Белоголовый Н. А. Воспоминания и другие статьи. — М., 1897, с. 366.

агностике заболеваний сердца и сосудов был им разработан и при участии многих его учеников внедрен в практику. Заслуга его не только в блестящих описаниях многих болезней сердца, но и в разработке и внедрении клинической физиологии в науку о сердце и его заболеваниях. В. Х. Василенко отметил, что «Наблюдения и гипотезы С. П. Боткина нашли подтверждение в исследованиях его учеников и других ученых. Невозможно перечислить все открытия Боткина, но для нас очень важно, например, его наблюдение роли угнетающих эмоций на функции миокарда¹.

Нервизм как концепция сыграла важную роль в развитии кардиологии на новом этапе. С. П. Боткин в середине 70-х годов XIX века показал, что функциональные расстройства сердца не пропорциональны анатомическим нарушениям и зависят от состояния нервной системы.

Особенно эффективным было применение идей нервизма в диагностике и лечении. Н. А. Куршаков писал: «Можно было бы продолжить сопоставление в концепциях С. П. Боткина и И. П. Павлова по нервизму как основному положению по регуляции деятельности сердечно-сосудистой системы в сложном организме. Клиническая наблюдательность и точная обобщающая оценка наблюдаемого с практическими выводами одного, изумительная точность и ясность эксперимента, его понимания и толкования другого — поистине восхищают»².

Нельзя не отметить глубину клинических наблюдений С. П. Боткина, впервые описавшего рефлексорную форму грудной жабы. В основе этой болезни он видел прежде всего функциональные рефлексорные нарушения.

«Наряду с прозорливым анализом сложных соотношений в нервной регуляции сердечно-сосудистой системы, наблюдавшихся им в клинике, С. П. Боткин обогатил кардиологию указаниями на целый ряд клинических симптомов и их механизмов, имеющих существенное значение в диагностике: вариации сердечных шумов, кровяное депо, расстройства почечного кровооб-

¹ Василенко В. Х. Проблемы ишемической болезни сердца и нервизм. — В кн.: Боткинские чтения 1978 года. Кишинев, 1981, с. 13—14.

² Куршаков Н. А. Роль С. П. Боткина и И. П. Павлова в развитии кардиологии. — Клиническая медицина, 1957, № 8, с. 52.

ращения в картине нефрита, механизм развития коллапса при пневмонии и др.»¹.

С. П. Боткин сделал подробное клиническое описание поражения сердца при артериосклерозе. «Изучая клинику артериосклероза, — отметил А. Г. Лушников, — Боткин пришел к заключению, что взгляды большинства клиницистов Западной Европы на артериосклероз как на заболевание, встречающееся в исключительно преклонном возрасте, неверны. Ведь уменьшение эластичности артерий приходится иногда наблюдать и у сравнительно молодых субъектов... Наблюдения клиники Боткина говорят о том, что форма сердечного страдания, следующая за склерозом артерий, встречается нередко, и врачам приходится иметь с ней дело чаще, чем с остальными болезнями»².

Первооткрыватель — это слово как нельзя более точно определяет роль С. П. Боткина в кардиологии. Десятки раз слово «первый» встречается в посвященных ему исследованиях, статьях, монографиях. Ему принадлежат многочисленные приоритеты — симптомы, методы, указания на действия лекарств. Он установил различие между гипертрофией и дилатацией сердца, описал постсистолический шум при стенозе устья левого венозного отверстия, указал, что при недостаточности аортальных клапанов диастолический шум может выслушиваться в третьем и четвертом межреберье слева от груди (точка Боткина, или пятая аускультативная точка сердца). О двух неизвестных ранее его приоритетах говорится в статье П. С. Шкляра. С. П. Боткин установил, что размеры сердца меняются под влиянием перкуссии. Через много лет об этом писал американский медик, и явление это получило название «спондилотерапия Абрамса». В другом случае речь идет об отличии сердечной астмы от бронхиальной. С. П. Боткин описал это за 67 лет до американского медика³.

В своей лекции о комбинированном пороке сердца, прочитанной в 1867 г., он предвосхищает так называемый закон Старлинга, лежащий в основе современного понимания компенсаторного значения расширения от-

¹ Лушников А. Г. История русской и советской внутренней медицины. — В кн.: Многотомное руководство по внутренним болезням. М., 1963, т. 10, с. 509.

² Там же, с. 499.

³ Шкляр Б. С. О некоторых малоизвестных приоритетах С. П. Боткина. — Терапевтический архив, 1948, № 5, с. 7.

дельных полостей сердца как источника его резервной силы¹.

С. П. Боткин постоянно подчеркивал функциональную зависимость между органами, важную роль ее в установлении нормальной и патологической деятельности, ее значение для расшифровки различных патологий организма. Так, при заболеваниях аппарата внешнего дыхания всегда поражается система кровообращения вследствие имеющейся между ними тесной функциональной взаимосвязи. Первым, кто указал на изменения сердца при поражении легких, был С. П. Боткин. Гипертрофия правого желудочка представляет собой «содружественный», по мнению С. П. Боткина, процесс с происходящей гипертрофией левого желудочка.

Функциональная связь между желудком и сердцем впервые отмечена русским врачом Ф. Уденом (1817); С. П. Боткин указал (1884) на рефлекторный механизм этой связи.

Учение о периферическом сердце было важным этапом в развитии кардиологии. На значение его в клинике указывал С. П. Боткин. Он считал, что сокращения сосудов «обуславливаются именно попеременной ритмичной деятельностью сосудодвигательных и сосудодугнетающих нервных аппаратов»².

В 1928 г. на 10-м съезде терапевтов СССР О. В. Кондратович сказал: «Значение периферического кровообращения — настолько прочный клинический факт, что едва ли кто из клиницистов будет оспаривать это. Этот факт впервые установлен нашим гениальным клиницистом Боткиным, который с этой точки зрения дал блестящий разбор и объяснение целого ряда расстройств у сердечных больных»³.

А. Г. Лушников также подчеркивал, что именно С. П. Боткин поставил вопрос о необходимости изучения периферической сосудистой системы. Тем самым он открыл одну из блестящих страниц русской клинической науки. Артерии вены не являются простыми механическими аппаратами для распределения крови, а представляют собой самостоятельные, периодически сокращающиеся и расширяющиеся кровеносные органы.

¹ Фарбер В. Б. С. П. Боткин — выдающийся педагог. — Клиническая медицина, 1957, № 8, с. 26.

² Боткин С. П. Курс клиники внутренних болезней. — М., 1950, т. 1, с. 321.

³ Труды 10-го съезда терапевтов Союза ССР. — Л., 1929, с. 609.

Сокращения эти ритмичны и распространяются от центра к периферии в артериях и от периферии к центру в венах. Сокращения эти должны регулироваться местными нервными центрами, заложенными в стенках сосудов. Он считал необходимым при оценке деятельности сердца обращать внимание на состояние сосудов и регулирующую их функционирование нервную систему.

Несомненны заслуги С. П. Боткина и в развитии функционального направления в гематологии. Проф. В. А. Байер, изучавший специально этот вопрос, считает, что «плодотворные идеи С. П. Боткина значительно расширили пределы гематологии, позволили ей выйти из узких рамок только органов кроветворения и поставили гематологию на службу практической медицины»¹.

С. П. Боткин впервые выдвинул идею нервной регуляции кроветворения (1884), получившую особенно плодотворное развитие в исследованиях в 50-е годы XX столетия (В. Н. Черниговский, Н. А. Федоров, А. Я. Ярошевский и др.). Ему принадлежит гипотеза о механизме функции селезенки как кровяного депо. Органами, выполняющими функцию кровяного депо, являются также печень, субкапиллярное венозное сплетение кожи и легкие, которые содержат в своих сосудах значительное количество запасных эритроцитов, не принимающих участия в циркуляции, и отдают их в общий кровоток в условиях, требующих увеличения кислородной емкости крови.

В 1875 г. С. П. Боткин показал роль селезенки как кровяного депо в системе кровообращения. Значительно позднее это подтвердил экспериментами английский физиолог Дж. Баркрофт.

Перечень научных заслуг С. П. Боткина в кардиологии велик. Его открытия, догадки, прогнозы впоследствии послужили основой для новых исследований и открытий. Они взяты на вооружение врачами всего мира.

Инфекционист. Велик вклад С. П. Боткина в изучение инфекционных заболеваний и борьбу с ними. Этому вопросу он уделял большое внимание на протяжении всей своей врачебной деятельности. Заслуга его в том, что он привлек внимание представителей тера-

¹ Байер В. А. Идеи С. П. Боткина в гематологии и их развитие советской клинической медициной. — Клиническая медицина, 1957, № 8, с. 61.

певтической клиники к инфекционному фактору. Под его влиянием и при его участии возникла особая клиническая специальность — инфекционные заболевания.

Население России несло огромный урон от инфекционных болезней, поэтому выделение этой проблемы в самостоятельную специальность было обоснованно и, конечно, повысило возможности борьбы с инфекциями. Следует напомнить, что Россия тех времен, ее народ очень страдали от разных эпидемий. По словам ученика С. П. Боткина. — Ю. Т. Чудновского, едва ли осталось много таких, как Петербург, местностей для изучения самых разнообразных, укоренившихся на долгое время заразных болезней.

Под влиянием С. П. Боткина была создана первая в России клиника инфекционных болезней. По его инициативе в Петербурге в 1882 г. была организована барачная больница для заразных больных. Главным врачом ее был назначен ученик С. П. Боткина и его помощник по клинике Н. И. Соколов. Впоследствии этой больнице было присвоено имя С. П. Боткина.

В лекциях и других работах С. П. Боткина дано классическое описание клиники всех видов тифов: сыпного, брюшного и возвратного. Он обращал внимание на возможность существования стертых и смешанных форм тифов, отметил воздействие одной инфекционной формы на другую и указал на более благоприятное у некоторых людей течение сыпного тифа при сочетании его с возвратным.

Особенности С. П. Боткина как инфекциониста, его заслуги и приоритеты хорошо освещены в содержательной, обобщающей статье известного терапевта-инфекциониста проф. М. Д. Тушинского (1882—1962). Он назвал следующие основные положения в этом направлении деятельности С. П. Боткина.

1. Инфекционные болезни в зависимости от изменения условий с течением времени изменяют свои характерные черты.

2. При появлении того или иного инфекционного заболевания в том или ином коллективе не все им заболевают. Заболевшие же переносят болезнь различно в отношении выраженности основных симптомов.

3. Типичное течение того или иного заболевания обычно является исключением. В отношении поражения тех или иных органов, а также клинического течения заболевания проходят волнообразно, атипично.

Существуют несомненные особенности болезни у лиц разного возраста. В то же время в зависимости от степени «культурности» изменяется «способность приспособления, свойственная человеку...»¹.

Прекрасны и неувядаемы работы С. П. Боткина, указывал проф. М. Д. Тушинский, посвященные клинике инфекционных заболеваний. Их следует, по его мнению, ставить рядом с классическими трудами В. Грингера и Н. Ф. Филатова.

В статье рассмотрен вклад С. П. Боткина в изучение различных инфекционных заболеваний. В частности, еще в 1864 г. он первый сделал сообщение о возвратной горячке в Петербурге. Подчеркивается, что у С. П. Боткина как врача-мыслителя с годами вырабатывалось понимание течения болезни вообще и в особенности течения инфекционных заболеваний. С. П. Боткин отметил, что большинство из них имеет общий признак — скачкообразное, волнообразное течение болезни.

Он рассматривал инфекционные болезни как результат взаимодействия макро- и микроорганизмов и предупреждал об опасности чисто бактериологического подхода к патологии, когда врачи, увлеченные открытиями в микробиологии, сосредоточивали свое внимание на микробе. С. П. Боткин, кроме того, подчеркивал защитные свойства организма. Причиной разнообразного течения болезней он считал индивидуальные особенности организма.

Заслугой С. П. Боткина является и обоснование рационального лечения инфекционных болезней. Он учил «перестраивающей», «купирующей терапии» и говорил о специфическом лечении, т. е. вакцинотерапии.

С. П. Боткину свойственно клинико-эпидемиологическое мышление, что было серьезным шагом вперед в развитии клиники инфекционных болезней и эпидемиологии. Им были установлены глубокие закономерности течения инфекционного процесса в организме, связанные с условиями возникновения эпидемии. В частности, он указывал на роль скрытых форм инфекционных болезней и их влияние на появление эпидемий.

Внимательное ознакомление с взглядами С. П. Боткина опровергает мнение некоторых исследователей, которые ставили ему в упрек недооценку социальных

¹ Тушинский М. Д. Сергей Петрович Боткин как инфекционист. — Клиническая медицина, 1957, № 8, с. 56.

сторон медицины. Позиция С. П. Боткина хорошо освещена в монографии А. П. Жука. Подводя итоги анализа взглядов клинициста он пишет: «Условия возникновения и развития эпидемий еще не могут быть точно определены. Тяжелые гигиенические условия жизни бедных классов населения и особенно плохое питание и скученность населения, хотя и не могут явиться непосредственной причиной заболевания инфекционной болезнью, но являются главными условиями, содействующими массовому распространению эпидемий. Наряду с этим инфекционным заболеваниями содействуют и такие факторы, как тяжелый изнурительный труд и угнетенное состояние...

Отсутствие радикальной специфической терапии требует особого внимания к проведению гигиенических мероприятий в целях предупреждения эпидемий и борьбы с ними...

Забота о предупреждении эпидемий сыпного тифа должна стоять на первом плане у каждого, кому выпало на долю охранять благосостояние большего или меньшего числа людей, так как главнейшие условия эпидемического развития этой болезни заключаются в отсутствии разумной гигиены касательно помещения и пищи заболеваяющих субъектов. Строго выполняемые общие гигиенические правила бесспорно составляют лучшее средство как для предупреждения эпидемий, так и для уменьшения уже развившихся»¹.

Следует удивляться глубине клинической мысли С. П. Боткина, его прозорливости в решении проблем этиологии инфекционных болезней до бактериологической эры. Он исходил из мысли о единстве человеческого организма и окружающей среды.

Мысли С. П. Боткина о причинах и сущности инфекционного процесса имели громадное значение для эпидемиологических исследований русских врачей в 60—70-е годы.

К этому времени относится один эпизод из жизни С. П. Боткина, который получил название «чумного инцидента». Он связан с заболеванием дворянина Инженерного замка Наума Прокофьева. Осмотрев больного, С. П. Боткин пришел к заключению, что у него бубонная чума. Об этом он сообщил на лекции студентам.

¹ Жук А. П. Развитие общественно-медицинской мысли в России в 60—70-х гг. XIX века. — М.: Медгиз, 1963, с. 231.

Через несколько часов эту весть как сенсацию разгласили газеты. Поскольку мнения по поводу диагноза С. П. Боткина, имеющего в связи с его общественной деятельностью немало недоброжелателей, разошлись, то началась травля ученого в прессе, которая отняла у него много сил и здоровья.

В чем безусловно С. П. Боткин был прав, так это в проявленной им эпидемиологической настороженности, основанной на изучении эпидемиологического анамнеза и клинических особенностей заболевания его пациента.

Больной выздоровел. Врачебная общественность столицы сочла невозможным согласиться с мнением двух комиссий, расследовавших дело о характере заболевания Н. Прокофьева и исключавших чуму. Положительные доводы за правильность диагноза С. П. Боткина представили профессора Н. Д. Монастырский, В. И. Дроздов, Н. П. Черепнин, Г. М. Николаев и др.

На все недобросовестные и злобные нападки С. П. Боткин ответил письмом в газету «Новое время» 19 февраля 1879 г., в котором он обосновывает свой диагноз желанием предотвратить возможность какой-либо эпидемии, не скрывать первых же подозрительных случаев, так как долг врача — обращать усиленное внимание именно на легкие случаи болезней.

Рассмотрев историю вопроса и сопоставив ее с мнениями советских клиницистов, проф. В. Б. Фарбер сделал выводы: «В свете этих данных и клинические диагнозы, поставленные С. П. Боткиным кажутся правильными и вполне соответствующими его твердому научному убеждению»¹. Учитывая эпидемиологическую обстановку России 1879 г., гипотеза С. П. Боткина и его врачебная тактика были безусловно правильными. Однако М. Д. Тушинский пришел к иному выводу: «Мы должны признать, что Боткин в диагностике заболевания был неправ. Это был, видимо, вульгарный лимфаденит»².

* *

*

Велик вклад С. П. Боткина в изучение болезней печени. Инфекционные заболевания, которые он подроб-

¹ Фарбер В. Б. Сергей Петрович Боткин (1832—1889). — Л., 1948, с. 19.

² Пожарский Ф. И. К вопросу о диагностике туляремии. — Клиническая медицина, 1946, № 1—2, с. 15.

но изучал, дали ему возможность уже в те же годы, когда только начался бурный расцвет микробиологии, высказать гипотезу о значении микробного фактора в развитии болезней печени¹.

Его гипотеза о так называемой катаральной желтухе как инфекционном заболевании явилась толчком для исследований этого вопроса. Он указал на большую роль инфекции в образовании желчных камней. В честь С. П. Боткина, создавшего гипотезу о сущности этого заболевания, в 1939 г. на московской терапевтической конференции, посвященной 50-летию со дня смерти великого клинициста, по предложению М. П. Кончаловского было решено назвать это заболевание болезнью Боткина в отличие от мнения Р. Вирхова, который рассматривал катаральную желтуху как «механическую», вызванную закупоркой желчного протока.

Значение С. П. Боткина в изучении патологии печени примерно такое же, как роль Г. И. Сокольского в описании значения ревматизма для патологии сердца. Однако, если учение Г. И. Сокольского о ревматизме сердца получило, хотя и с опозданием, достаточно широкое признание, то учение С. П. Боткина и его школы о «катаральной желтухе» было признано только в советское время.

Отмечая заслуги С. П. Боткина как фтизиатра, следует учитывать, что деятельность его в этом направлении осуществлялась до открытия Р. Кохом возбудителя туберкулеза, а также до открытия В. Рентгена. Важно подчеркнуть, что С. П. Боткин понимал социальные корни туберкулеза, значение его как социальной болезни, говоря, что туберкулез — участь живущих в подвалах.

Взгляды С. П. Боткина на эту болезнь рассмотрены Б. П. Александровским, который писал: «Боткин обратил внимание на частоту туберкулеза у ткачей и ткачих русских хлопчатобумажных фабрик. Запыленность легких представлялась ему не антагонистом туберкулеза, а фактором, содействующим развитию туберкулеза. Боткин считал, что работа в горячих цехах предрасполагает также к туберкулезу. Эти указания Боткина о том, что пневмокониоз и неспецифические катары со-

¹ См. статьи Е. М. Тареева: Очерк развития учения о болезни Боткина. — Советская медицина, 1955, № 6, с. 77; Патология печени в трудах С. П. Боткина. — Клиническая медицина, 1957, № 8, с. 43.

действуют развитию туберкулеза, были затем забыты, но к ним вернулись теперь»¹.

Современное понимание волнообразного течения туберкулеза вполне согласуется с идеями С. П. Боткина, который утверждал, что волнообразное течение инфекций (как острых, так и хронических) есть свойство, коренящееся в самой сути симбиоза инфекции и макроорганизма. Он считал, что «колеблющееся волнообразное течение свойственно не только температуре. Общий закон проявляется также и в колебательном течении некоторых анатомических изменений» и представляет «факт, общий для инфекционных болезней»². Теперь не только клиницисты, но и патологоанатомы различают смену волн в реактивных процессах при туберкулезе.

С. П. Боткин был инициатором использования Крыма для лечения больных туберкулезом. В письме к Н. А. Белоголовому из Ливадии в 1872 г. он указывает, что «как больничная станция, Крым имеет большую будущность и со временем станет значительно выше Монтре, хотя не перегонит Ментоны».

Таким образом, вклад С. П. Боткина в изучение инфекционных болезней и путей борьбы с ними действительно огромен. Он вплотную подошел к социально-профилактическому направлению как к главному принципу медицины. В этом отношении его взгляды были близки к взглядам Н. И. Пирогова. Он считал необходимым, чтобы профилактическая направленность была присуща и клинике внутренних болезней. С. П. Боткин сделал много открытий и обосновал многие положения, лежащие в основе современного понимания инфекционных заболеваний и мер борьбы с ними.

Можно с глубоким удовлетворением отметить, что дела и мысли С. П. Боткина в области инфекционной патологии получили всестороннее развитие в исследованиях советских ученых и в первую очередь в Ленинграде, где зародилась боткинская школа инфекционистов³.

¹ Александровский Б. П. С. П. Боткин как фтизиатр. — Проблемы туберкулеза, 1940, № 5, с. 93.

² Там же, с. 95.

³ Гуревич Е. С., Стуков В. В. Развитие идей С. П. Боткина в современной клинике и эпидемиологии инфекционных болезней (к 90-летию Ленингр. инфекц. больницы № 3 им. С. П. Боткина). — Журнал микробиологии, эпидемиологии и иммунологии, 1973, № 12, с. 124.

ШКОЛА БОТКИНА

С. П. Боткин стоял в первой шеренге строителей новой, универсальной медицины и сеял семена со всей убежденностью инициатора, с горячей страстностью талантливой натуры, при присущем ему широком уме, необыкновенной наблюдательности и весьма обширных познаниях¹.

М. П. КОНЧАЛОВСКИЙ

Создание обширной научной клинической школы — выдающаяся заслуга С. П. Боткина. Академик М. А. Лаврентьев утверждал, что помочь талантливому человеку войти в науку — это для ученого более важное и почетное дело, чем даже крупный собственный научный результат.

История медицины свидетельствует, что научные школы сыграли большую положительную роль в решении узловых проблем науки и в подготовке высококвалифицированных, творчески работающих кадров.

Как педагог, как воспитатель врачей и профессоров С. П. Боткин — личность уникальная в истории отечественной медицины. В воспитании молодого поколения врачей и ученых он шел своим путем. Он неоднократно высказывался о медицинском воспитании и образовании, излагал свои требования и неуклонно им следовал.

Особо следует отметить заслуги С. П. Боткина в воспитании целого поколения выдающихся ученых, в том числе его помощь в становлении такого гиганта, как И. П. Павлов. Он оказал значительное влияние на формирование его научного мировоззрения, что великий физиолог признавал с благодарностью.

Большую роль сыграло умение С. П. Боткина воспитывать молодежь, начинающих свой творческий путь врачей, помочь им выбрать свою дорогу, привлекая их к разработке тех идей, за которые он боролся. Он обладал особой способностью, особым талантом привлекать к себе молодых врачей, заинтересовывать их работой, давать им определенную направленность. Свои методы воспитания С. П. Боткин основывал, в частности, на анализе слабых сторон того образования, которое он сам получил — «преподавание знаний в форме

¹ Кончаловский М. П. Сергей Петрович Боткин. — Терапевтический архив, 1940, № 2—3, с. 149.

катехизисных истин не возбуждает пытливости, обуславливающей дальнейшее развитие».

Исследователи неоднократно отмечали благоприятные условия, в которых возникла и успешно развивалась школа Боткина. Но следует все же подчеркнуть, что С. П. Боткин умел заставлять обстоятельства служить себе, умел создавать условия и обстановку, способствующие достижению его целей.

Рассматривая деятельность С. П. Боткина в клинике, можно заметить, что она была необычайно успешной и плодотворной прежде всего потому, что уже с самого начала базировалась на единой концепции, на глубоко продуманном внимании к законам развития медицины и ее потребностям на новом этапе.

Успешное начало имело и успешное продолжение уже не в деятельности самого Боткина, а в деятельности большой когорты его учеников, которая сформировалась вокруг своего учителя. Десятки и сотни врачей учились в его клинике, многие его ученики занимали впоследствии кафедры в разных концах нашей страны и несли идеи Боткина во все университеты и больницы. Ярким свидетельством этого может служить содружество С. П. Боткина и И. П. Павлова.

В этом взаимодействии поколений, в этой взаимной помощи и сотрудничестве ученик иногда не только превосходил своего учителя, но и учитель сам в свою очередь становился учеником. Так, при праздновании 25-летнего юбилея профессорской деятельности С. П. Боткина физиолог И. Т. Глебов приветствовал его как «бывший учитель и настоящий ученик».

Почти в течение трех десятилетий заведовал С. П. Боткин кафедрой в Военно-медицинской академии, где создал обширную клиническую школу учеников-единомышленников, притом не только терапевтов, но и специалистов в области других медицинских дисциплин. Н. А. Белоголовый писал, что при неутомимой деятельности профессора для клиники наступила новая жизнь. Молодые, способные ученики сгруппировались вокруг него и, увлекаемые его личным примером, горячо отдавались работе. Решающую роль при этом сыграли общественные условия — тот общественный подъем, который охватил страну. С большой убедительностью им было показано, как с помощью продуманной концепции можно вести плодотворную научную и педагогическую работу в самых различных областях науки,

Развитие всей русской медицины во второй половине XIX века прошло под влиянием учения С. П. Боткина. Нервизм охватывал биологию, физиологию, клинику не какими-либо случайными второстепенными связями, а органически, на основе самого важного, по определению Энгельса, признака позвоночных — группировки *«...всего тела вокруг нервной системы»*¹.

Уже в самом начале своей деятельности он сумел окружить себя единомышленниками, привлек к своей работе тех, кто разделял его взгляды, старался создать атмосферу, при которой коллектив делал в сущности одно дело.

Понятие «школа Боткина» значительно шире, чем представление о той группе врачей и ученых, которые были воспитаны выдающимся клиницистом и работали вместе с ним. Влияние С. П. Боткина и его идей испытывали все медики Военно-медицинской академии, все врачи Петербурга, все клиники России.

Усвоив его метод исследования больных, взяв на вооружение лабораторные исследования, они развивали принципы экспериментальной медицины и продолжали дело, начатое С. П. Боткиным.

В историко-медицинской литературе достаточно часто встречается невнимание к истории школ и проблеме «учитель — ученик». Иногда проблему истории школ сводят к биографии ученого, забывая о тех, кто способствовал формированию его мировоззрения, а также тех, кто, находясь под его влиянием, продолжил его дело. Ведь нередко ученики разъясняют роль их учителя в науке и показывают истинное значение его открытий. Бывает, что только в трудах учеников раскрывается все величие научного наследия учителя.

«Ученик это не сосуд, который надо наполнить, а факел, который нужно зажечь», — говорили в древности. Слова И. П. Павлова о том, что он понимает под нервизмом и его слова уважения и благодарности, обращенные к С. П. Боткину, показывают, как рассматривал великий русский ученый взаимоотношения между учеником и учителем. Ученик должен не только подражать учителю, не только следовать ему, но и противопоставлять себя ему, пытаясь превзойти его, стремиться сделать больше, чем он в науке.

Какие условия могут способствовать этому?

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 20, с. 623.

Превзойти учителя, утверждал В. Г. Белинский, ученик может лишь в том случае, если он видит в нем соперника. Ты не мастер, если твой ученик тебя не превзошел, — говорит восточная мудрость.

История медицины подтверждает правильность этой точки зрения — выдающиеся мастера медицины, как правило, воспитывали выдающихся учеников¹. Они удесятерили успехи учителя, играли большую, нередко ведущую роль в решении узловых проблем науки.

У истоков новой научной медицинской школы стоял С. П. Боткин. При его участии были подготовлены руководители кафедр, профессора по двенадцати медицинским специальностям. Список 59 ближайших учеников Боткина был опубликован в журнале «Врач» (1882, № 16) еще при его жизни.

Из школы С. П. Боткина вышла многочисленная плеяда ученых-клиницистов, специалистов различных профилей, которые, восприняв идеи нервизма, внедрились в разные отрасли медицины.

За 29 лет профессорской деятельности С. П. Боткин подготовил 103 ординатора, из которых 85 человек защитили диссертации на степень доктора медицины. Более 40 его ученикам было присвоено звание профессора, из них 26 специалистам в области терапии (А. А. Нечаев, М. В. Яновский, М. М. Волков, Н. Я. Чистович и др.).

Из клиники С. П. Боткина вышло 420 научных работников, в том числе более 80 докторских диссертаций. За свою профессорскую деятельность С. П. Боткин выступил 66 раз в качестве официального оппонента, в том числе и по диссертации И. П. Павлова.

Естественно, что одних личных усилий С. П. Боткина было бы недостаточно. На помощь ему приходило умение коллективно решать проблемы, создавать содружество людей, работающих совместно над группой проблем.

Примером успешного сотрудничества ученых двух поколений являются С. П. Боткин и И. П. Павлов. Сопоставление этих двух выдающихся ученых в их подходе к воспитанию кадров позволяет сделать выводы, что для С. П. Боткина характерно было предоставление большой самостоятельности ученикам в смысле выбора

¹ Петров Б. Д. Роль научных школ в развитии медицины. — Советское здравоохранение, 1964, № 10, с. 9.

не только темы, но даже выбора дисциплины, в которой они должны были специализироваться. Для И. П. Павлова было важно целеустремленно, всем коллективом разрабатывать то направление, которое вытекало из его рефлекторной теории.

В последние годы стал закономерным интерес советских медиков к коллективной работе, повысилась ее продуктивность. Коллективность стала залогом успеха и в решении крупных медицинских проблем. Именно потому, что проблемы становятся все более трудными, усилия специалиста какого-либо одного профиля недостаточны. В последнее время широко распространены научные исследования, которые ведутся коллективом специалистов разных профилей. В этом плане представляет интерес изучение опыта С. П. Боткина.

Особо следует отметить педагогическое мастерство С. П. Боткина, его большую требовательность к ученикам. Он требовал, чтобы врачи и научные работники много читали. В редактируемых им периодических изданиях он не терпел рефератов и считал, что необходимо читать работы целиком. Он призывал к овладению искусством чтения: «Необходимо читать с выбором, умея пропускать несущественное, мало дающее, останавливаясь на солидных трудах и исследованиях, дающих новые факты и, главное, новые истины. Умение пользоваться литературой, умение останавливаться на существенном развивается, конечно, путем опыта, предполагая при этом известную степень развития, приобретенную путем изучения наилучших руководств по различным отраслям знания. При практических занятиях чрезвычайно полезно чтение брошюр и монографий, относящихся к тем случаям, которые подлежат наблюдению в данное время»¹.

Н. Я. Чистович вспоминал, что С. П. Боткин смотрел на своих учеников как на свою большую семью. Уже в первые же 10 лет из его клиники вышли молодые профессора, возглавившие кафедры во многих университетах России, а также в самой Военно-медицинской академии. Среди них были В. А. Манассеин, Ю. Т. Чудновский, А. Г. Полотебнов, А. Ф. Пруссак, Н. П. Симановский, П. И. Успенский, Д. И. Кошляков, Л. В. Попов, С. С. Боткин и другие. Все они составляли боткинскую научную школу.

¹ Боткин С. П. Курс клиники внутренних болезней. — М., 1950, т. 2, с. 24.

В XX веке боткинские традиции в Петербурге поддерживали М. М. Волков (1861—1913), М. В. Яновский (1854—1927), В. В. Сиротинин (1855—1911), А. А. Нечаев (1845—1922) и Н. Я. Чистович (1860—1926). Все они имели большие заслуги и сделали немалый вклад в науку. Многие из них являлись родоначальниками новых отраслей и направлений медицины.

Первым из учеников С. П. Боткина следует назвать видного терапевта В. А. Манассеина (1841—1901). Он написал диссертацию: «Материалы для вопроса о голодании» (СПб., 1869). Исследование это является образцом боткинского эксперимента с руководящей идеей, выработанной путем клинических наблюдений. Оппонентом его был С. П. Боткин, давший работе очень высокую оценку. Он полагал, что диссертация может считаться классической по этому вопросу не только в русской, но и в иностранной литературе.

В своей монографии «Материалы для вопроса об этиологическом и терапевтическом значении психических влияний» (СПб., 1876) В. А. Манассеин высказал глубокие мысли о роли активности психики человека в его здоровье. Он придерживался мнения о психогенном происхождении многих внутренних заболеваний, в том числе туберкулеза. Читая книгу, можно видеть, как далеко опередил ее автор свое время, предвосхищая представления о кортико-висцеральных связях и утверждения современной психосоматической медицины. В. А. Манассеин справедливо утверждал, что целесообразное направление внимания больного может быть залогом успешного лечения. В. А. Манассеин более 20 лет редактировал журнал «Врач». Его называли «совестью русской медицины»¹.

Говоря об учениках С. П. Боткина, следует вспомнить и его старшего сына Сергея, который продолжил дело своего отца. Сергей Сергеевич Боткин (1859—1910) совершенствовал свои знания по бактериологии в Германии в Бреславле у проф. К. Флюгге, а затем в течение двух лет в Берлине работал у Э. Беринга. Он очень интересовался трудами Р. Коха по туберкулезу. Вернувшись в Петербург, он работал в барачной (инфекционной) больнице, а затем был избран профессором вновь открытой кафедры бактериологии; он участ-

¹ Петров Б. Д. В. А. Манассеин — выдающийся клиницист и общественный деятель. — Терапевтический архив, 1970, № 2, с. 98.

вовал в создании этой кафедры и был первым ее профессором. В последующие годы (1896) он был переведен на кафедру, которой заведовал ранее его отец и возглавлял ее до конца своей жизни (1910). Сергей Сергеевич участвовал в русско-японской войне, руководил Обществом Красного Креста сначала во Владивостоке и Хабаровске, а потом в Харбине¹.

Н. Я. Чистович, видный терапевт, также является представителем боткинской школы. Им написано много трудов из разных областей терапии, в том числе «Клинические лекции» (1918) и «Курс частной патологии и терапии внутренних болезней» в двух томах (1922—1926), насыщенный идеями Боткина и сыгравший большую роль в подготовке врачебных кадров.

Большая группа учеников С. П. Боткина возглавляла больницы Петербурга, некоторые из них работали лечащими врачами. «Трудно назвать какую-либо крупную больницу города, в которой в 80—90-х годах XIX века не работал бы врач, вышедший из клиники Боткина»² — пишет В. А. Базанов.

С. П. Боткин очень интересовался деятельностью петербургских больниц, помогал им. Об этом хорошо рассказано М. Д. Тушинским, который приводит мнение немецкого профессора Лейдена, посетившего Петербург: «Боткин имел большое влияние на замещение врачебных мест в петербургских больницах. Как мне самому удалось видеть, больницы поставлены как в научном, так и во врачебном отношении настолько хорошо, что нам приходится для себя желать того же»³.

Роль боткинской школы в медицине хорошо осветил проф. А. А. Нечаев, стоявший во главе Обуховской больницы. Он несколько десятилетий работал вместе с великим клиницистом, хорошо знал его педагогическое мастерство, наблюдал, как оно проявлялось в воспитании будущих врачей и ученых. В его содержательной статье хорошо показано значение боткинской школы и ее вклад в науку⁴.

¹ Боткин А. П. Воспоминания о семействе Боткиных. — Клиническая медицина, 1957, № 8, с. 131.

² Базанов В. А. Ученики С. П. Боткина в гражданских лечебных учреждениях Петербурга. — Клиническая медицина, 1968, № 1, с. 147.

³ Клиническая медицина, 1940, № 2—3, с. 9.

⁴ Нечаев А. А. Значение школы С. П. Боткина и его учеников в развитии русской медицины. — Клиническая медицина, 1957, № 8, с. 23.

Один из последних учеников С. П. Боткина — проф. В. Ф. Петров писал в 1930 г., что С. П. Боткин может быть поучительным примером энтузиаста в научной работе. Он считал, что великий клиницист предвосхитил идеалы советской медицины, его лекции, речи точно составлены в наше время и принадлежат перу современного деятеля.

Возможно, что проф. В. Ф. Петров несколько преувеличивает близость Боткина к современности, но он точно отмечает то впечатление, которое великий клиницист производил на своих современников.

В Киеве пионером боткинского направления в клинической медицине был проф. В. Т. Покровский. Следуя своему учителю, он много труда отдал изучению эпидемиологии тифов, клиника, этиология и патогенез которых к тому времени были мало изучены. В 1868 г. в «Университетских известиях» им была опубликована ценная работа: «Эпидемия тифозных болезней в Киеве». Она основана на большом экспериментальном материале, практическом опыте и клинических наблюдениях как автора, так и его учеников. В. Т. Покровский первым в Киевском университете читал лекции по невропатологии.

Другим крупным киевским клиницистом был проф. В. П. Образцов (1849—1920) — один из наиболее талантливых учеников и последователей С. П. Боткина, отличавшийся редкой наблюдательностью у постели больного. Он получил в клинике своего учителя умение синтезировать и продолжал его патофизиологическое направление. Им создана была своя методика клинического исследования сердца и брюшной полости (пальпация), что позволило его научной школе значительно продвинуть вперед диагностику и клинику этих разделов внутренних болезней.

В Харькове проводником взглядов боткинской школы был проф. В. Г. Лашкевич (1835—1888), один из талантливейших его учеников. Он увлекался изучением нервных больных, опубликовал 12 статей по неврологии.

В Казани с 1863 г. на протяжении нескольких десятилетий кафедрой терапии заведовал ученик С. П. Боткина проф. Н. А. Виноградов (1831—1886). Им написано свыше 40 научных работ, многие из которых посвящены вопросам кардиологии. Современники называли его «реформатором клинического преподавания». Следуя Боткину, он концентрировал внимание студентов на

больном. Рассматривая организм как единое целое, он выступил с критикой так называемой местной терапии, указывая на метафизическую ограниченность целлюлярной патологии Р. Вирхова. Ему принадлежит приоритет в отечественной медицинской практике прижизненной диагностики тромбозов легочной и венечных артерий, множественного эхинококка, аневризмы аорты, копухоли мозжечка.

Учеником С. П. Боткина был известный деятель земской медицины, первый санитарный врач в России И. И. Моллесон (1842—1920), много сделавший для проведения в жизнь идеи общественной медицины. В своих воспоминаниях он писал: «Мы всецело были воспитаны уже в боткинской школе с напутствием не изменять ей в новооткрывающейся земско-медицинской деятельности и каждого больного, где только можно, исследовать клинически».

Многие новые дисциплины, выделившиеся из клиники внутренних болезней, также были разработаны его учениками. Среди них можно назвать, например, Н. П. Симановского (1854—1922) — создателя русской школы отоларингологов.

Выдающийся отечественный педиатр А. А. Кисель (1859—1938) неоднократно подчеркивал, что он ученик С. П. Боткина. Он воспринимал у своего учителя не только передовую медицинскую теорию, предусматривающую, в частности, правильное понимание взаимоотношений между человеком и природой, но и глубокий интерес к общественным аспектам медицины и здравоохранения.

Известный в свое время врач П. И. Боков (1835—1915) также является учеником С. П. Боткина. В конце 50-х годов прошлого века он работал в больнице Крестовоздвиженской общины сестер милосердия (ныне Ленинградская бассейновая клиническая больница им. Ю. Т. Чудновского). Сергей Петрович Боткин считал П. И. Бокова одним из самых даровитых своих учеников, относился к нему, как к приятелю¹, — свидетельствовал его биограф. П. И. Боков был тесно связан с революционным движением 60-х годов XIX века. Он был в дружеских отношениях с великим демократом

¹ Витмер В. Святой человек. — Исторический вестник, 1915, т. 36, кн. 12, с. 821.

Н. Г. Чернышевским и явился прототипом образа Лопухова в романе «Что делать?».

Трудно перечислить всех клиницистов, которые сами считали себя учениками С. П. Боткина. Если не быть слишком строгим, то можно сказать, что под его влиянием были все медики России. Они в той или иной мере учились у него, следовали ему, развивали его идеи.

Среди советских ученых, которые приложили немало усилий для развития идей С. П. Боткина в медицине, особое место занимают В. П. Образцов, Н. Д. Стражеско, С. С. Зимницкий, Ф. Г. Яновский, М. П. Кончаловский, Г. Ф. Ланг, А. Л. Мясников, Н. А. Куршаков.

Обращает на себя внимание большое разнообразие индивидуальностей среди тех, кого мы имеем право именовать последователями С. П. Боткина. При всем их различии для них характерно одно общее — верность тем принципам, которые обосновывал их учитель, творческое их применение в самых различных медицинских дисциплинах.

В РУССКО-ТУРЕЦКУЮ ВОЙНУ 1877—1878 гг.

Особенность военной медицины состоит в особенности быта солдат¹.

С. П. БОТКИН

С. П. Боткин принял участие в русско-турецкой войне 1877—1878 гг. как лейб-медик при царской ставке. 12 апреля 1878 г. он написал из Кишинева свое первое письмо жене. Всего за время войны он отправил 55 писем. Все они носят личный характер, но среди впечатлений, записей о том, как прошел день, новостей, имеется много замечаний, мыслей, имеющих важное значение и касающихся военных и военно-медицинских вопросов. В ряде случаев его высказывания идут от всего сердца: «Я пережил тяжелые дни вследствие глубокого горя — горя моей Родины», — писал он после трагических неудач русских войск под Плевной.

Письма С. П. Боткина публиковались в 1892 г. в «Вестнике Европы», а затем были изданы отдельной книгой под названием «Письма из Болгарии 1877 г.» (СПб., 1893)².

Письма характеризуют С. П. Боткина как вдумчивого врача, отметившего многие подробности обстановки на фронтах, ясно сознающего и критически относящегося к тому, что его окружает. Ему ясны задачи и цели медицинской помощи раненым, но ему видны и недостатки организации ее. Эта книга представляет собой не только разрозненные впечатления, но и своеобразную летопись войны, написанную человеком, который видел и знал больше, чем многие другие. Это документ огромного психологического содержания — свидетельство его переживаний.

С. П. Боткин хорошо понимал важность для страны событий, в которых он участвовал. Так, 14 апреля он записал: «Сейчас из дворца. Можешь себе вообразить — вчера московская дума поднесла Красному Кресту миллион, а сегодня московское купеческое общество — другой миллион. Какое время! Так делается исто-

¹ Протоколы Медико-хирургической академии. — СПб., 1864, с. 13.

² Оригиналы всех 55 писем из Болгарии хранятся в Институте организации здравоохранения и социальной гигиены им. Н. А. Семашко. Они подарены институту внуком С. П. Боткина — доктором С. П. Чеховым.

Сергей Петрович Боткин. 1878 г.

рия народов, так крепнет мозг; в теперешнюю минуту народ развивается скачками».

Многие факты, которые он наблюдал, угнетали его, но он верил в победу русского народа. 1 сентября 1877 г. он писал: «В конце концов утешительно одно — невежество и бездарность сотрутся. Осязательно почувствуется значение знания, ума и таланта. Россия не по-

гибнет..., но другие деятели, другие люди будут ее спасать».

С. П. Боткин хорошо понимал необычайно трудные условия войны и давал этому свою оценку: «Тяжелая война, — писал он. — Надо воочию видеть здешние условия, чтобы снять с почтением шляпу перед солдатом и перед этим юным народом, привыкшим к известным удобствам жизни» (13 августа). Он был преисполнен самого высокого уважения и восхищения русскими солдатами. Его симпатии были целиком на их стороне: «Не могу передать до какой степени мне симпатичны наши раненые: сколько твердости, покорности, сколько кроткости, терпения видно в этих героях и как тепло и дружно относятся они друг к другу; как утешаются в своем несчастье тем, что вытеснили или прогнали врага!» (19 июля). «Надо знать наших солдат, этих добродушных людей, идущих под пулевым градом на приступ с такою же покорностью, как на ученье, — чтобы еще более сжималось сердце при мысли, что не одна тысяча этих хороших людей легла безропотно, с полной верой в святое дело, за которое они так охотно, с такой готовностью отдают свою жизнь» (22 июня).

С. П. Боткин уделял много внимания организации помощи больным и раненым. «Сегодня, — писал он же — я опять работал в госпитале и хорошо понимаю, что эта работа не бесплодная: ведь я не обхожу госпиталь как генерал от медицины, а обхожу как опытный врач, предлагающий свои услуги товарищам в случаях, где они затрудняются; при этом я уверен, что некоторые из молодых врачей и профитируют» (6 июля). Он посещал и осматривал больных и раненых, советовал как надо вести их лечение, указывал как нужно, хотя и в неблагоприятных условиях делать научные наблюдения. Огромный авторитет С. П. Боткина и его чин лейб-медика приводили к тому, что его замечания и указания немедленно проводились в жизнь.

Первое впечатление С. П. Боткина от госпиталей было очень благоприятным: «В два часа мы отправились по госпиталям; я осмотрел три и очень подробно, вынес самое утешительное впечатление: дело ведется добросовестно и толково; особенно честно относится к делу молодежь, а старшие и старые служаки с почтением относятся к этой деловитости» (12 апреля).

Многочисленные его замечания, касающиеся роли врача-терапевта на войне, мысли о том, как лучше ор-

ганизовать дело, какие задачи должны быть поставлены в первую очередь, показывают, что он непрерывно обдумывал эти нерешенные наболевшие вопросы. В конечном итоге эти мысли были обобщены и взяты им за основу военно-полевой терапии — дисциплины, одним из основоположников которой он является.

С. П. Боткина занимали три вопроса военно-полевой терапии: организация лечебной помощи больным и раненым, характер заболеваний, встречающихся на войне, и уровень подготовки госпитальных врачей.

Плохая организация эвакуации раненых вызвала резкие его замечания. Он отмечал бездарное руководство во время военных действий и большие злоупотребления интендантов. Значение организации медицинской помощи он расценивал так же высоко, как и Н. И. Пирогов. Он разделял его мнение о «первенствующей роли администрации» в деле помощи раненым.

Тяжело переживал С. П. Боткин недостатки, связанные с эвакуацией раненых. Не хватало транспорта. В действующей армии было всего 300 повозок. Его тревожила непродуманность, нередко ненужность и даже вредность эвакуации раненых. «В прошлую крымскую войну безобразия до такого размера не доходили, — я, по крайней мере, этого не помню» (29 сентября). «Но что значит здесь вся эта тонкость медицинской отделки в виду того, что больные скверно или вовсе не помещены, не прикрыты, не накормлены, здесь не столько нужен доктор, сколько хороший хозяин; я это вполне понимаю, но влиять на хозяйство существенно я решительно не могу... Мне остается одно: не скрывать истины перед Государем, что я, конечно, и делаю, наталкиваясь в этом случае на противоречия с другой стороны» (4 октября).

Плохо было организовано и питание солдат. «Еды мало, но и это малое расходуется без порядка; больные с ранами на руках, со здоровыми руками пробираются к кухне и выхлопывают себе еду... Прокормление госпиталя идет от знаменитого «товарищества», которое морило голодом наши войска, и теперь ему предоставлено морить наших больных и раненых. Странное явление — люди молят о хлебе в стране, которая утопает в хлебе» (3 сентября).

Он видел большие недостатки и в смысле укомплектованности госпиталей. Так, например, в госпиталь, рассчитанный на 600 человек, в течение двух дней посту-

ПИСЬМА

С. П. БОТКИНА

ИЗЪ БОЛГАРИИ

1877 г.

Съ дъщеря събратъ на актера и писателя болгарской кати

С-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типография М. М. Сидорова, В. О., 5 а, 18.
1893.

пило более 5000 человек. Санитарная работа находилась в плачевном состоянии.

О своей работе С. П. Боткин писал жене: «В настоящее время положение врача лейб-медика — тяжелая и тяжкая ноша». (1 июня). Он с горечью понимал, что ему не удастся сделать что-либо мало-мальски существенное в наведении порядка в организации работы в целом. Его попытки в этом направлении встречали явное или скрытое упорное сопротивление со стороны бездарного и невежественного высшего командования. В письмах к жене он признавался, что не знает как исправить те возмутительные дела, свидетелем которых он был.

Впечатления С. П. Боткина о состоянии помощи раненым совпадают с впечатлениями Е. Утина в его книге «Письма из Болгарии 1877 г.» (СПб., 1879), где рисуется примерно такая же картина обслуживания раненых.

О том, как оценивал С. П. Боткин военную администрацию, можно судить по одной его реплике: «Если бы удалось окончить войну без зимовки армии, то это бы-

ло бы величайшее счастье для России; сколько спаслось от нашей администрации, которая более губительна для армии, чем турецкие пули» (8 октября).

В письмах С. П. Боткина довольно часто встречаются замечания о работе врачей и профессоров, приехавших на фронт. Он упоминает многих медиков, известных ему по Петербургу, по Медико-хирургической академии. Вот, например, одна из записей: «Склифосовский занимается накладыванием сплошь и рядом гипсовых повязок, вполне уверенный, что все накормлены. Впрочем, надо отдать ему и его помощнику полную справедливость: в течение нескольких дней, от 27 августа по 3 сентября включительно, они отпустили в Систово около 6 тысяч раненых, а осталось их еще 2500 человек. Возмутительно и бессовестно со стороны администрации наваливать такую работу на личный и материальный состав одного госпиталя» (3 сентября).

«Письма из Болгарии 1877 г.» — своеобразная энциклопедия военно-полевой терапии. Тонкие и своевременные замечания С. П. Боткина, касающиеся хода заболеваний, показывают огромные знания автора, его заботу о раненых, умение из незначительных фактов делать важные выводы. Здесь встречается множество суждений по самым различным вопросам, связанным с лечением больных и раненых. Письма не отражают, конечно, всей деятельности С. П. Боткина на войне, всех его взглядов на задачи военной терапии. Но тем не менее они являются важным, своеобразным документом, дающим представление о мыслях великого клинициста, о его заботах, об оценке им людей.

Среди многих горьких замечаний, сетований на невозможность улучшить дело в целом, лишь однажды в письме к жене у С. П. Боткина вырвались слова, в которых он дает оценку своей роли: «...не боясь упреков в самохвальстве, я все-таки имею отрадное сознание, что принес свою лепту для того хорошего нравственного уровня, на котором стояли наши врачи в течение этой кампании... Смотри на труды нашей молодежи, на их самопожертвование, на их честное отношение к делу, я не раз сказал себе, что недаром, не бесплодно терял я свои нравственные силы в различных испытаниях, которые устраивала мне моя судьба. Врачи-практики, стоящие на виду у общества, влияют на него не столько своими проповедями, сколько своей жизнью» (19 октября).

По официальным данным (Военно-медицинский отчет за войну с Турцией в 1877—1878 гг., Дунайская армия.—СПб., 1886, ч. 2), убыль больных в Дунайской армии с начала мобилизации и до начала обратного движения войск на родину за 28 мес составляла 875 542 человека.

Особенно важны и ценны наблюдения и выводы С. П. Боткина, касающиеся борьбы с эпидемическими заболеваниями и лечения инфекционных больных, а также вопросов противоэпидемической борьбы в целом.

Многие ученики С. П. Боткина были участниками русско-турецкой войны. На театре военных действий работали Н. В. Склифосовский, Е. И. Богдановский, А. П. Доброславин, В. А. Ратимов и др.

Ю. Т. Чудновский и В. А. Манассеин — профессора Медико-хирургической академии — принимали участие в создании «Инструкции для сохранения здоровья воинских чинов действующей армии», утвержденной 2 декабря 1876 г. Эта инструкция была нацелена на борьбу с инфекционными заболеваниями.

С. П. Боткин сумел подметить особенности течения ряда заболеваний внутренних органов в условиях войны, подчеркивал значение состояния нервной системы в возникновении и развитии заболеваний, установил, что во время войны закономерно учащаются случаи определенных групп заболеваний — катары желудка и кишок, скорбут, пневмония, малярия, дизентерия, сыпной и брюшной тифы, инфекционная желтуха¹.

Имеются основания считать, что из группы заболеваний, объединенных под названием «малярия», он описал, по-видимому, лептоспироз или водную лихорадку. Он обратил внимание на особо тяжелое течение малярии в военное время, указал на важность раннего применения хинина в лечении перемежающейся лихорадки и ввел в своем районе нахождения войск хинизацию как профилактическое мероприятие против малярии.

В своих письмах С. П. Боткин неоднократно затрагивал вопросы патогенеза озноблений и отморожения. Для него было ясно, что речь идет отнюдь не об одном воздействии низкой внешней температуры, а о совокупности

¹ Подробные данные о заболеваемости приведены в монографии А. С. Георгиевского и З. В. Мицова. Медицинская общественность и военная медицина в освободительной войне на Балканах в 1877—1878 гг. — М.: Медицина, 1978.

ряда факторов «Пришел Ковалевский, я ему предложил сходить пешком в госпиталь, куда и отправились прощаться и посмотреть так называемых отморозенных. Только что прошли мы палату, как видим толпу врачей, и я узнаю старика Пирогова. Поцеловались мы с ним и тотчас же занялись пальцами; он согласен, что это эффект не одного холода, которого и не было еще в достаточной степени, чтобы объяснить происхождение этих заболеваний им; главная причина лежит все-таки в лихорадке. Старик держал себя умно, скромно и не без такта; мне показалось, что он за это время сильно постарел; впрочем, может быть, и устал» (13 октября).

В работах Н. И. Пирогова о военно-полевой хирургии имя Боткина встречается неоднократно. В частности, он отметил предпринятые им новые приемы лечения больных тифом.

Участие в войне позволило С. П. Боткину приобрести большой и очень ценный опыт, который он в дальнейшем применял в практической деятельности. Преподавая в Медико-хирургической академии, он обращал особое внимание на сочетание клиники и военного дела. Обдумывая программу подготовки военных врачей, С. П. Боткин предостерегал против ее упрощения, против излишне практического подхода. Он считал, что врач должен быть натуралистом, что без хорошего знания естественных наук невозможна разумная гигиена солдат. Его наблюдения, сделанные во время Крымской войны, пополнились впечатлениями и выводами к которым он пришел во время русско-турецкой войны. Опыт двух войн помог С. П. Боткину выдвинуть ряд положений, направленных на подготовку будущих военных врачей и на развитие военной терапии, которая с его помощью выросла в своеобразную и важную отрасль медицинских знаний.

В докладе 1864 г. в Медико-хирургической академии «О приспособлении академического преподавания к потребностям военного быта» он предложил программу подготовки военных врачей, определил объем и задачи этой подготовки, наметил требования, которые должны были быть положены в основу деятельности каждого военного врача независимо от его специальности. В этом выступлении С. П. Боткин выдвинул следующие положения:

1. Особенность военной медицины состоит в улучшении быта солдат.

2. Изучение быта солдат должно быть главнейшей основой деятельности военного врача.

3. Предупредить развитие болезней, уменьшить число заболевших важнее, чем вылечить захворавшего.

4. Для добросовестного выполнения задачи военному врачу необходимо самое основательное знание медицинских наук.

5. В клинике нужно изучать те формы болезни, которые преобладают в войсках¹.

«Обладая большим личным опытом военного терапевта, — писал проф. Н. С. Молчанов, —...приобретенным в период двух войн, С. П. Боткин стал одним из основоположников военно-полевой терапии»².

Эту точку зрения разделяет и Е. В. Гембицкий: «Личный опыт работы С. П. Боткина в войну 1877—1878 гг., ценные наблюдения, сделанные им в этот период, оставили глубокий след в русской военной медицине и в дальнейшем послужили основой для доктрины военно-полевой терапии уже в советский период...»³.

Многие идеи С. П. Боткина вошли в единую военно-медицинскую доктрину, которая была выработана советскими терапевтами под руководством Е. И. Смирнова и которая была взята на вооружение при оказании помощи раненым и больным во время Великой Отечественной войны. Главный терапевт Советской Армии во время Великой Отечественной войны генерал-майор медицинской службы проф. М. С. Вовси так заканчивает свою статью о С. П. Боткине: «Советские врачи, военные и гражданские, в частности, терапевты, работающие в настоящее время в наших госпиталях, многое могут почерпнуть, многому могут научиться на примере жизни и деятельности своего славного предшественника С. П. Боткина, ученого-клинициста, практика, исследователя-теоретика, организатора здравоохранения, крупнейшего госпитального терапевта в дореволюционной России»⁴. Эти слова он писал в самый разгар войны. Проф. М. С. Вовси был прав — истоками советской военно-санитарной доктрины, успешно применяемой в период Великой Отечественной войны, являются идеи и практическая деятельность С. П. Боткина.

¹ Протокол конференции Медико-хирургической академии. — СПб., 1864, с. 13.

² Молчанов Н. С. Военно-полевая терапия. — Л., 1961, с. 20—23.

³ Гембицкий Е. В. С. П. Боткин и развитие военно-полевой терапии. — М., 1980, с. 14.

⁴ Вовси М. С. С. П. Боткин как терапевт госпиталей русской армии. — Госпитальное дело, 1944, № 4—5, с. 3.

ОБЩЕСТВЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Он долго останется незаменным для нашего врачебного сословия, потому что руководители с таким цельным сочетанием всех нужных для учителя дарований крайне редки и лучами своего гения освещают человечество на большие пространства времени¹.

Н. А. БЕЛОГОЛОВЫЙ

Выдающаяся клиническая, научная и педагогическая деятельность С. П. Боткина на протяжении всей его жизни была тесно связана с практической работой в области здравоохранения. Эта близость к потребностям жизни оказывала влияние на его научно-исследовательскую деятельность, подсказывала ему необходимость разработки той или иной темы.

Внимание к насущным вопросам здравоохранения, глубокое знание потребностей практических врачей привели к тому, что выступление С. П. Боткина в Обществе русских врачей, на съездах, перед больничными врачами давали ответ на вопросы жизни.

В тяжелых условиях царского строя С. П. Боткин делал многое для решения очередных задач. В ряде случаев он сначала на своем опыте, в своей клинике добивался какого-либо нововведения и лишь потом, уже опираясь на свой опыт, выступал в печати или в Обществе русских врачей. Вопросы общественного здоровья интересовали С. П. Боткина на протяжении всей жизни. Взявшись за одно какое-либо звено цепи, он делал важные выводы, стремясь расширить как изучение самого вопроса, так и улучшение дела в целом.

Для С. П. Боткина — общественного деятеля характерен широкий подход к охране здоровья народа, учет социальных причин болезней, отказ от филантропических иллюзий, активное участие в жизни.

Незабываемы его заслуги, направленные на улучшение санитарного состояния Петербурга, оказание медицинской помощи трудовому люду, необеспеченным слоям населения.

¹ Белоголовый Н. А. С. П. Боткин. — СПб., 1892, с. 5.

* * *

С. П. Боткин уделял много внимания созданию больниц и подбору для них руководящих кадров. Известны его заслуги в перестройке больничной помощи населению Петербурга, а затем и других русских городов, которые, заимствовали опыт столицы.

Несмотря на невероятную перегрузку в работе, С. П. Боткин согласился баллотироваться в гласные Петербургской думы. Он стал одним из инициаторов создания комиссии общественного здоровья, активно работал в ней, с большим рвением выполняя взятые на себя обязательства.

«Во все время своего почти 9-летнего пребывания в составе городского общественного управления,— писал Н. А. Белоголовый,— Боткин не переставал принимать самое горячее участие во всех вопросах, касающихся оздоровления столицы путем санитарных мероприятий и улучшения больничного дела, вникал в подробности вырабатывавшихся проектов новых больниц, следил за более целесообразным распределением больных, в особенности хроников, по лечебным заведениям, советуя при первой к тому возможности выделить хроников и неизлечимых в особую больницу, для чего он признавал наиболее подходящим главный корпус петропавловской больницы»¹.

Вернувшись с русско-турецкой войны, С. П. Боткин выступил с предложением построить городскую барачную больницу, в первую очередь для «чернорабочего класса», т. е. для наиболее обездоленной части петербургского населения. Предложение С. П. Боткина было вскоре реализовано; больница была неплохо оборудована, в частности, именно в ней была поставлена первая в России дезинфекционная камера. Эта бесплатная больница для инфекционных больных впоследствии была названа его именем. Она стала «...научно-практической базой для борьбы с эпидемиями и в первую очередь с холерой»².

Н. А. Белоголовый вспоминал, как, вступив в состав городского управления, С. П. Боткин стал принимать

¹ Белоголовый Н. А. Воспоминания и другие статьи. — М., 1897, с. 413.

² Страшун И. Д. С. П. Боткин и общественная медицина. — Советское здравоохранение, 1966, № 7, с. 68.

горячее участие в окончательном ее устройстве. Его назначили попечителем ее по врачебной части. С того времени больница сделалась его любимым детищем. Он вложил в нее свою душу. Нередко он лично осматривал и обследовал тяжелобольных. Одно его появление успокаивало и ободряло страждущих. Он собственным примером учил врачей, как нужно относиться к больному человеку, для того, чтобы приобрести его доверие, облегчить его страдания.

За первые 10 лет через больницу прошло около 40 000 больных, главным образом тифозных. О том, как хорошо в ней было организовано дело, свидетельствует следующее: летальность от брюшного тифа доходила в Петербурге до 20%, а за первое десятилетие в больнице она в среднем составила 7%.

Больница функционировала на новой основе. С. П. Боткин, возглавив медицинскую часть, превратил ее в филиал своей клиники. Сотрудники больницы регулярно опубликовывали свои научные труды, впоследствии из их работ составила́ся целая библиотека. Здесь воспитывались кадры выдающихся врачей-организаторов, в дальнейшем проявивших себя на многих участках здравоохранения. С. П. Боткин тесно связал больницу с деятельностью Общества русских врачей и при помощи газеты «Врач», являясь последователем Ф. И. Иноземцева, проводил широкую всероссийскую кампанию за создание больниц и амбулаторий при всех обществах врачей. Так называемые больницы для бедных были открыты во многих городах России.

Велико было влияние С. П. Боткина на всю медицинскую жизнь столицы. Оно простиралось далеко за пределы Медико-хирургической академии.

Городские больницы тотчас же стали предметом его забот, особенно, когда вскоре их возглавили Н. И. Соколов, В. Я. Алышевский, А. А. Нечаев, В. Н. Сиротинин, Н. П. Васильев и другие глубоко преданные ему ученики, солидарные с ним во всех взглядах на больничное дело и знавшие истинную цену его мудрым советам и замечаниям.

Главным врачом Обуховской больницы по предложению С. П. Боткина был назначен его ученик, проф. Александр Афанасьевич Нечаев (1845—1922). До этого времени в течение 100 лет главными врачами этой больницы всегда назначались врачи немцы по происхождению. Теперь работа здесь была организована по-ново-

му. При больнице были открыты клинические лаборатории, прозекторская, приобретены новое оборудование и аппаратура.

Ученики С. П. Боткина как практические врачи также оказывали большое влияние на медицинскую жизнь столицы.

Спустя несколько лет, став попечителем всех городских больниц и богаделен, С. П. Боткин коренным образом улучшил их состояние.

Первые шаги по организации внебольничной помощи в Петербурге были предприняты С. П. Боткиным в связи со вспышками дифтерии (1881) и скарлатины (1882). Совместно с Г. И. Архангельским и В. И. Лихачевым он разработал положение о думских врачах, которым вменялось в обязанность оказание бесплатной амбулаторной помощи и медицинской помощи на дому больным соответствующего участка. Кроме того, указывалось на необходимость выявлять в первую очередь инфекционных больных среди взрослого и детского населения, а также уделять особое внимание больным женщинам. Запрещалась частная практика и совместительство [Зикеев П. Д., 1964].

К ноябрю 1902 г. амбулаторная помощь составила 4500 тыс. посещений; кроме того, на дому было обслужено 850 тыс. больных. В общей сложности медицинская помощь была оказана 6 млн. больных. Средняя ежедневная нагрузка «...думского врача (при расчете на 360 календарных дней в году) составила 36 амбулаторных посещений и 7 визитов на дом»¹.

Боткинская больница сыграла большую роль в повышении квалификации медицинских кадров столицы. Десятки врачей накопили в ней ценный опыт.

* * *

*

С. П. Боткин был самым активным поборником женского медицинского образования. При его участии в Петербурге были открыты Женские врачебные курсы — первая в мире высшая медицинская школа для женщин.

В 60-е годы борьба за женское медицинское образование была одним из аспектов борьбы за равноправие женщин.

¹ Белицкая Е. Я. Социально-гигиенические взгляды и деятельность С. П. Боткина. — Терапевтический архив, 1964, № 11, с. 3.

В 1872 г. на базе Медико-хирургической академии был создан «особый женский курс ученых акушеров», фактически готовивший женщин-врачей. Этим было положено начало высшему женскому медицинскому образованию в России.

Большую роль в организации курса сыграли И. М. Сеченов, М. М. Руднев, А. П. Бородин. Курсы, однако, существовали недолго. В 1876 г. они были переведены в Николаевский военный госпиталь, а через два года — ликвидированы.

Первая русская женщина-врач Надежда Прокофьевна Суслова (1843—1918) благодаря участию и помощи С. П. Боткина получила высшее медицинское образование. Он разрешил ей посещать клинику, бывать на лекциях, в лаборатории. Она окончила медицинский факультет Университета в Швейцарии. С. П. Боткин одним из первых допустил к работе в своей клинике женщин-врачей в качестве ординаторов и ассистентов (Е. О. Шумова-Симановская, В. А. Кашеварова-Руднева). Женщины-врачи в свою очередь всегда были его ближайшими помощницами в общественных и практических делах.

За два года до организации Женских врачебных курсов по инициативе С. П. Боткина была создана Георгиевская община сестер милосердия. В короткий срок она завоевала всеобщее признание.

Подобно тому, как Н. И. Пирогов сыграл большую роль в привлечении женщин к уходу за ранеными во время Крымской войны, С. П. Боткин оказал большое влияние на применение женского труда в оказании медицинской помощи в русско-турецкую войну. В «Письмах из Болгарии 1877 г.» он неоднократно касается вопроса об участии женщин в помощи раненым и находит теплые слова глубокого уважения к тому, что ими сделано.

* *
*

2 октября 1878 г. С. П. Боткин был избран председателем Общества русских врачей им. Н. И. Пирогова и неизменно оставался на этом посту до конца жизни. Он коренным образом изменил его деятельность. Под его руководством общество приобрело всероссийское значение.

На первом же заседании новый председатель определил задачи общества — подчинить свою работу интере-

сам населения. С. П. Боткин стремился создать на заседаниях атмосферу доброжелательности. Он призывал к полемике, он возражал против критиканства, которое мешало работе. Он требовал беречь самолюбие другого и относиться с уважением к сообщениям выступающих. «С большим тактом и умением направлял он диспуты в нужное русло, своевременно приходил на помощь нуждающимся»¹.

В качестве докладчиков С. П. Боткин стремился выдвигать молодежь — А. Г. Полотебнова, Н. Я. Чистовича, Ф. Г. Яновского, В. М. Бехтерева. И. Т. Глебов так оценил деятельность С. П. Боткина: «Общество русских врачей в Петербурге избрало вас своей главою, а Вы сделали душой его».

Предметом обсуждения в обществе были злободневные вопросы, волновавшие передовые круги общественности, — борьба с эпидемическими заболеваниями, реформа больничного дела, аптечное дело, развитие курортов, воспитание молодых кадров врачей, борьба с частной практикой и др. Оно сыграло заметную роль в объединении всех врачебных обществ России.

После смерти С. П. Боткина в 1889 г. руководство обществом перешло в руки его ближайших друзей и учеников — Н. П. Ивановского, Н. И. Соколова, П. Н. Васильева. В 1906 г. председателем общества был избран И. П. Павлов.

* * *

Эпидемическое положение в России в те годы было чрезвычайно неблагоприятным.

Широким слоям населения и прежде всего населению Петербурга имя С. П. Боткина стало известно осенью 1864 г., когда он диагностировал заболевание возвратной горячки. Первые 50 случаев новой, неизвестной до того времени болезни были выявлены в Обуховской больнице. Вскоре такие же больные стали поступать в клинику Медико-хирургической академии. С. П. Боткин опубликовал в «Медицинском вестнике» (1864, № 46) «Предварительные сообщения об эпидемии возвратной горячки в Петербурге», обратив внимание общества на грозящую опасность развития болезни, если не будут устранены порождающие ее условия.

¹ Фалкова С. Н. Деятельность С. П. Боткина в обществе русских врачей. — Клиническая медицина, 1957, № 7, 134.

В 1865 г., когда Петербургу угрожала эпидемия холеры, С. П. Боткин выступил с идеей организации Эпидемиологического общества. Им был разработан проект, с которым он обратился ко всем российским медицинским обществам. Предполагалось распространить его деятельность на всю Россию и организовать в общегосударственном масштабе широкие мероприятия по борьбе с эпидемиями.

Эпидемиологическое общество должно было объединить в своем составе все врачебные общества, существовавшие в Петербурге.

С. П. Боткин ставил перед этим обществом две задачи:

1) Изучение условий жизни «низших слоев» населения, их заболеваемости и научная разработка мероприятий против болезней.

2) Оперативная работа по борьбе с эпидемиями.

Замыслы С. П. Боткина были встречены реакционными кругами в штыки, его инициатива не нашла поддержки и проект остался неосуществленным.

Первое в России Эпидемиологическое общество было создано лишь в 1886 г. Организатором его был также С. П. Боткин, а председателем по предложению С. П. Боткина стал Е. В. Пеликан — лучший русский эпидемиолог того времени. Основной целью общества была борьба с холерой.

Рупором будущего общества стал издававшийся ранее журнал «Эпидемиологический листок». В первом же его номере было сказано: «Для того чтобы предвидеть опасность, угрожающую общественному здоровью в данной местности, врачу необходимо знать, где существуют эпидемические болезни и каков их характер... До настоящего времени в России врачам приходилось узнавать о господствующих эпидемиях только по слуху или из отрывочных газетных сообщений. Для устранения на будущее время весьма вредных последствий такого недостатка сведений об эпидемиологических и заразных болезнях, для распространения этих сведений между врачами, а равно и в публике, необходим особый печатный орган, и таким органом является теперь «Эпидемиологический листок»¹.

Редактирование журнала С. П. Боткин поручил известному общественному деятелю и врачу, своему другу С. П. Ловцову.

¹ Эпидемиологический листок, 1870, № 1, с. 10.

«Эпидемиологический листок» был первым русским печатным органом, посвященным эпидемиологии и инфекционным болезням. Характерной особенностью журнала являлась социальная трактовка эпидемий, подчеркивание в качестве причин возникновения и распространения эпидемий общественных условий. В журнале указывалось, «что эпидемии любят гнездиться преимущественно в переполненных нечистотами городах и в массах населения, живущих в дурной гигиенической обстановке... Многочисленные наблюдения и опыты подтвердили... связь между эпидемиями и общественным устройством. Эпидемии получили совершенно другое — социальное значение»¹.

«Эпидемиологический листок» выдвигал на первое место санитарную работу как часть деятельности врача. В нем подчеркивалось, что врач, сумевший убедить общество в необходимости гигиенических мер, принесет в 1000 раз больше пользы, чем 100 врачей, посвятивших себя лечению.

Очень важно отметить роль С. П. Боткина в борьбе с эпидемическими болезнями. Так, когда брюшной тиф стал серьезной угрозой для Петербурга, он был назначен по его же просьбе руководителем комиссии по водоснабжению и многое сделал для наведения порядка в рабочих районах. Он принял также активное участие в борьбе с эпидемиями дифтерии и скарлатины, имевшими место в Петербурге в 1882 г. Он взял на себя обязанности председателя Субсидийной комиссии по школьно-санитарному надзору. Детское население Петербурга обслуживалось тогда чрезвычайно скудно. Не было ни средств, ни кадров, и С. П. Боткин вступил на путь привлечения общественности к решению этого вопроса. Он обратился к врачам с просьбой о содействии и лично разработал план этой помощи. Была установлена ничтожная повизитная плата врачам за посещение больных на дому: днем — 30 к, в ночное время — 60 к. Это вызвало недовольство врачей. Они ссылались на то, что такая ничтожная плата их труда противоречит практике и «корпоративному духу». Однако они пошли навстречу призыву С. П. Боткина и широко включились в борьбу, в результате чего эпидемия была быстро ликвидирована.

Во время эпидемии С. П. Боткин принимал также участие в организации так называемой квартирной по-

¹ Эпидемиологический листок, 1870, № 1, с. 10.

мощи населению Петербурга. Проф. Н. Д. Тушинский отмечал, что «грандиозная организация квартирной помощи в СССР ведет начало от этих скромных думских врачей — воспитанников Боткина. Самоотверженная работа русских врачей под руководством Боткина нащупала организационные формы этой помощи и показала ее большую эффективность»¹.

С. П. Боткин положил начало санитарной организации в Петербурге. По его предложению были введены санитарные врачи, в частности школьно-санитарные врачи, тесно связанные с работой бесплатной амбулатории, созданной при клинике. По инициативе С. П. Боткина было установлено 9 должностей санитарных врачей (по школьно-санитарному надзору). В 1893 г. насчитывалось 11 санитарных врачей и 24 «думских» врача, в их числе — 14 женщин.

Велика роль С. П. Боткина в распространении гигиенических знаний. Он считал, что ведущую роль в этом деле должны играть медицинские общества. На примере руководимого им Общества русских врачей в Петербурге он показал, как надо подойти к изучению актуальных вопросов здравоохранения и распространению гигиенических знаний.

Особое внимание С. П. Боткина в последние годы его жизни привлекали вопросы физиологии и патологии старости.

Выдающийся историк медицины М. Д. Грмек — один из немногих зарубежных историков медицины, отметивший «большую роль замечательного русского клинициста С. П. Боткина, положившего начало научной разработке проблем клинической гериатрии», — указывает проф. Д. Ф. Чеботарев². Этот раздел деятельности С. П. Боткина получил недостаточное отражение в отечественной литературе. Между тем идеи С. П. Боткина и труды его учеников задолго до появления первых работ Nascher (1909), которого американские авторы называют «отцом гериатрии», много способствовали развитию клинической геронтологии и гериатрии.

¹ Тушинский М. Д. Сергей Петрович Боткин. — Клиническая медицина, 1940, № 2—3, с. 6.

² Чеботарев Д. Ф. Идеи С. П. Боткина и развитие современной геронтологии. — Советская медицина, 1968, № 1, с. 142.

В процессе изучения стареющего организма человека по программе, предложенной С. П. Боткиным, в городских богадельнях Петербурга было исследовано весьма большое число людей — 2626 человек (408 мужчин и 2218 женщин в возрасте от 11 до 110 лет, но преимущественно от 66 до 75 лет).

В феврале 1889 г. С. П. Боткин, будучи в то время почетным попечителем городских больниц и богаделен, узнал об обнаружении в городских богадельнях 3 случаев сыпного тифа. Он лично посетил эти учреждения и не только принял ряд мер по улучшению в них медицинской помощи, но и поставил перед собой и своими сотрудниками большую задачу изучения изменений стареющего организма.

С. П. Боткин добился увеличения числа врачей в некоторых богадельнях и лично отобрал их из предложенных кандидатов. Организовав таким образом группу исследователей, он наметил круг вопросов, подчеркивая необходимость не ограничиваться осмотром больных и дряхлых людей, живущих в богадельнях, а обстоятельно их обследовать. Разработка предварительной программы исследования была им поручена врачам Н. И. Соколову, П. К. Угрюмову, А. А. Нечаеву. Программа, которую С. П. Боткин лично отредактировал, предусматривала исследование не только патологических, но и физиологических отклонений от нормы в организме в старости.

Обобщением и анализом собранного материала занимался доктор А. А. Кадьян. В 1890 г. им была издана интересная книга «Население С.-Петербургских городских богаделен», посвященная С. П. Боткину и отражающая большую работу по изучению старости, проведенную под его руководством в 1889 г. «На предварительном собрании у С. П. Боткина, — писал А. А. Кадьян, — лицами, выбранными для наблюдения и руководства занятиями в богадельне, было решено расширить первоначальный план и произвести исследование не только так называемых слабых отделений богадельни, где размещаются по преимуществу больные и очень дряхлые, но всех призываемых ввиду научного интереса, представляемого осмотром большого количества лиц в состоянии глубокой старости. Здесь же была выработана программа исследования, более полная и подробная, чем первоначальная...»¹

¹ Кадьян А. А. Население С.-Петербургских городских богаделен. — СПб., 1890, с. 8.

Д. Ф. Чеботарев писал, что выполнение важнейших заветов С. П. Боткина заключается в осуществлении широких мероприятий по научной разработке проблем геронтологии и ее разделов гериатрии и герогигии, во внедрении научных достижений в практическое здравоохранение, в организации образа жизни людей, в борьбе за их активное долголетие.

Н. А. Белоголовый также отмечал «...с каким интересом С. П. Боткин относился к исследованию стариков и старух; он часто приезжал в богадельню, внимательно следил за работой молодых врачей, разрешал их недоумения, делал им различные указания, обращал их внимание на спорные вопросы в отношении старости, на те явления, которые заслуживают изучения и представляют особенную важность и интерес...».

Подводя итоги рассмотрения роли С. П. Боткина в истории геронтологии, Д. Ф. Чеботарев указывал, что современная геронтология все больше разделяется на три тесно связанные между собой части: экспериментальную и клиническую геронтологию, гериатрию и герогигию. Мысли С. П. Боткина о ведущем значении нервной системы в развитии заболеваний получили широкое отражение в этих направлениях современной геронтологии. Многие из поднятых С. П. Боткиным вопросов не потеряли своей актуальности и в настоящее время. Сейчас, через много десятилетий после публикации работ о физиологии и патологии старения, выполненных по замыслу и под непосредственным руководством С. П. Боткина, ряд выдвинутых им положений определяет целые направления в развитии геронтологии и гериатрии.

* * *

Последним крупным общественным делом С. П. Боткина была его работа в качестве председателя правительственной комиссии по улучшению санитарных условий и уменьшению смертности в России. Эта комиссия была создана по инициативе С. П. Боткина при Медицинском совете. Возглавив комиссию, Сергей Петрович обратился к медицинской общественности с просьбой информировать ее о состоянии дел в разных районах России в отношении охраны здоровья народа и дать предложения о том, как улучшить положение.

Обращение это вызвало широкий отклик. Данные, собранные комиссией, были опубликованы в трех печат-

ных сборниках на протяжении двух лет (1886—1887). В журнале «Международная клиника» печатались многочисленные материалы — ответы, вызванные деятельностью «Боткинской комиссии». В центре ее внимания были причины ужасающей детской смертности. Исследования, предпринятые «Боткинской комиссией», и в частности д-ром Н. Экком, показали, что смертность в России значительно превосходила смертность во многих других европейских странах.

Причины этого явления были вскрыты С. П. Боткиным с беспощадной ясностью, которая, естественно, не могла встретить сочувствия со стороны правящих кругов. Он писал, что смертность эта «есть насильственная, а не естественная и что борьба с ней составляет нашу первую государственную потребность для поднятия благосостояния населения, повышения его рабочей способности». В качестве основных причин детской смертности на первое место были выдвинуты истощающий, изматывающий труд женщин и недоедание всего населения в целом. Особенно подчеркивались тяжелые жилищно-бытовые условия, в которых живут дети, отсутствие медицинской помощи, санитарная безграмотность населения, вредные влияния предрассудков и обычаев.

Картина, выявленная комиссией, показала пороки и язвы не только медико-санитарной организации царской России, но и всего строя в целом, основанного на беспощадной эксплуатации крестьянства и рабочего класса, строя, который по самой природе своей бесчеловечен и неспособен создать нормальные условия для здоровой жизни людей.

Широкие санитарные мероприятия, разработанные комиссией, реформы санитарного дела и санитарного законодательства, меры по снижению заболеваемости и смертности, в том числе детской смертности, были отвергнуты царским правительством, хотя необходимость этих мероприятий полностью отвечала потребностям страны.

Критика врачебно-медицинской организации России, в частности критика земской медицины, которая, как сказано в решении комиссии, не могла при данном устройстве оказывать рациональную и достаточную помощь, также была убедительна и беспощадна. Русские врачи справедливо гордились земской медициной — ничего подобного ни в одной стране мира не было, однако было ясно, насколько недостаточна деятельность земской ме-

дицины, какие трудности возникают при реализации требований врача.

Горечь и разочарования, которые испытывал С. П. Боткин, по свидетельству Н. А. Белоголового, вполне понятны. Следует отметить, что труды комиссии не пропали даром. Они показали всей прогрессивной России истинное положение дел, вскрыли виновников, наметили пути улучшения дела. Здравоохранение царской России было в тупике.

Только Великая Октябрьская социалистическая революция создала условия, при которых стали возможны коренные улучшения санитарного состояния широких кругов населения.

Из всего сказанного выше следует, что С. П. Боткин является не только выдающимся клиницистом; с полным правом можно говорить и о его крупных заслугах как деятеля практического здравоохранения.

Однако не следует идеализировать его деятельность и преувеличивать практические результаты, достигнутые им в условиях царского режима, в условиях капиталистического строя. При сопротивлении правительственных кругов, владельцев фабрик и заводов трудно было добиться многого. Важно подчеркнуть, что С. П. Боткин показал пример того, как должен работать врач, как должен он уметь связывать социальные явления со своими медицинскими знаниями, как должен и может он умножать свои силы, привлекая себе на помощь общественность¹.

Справедливы слова, сказанные в приветствии медицинских журналов в честь 25-летия деятельности С. П. Боткина: «Вы первый с самоотвержением показали, как в тяжелые минуты народных бедствий следует идти к ним навстречу, громко называя и откровенно их указывая, во имя знания, во имя науки, в твердом убеждении, что только против резко определяемых явлений могут быть найдены и резко определенные средства борьбы».

¹ См. Петров Б. Д. С. П. Боткин и здравоохранение. — Вестник АМН СССР, 1957, № 6, с. 62—69; Петров Б. Д. С. П. Боткин и охрана здоровья народа. — В кн.: Очерки истории отечественной медицины. М.: Медгиз, 1962, с. 173—285.

ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ ЖИЗНИ

В русской медицине он то же самое, что Тургенев в литературе... — по таланту¹.

А. П. ЧЕХОВ

Последние годы жизни С. П. Боткина — это не спокойная, умиротворенная старость, а по-прежнему кипучая деятельность, работа в клинике, тщательное выполнение своих обязанностей, число которых с годами увеличивалось.

Это был период подведения итогов, интенсивной работы с учениками и последователями. Все чаще молодые помощники Сергея Петровича выходили на самостоятельную дорогу — возглавляли кафедры, научные и практические медицинские учреждения.

Последние годы его жизни были освещены светом всеобщего признания и уважения.

В 1872 г. С. П. Боткин получил звание академика Медико-хирургической академии и незадолго до этого был назначен лейб-медиком царской семьи. Он стал первым русским придворным врачом. До сих пор этой чести удостаивались только иностранцы. Эти обязанности отнимали у него много сил и времени.

Увеличилась общественная работа. Именно в последние годы, когда он стал председателем Общества русских врачей Петербурга и взял на себя обязанности гласного Городской думы, увеличились его заботы о здоровье населения Петербурга, особенно бедных слоев населения.

Этот период жизни С. П. Боткина был необычайно плодотворен. Был очевиден подъем его деятельности, творческой активности, непрерывной инициативы.

По-прежнему он уделял много внимания Военно-медицинской академии, преподаванию, воспитанию студентов и врачей, по-прежнему проводил многочисленные исследования, совершал поездки за рубеж, которые давали ему новые впечатления и стимулы для работы.

С. П. Боткин был хорошим семьянином. Он много времени и внимания уделял семье.

Н. А. Белоголовый вспоминал: «...в домашней, семейной обстановке... он был весь нараспашку, с его нежным

¹ Чехов А. П. Полн. собр. соч. — М., 1949, т. 14, с. 415.

любящим сердцем, с его неиссякаемым добродушием и незлобным юмором, и, окруженный своими 12 детьми в возрасте от 30 до годовалого ребенка (от первого брака он имел 6 сыновей и одну дочь, а от второго — 6 дочерей), представляется истинным библейским патриархом; дети его обожали, несмотря на то, что он умел поддерживать в семье большую дисциплину и слепое повиновение себе»¹.

Следует подчеркнуть необычайную популярность С. П. Боткина. Только Н. И. Пирогов может быть поставлен рядом с ним в этом отношении.

С. П. Боткин был почетным членом многих университетов и ученых обществ России и иностранных государств, в том числе членом Венской академии наук, членом-корреспондентом Общества внутренней медицины в Берлине.

По выслуге 25 лет в Военно-медицинской академии в 1882 г. С. П. Боткин был оставлен на кафедре еще на 5 лет.

27 апреля 1882 г. в Петербурге в здании Городской думы был отпразднован с исключительной торжественностью 25-летний юбилей его научной и врачебной деятельности, на который откликнулась вся передовая общественность России. Торжества по этому случаю приняли невиданный до сих пор размах. Чествование выдающегося ученого было событием, имевшим в реакционную эпоху Александра III общественное и политическое значение.

Праздник в Городской думе начался с марша «Тангейзер» Вагнера. Оркестром дирижировал Э. Ф. Направник. Затем была исполнена музыкальная кантата, сочиненная по этому поводу М. А. Балакиревым. М. Е. Салтыков-Щедрин поздравил своего друга — преобразователя русской медицины, И. М. Сеченов приветствовал С. П. Боткина как выдающегося общественного деятеля, как великого ученого, диагноста, эрудированного клинициста.

Академик Ф. В. Овсянников преподнес ему адрес, подписанный всеми членами Академии наук. «Ваша преподавательская деятельность, — сказал он, — увенчалась блистательными результатами, о чем свидетельствуют многочисленность Ваших достойных учеников, из которых многие занимают с честью кафедры в русских уни-

¹ Белоголовый Н. А. С. П. Боткин. — СПб., 1892, с. 47.

верситетах, и целый ряд замечательных работ, вышедших из Вашей лаборатории».

Проф. И. Т. Глебов в речи отметил «...чувство радости при воспоминании того, что я когда-то имел высокую, величайшую честь. А в настоящее время гордую честь сказать, что я некогда был Вашим учителем, хотя, сравнительно с Вами и плохим». Адрес за подписью 726 студентов Военно-медицинской академии выразил теплое отношение к нему учащейся молодежи.

Декан медицинского факультета Московского университета Н. В. Склифосовский приветствовал юбиляра как воспитанника Московского университета, который гордится своим питомцем, и как создателя русской школы научной клиники внутренних болезней.

Представительницы Женских врачебных курсов и женщины-врачи В. А. Кашеварова-Руднева, Е. О. Шумова-Симаковская также обратились к юбиляру с теплыми словами. В 1887 г. С. П. Боткин был вновь оставлен на кафедре на второе пятилетие. Второй юбилей пожеланию юбиляра носил более скромный характер.

На торжественном заседании по случаю 25-летия вступления С. П. Боткина в число членов Общества русских врачей также были отмечены его заслуги. Одну деталь отметил проф. Н. П. Ивановский: «Недалеко еще то время, когда врач, учившийся в России и носивший русское имя, играл весьма жалкую роль в русском обществе стесненный иноземцами, прочно засевшими и зорко стерегшими все лазейки, через которые русский человек мог бы выбраться на вольный воздух, на поприще широкой общественной деятельности»¹.

В ответ на многочисленные приветствия С. П. Боткин сказал, что заслуги его преувеличивают, и подчеркнул, что своими достижениями он обязан времени, в течение которого работал. «Я начал работу в 60-х годах. Припомните, какое тогда было движение вперед, какое неудержимое течение охватило все общество и вместе с тем какая жажда знания в нем проснулась! И вот, попав в общество в тот период его развития, когда оно хотело учиться, знать, мне легко было сделать то, что я сделал»².

¹ Труды Общества русских врачей в С.-Петербургеза 1886/87 г. — СПб., 1889, с. 213.

² Труды Общества русских врачей в С.-Петербурге за 1886/87 г. — СПб., 1889, с. 214.

В письме М. Е. Салтыкова-Щедрина к Н. А. Белоголовому от 30 ноября 1887 г. говорится об отношении студенчества к С. П. Боткину: «26 числа приехал в Петербург С. П. Боткин и был встречен почти всем первым курсом студентов Медико-хирургической академии. Последнее очень тронуло Сергея Петровича».

Боткинские субботы. С ранней молодости, со студенческих лет С. П. Боткин придерживался установленной им самим традиции — собирать по субботам друзей, близких, знакомых. В эти вечера звучали музыка, смех, веселые голоса. Этот любимый вид отдыха он пронес через всю жизнь, который впоследствии получил название «боткинские субботы».

На протяжении многих десятилетий боткинские субботы пользовались широкой популярностью. В числе их постоянных посетителей были не только друзья, соратники, единомышленники, сторонники физиологического направления в медицине — И. М. Сеченов, Н. А. Белоголовый, В. Л. Грубер, В. В. Пеликан, С. П. Ловцов, Н. М. Якубович, но и многие писатели, артисты, музыканты. Здесь бывал М. Е. Салтыков-Щедрин. На одной из суббот здесь впервые встретились и сошлись А. П. Бородин и М. А. Балакирев, который был сначала пациентом Боткина. К нему приходили А. М. Европеус, известный профессор консерватории И. И. Зейфферт, В. В. Стасов. Участником боткинских суббот был поэт и публицист П. М. Ковалевский — сотрудник журналов «Современник», «Отечественные записки», «Вестник Европы».

Обширный круг друзей, соратников, знакомых отражает широкий круг интересов С. П. Боткина. Его связи с деятелями искусства, литературы, его близкая причастность к деятельности художников и композиторов еще плохо изучены. Но тем не менее даже поверхностное знакомство с воспоминаниями его современников и другими материалами показывает, что С. П. Боткин в кругу этой интеллигенции Петербурга занимал заметное место. Н. А. Белоголовый описал такую деталь боткинских суббот: все собиравшиеся у Боткина 1 раз в год оплачивали обед в складчину. На одном таком обеде по инициативе Н. А. Белоголового возникла мысль почтить все эти собрания ежегодным пожертвованием в размере 12 руб. Этот сбор составил основу того капитала, который дал возможность выстроить двухэтажную школу им. С. П. Боткина на Васильевском острове.

Знаменитые боткинские субботы начинались в 9 ч вечера и кончались иногда в 4—5 ч утра.

С. П. Боткин любил и понимал музыку. Трижды он собирался поступить в консерваторию, но сильная занятость мешала ему систематически заниматься музыкой. По его словам, музыка была для него самой хорошей освежающей ванной. Он был неутомимым музыкантом, отлично играл на виолончели. Трижды в неделю к нему приходил учитель музыки — виолончелист. Долгое время им был проф. И. И. Зейфферт. Занятия начинались в полночь и продолжались более часа. Остальные дни он играл под аккомпанемент жены на фортепиано. По воскресеньям И. И. Зейфферт приводил с собой двух товарищей — солистов, и квартет исполнял классические произведения, длившиеся по 3—4 ч.

В музыку, как и в медицину, он вносил все типичные черты своей натуры: увлеченность, доходившая до страстности, поиски нового, настойчивость в достижении желаемого и стремление к непрестанному совершенствованию. Сергей Петрович продолжал брать уроки музыки почти до 50-летнего возраста. И даже отправляясь в заграничную поездку, он не расставался с виолончелью, как и с чемоданом, набитым книгами¹.

С. П. Боткина связывала многолетняя дружба с Н. А. Некрасовым. Когда он узнал, что тяжелая болезнь поэта обострилась, он поехал на Литейный проспект навестить больного. Н. А. Некрасов посвятил С. П. Боткину четвертую часть поэмы «Кому на Руси жить хорошо» — «Пир на весь мир».

В течение 20 лет С. П. Боткин был в дружеских отношениях с М. Е. Салтыковым-Щедриным, а последние 12 лет был его врачом. Он организовал почти постоянное наблюдение за ним врачей. В 1885 г. М. Е. Салтыков-Щедрин внес в свое духовное завещание пункт, согласно которому в случае своей смерти он поручал своих детей С. П. Боткину².

С. П. Боткин был в числе постоянных членов жюри знаменитых выставок художников-передвижников. А. П. Боткина вспоминала: «Сергей Сергеевич так же, как и его отец Сергей Петрович, был близок к искусству;

¹ Аринкин М. И., Фарбер В. Б. С. П. Боткин. — М., 1948, с. 67.

² Садовская Н. М. Е. Салтыков-Щедрин, С. П. Боткин и Н. А. Белоголовый: Записки отдела рукописей Всесоюзной библиотеки им. В. И. Ленина. — М., 1939, вып. 2, с. 60.

он состоял членом Академии художеств, очень интересовался живописью, имел замечательную коллекцию рисунков и акварелей главным образом русских художников. Еще при жизни Сергея Петровича у них были близкие отношения с семьей Крамского (который написал известные портреты Сергея Петровича и Сергея Сергеевича). В период работы в Петербурге было знакомство с Репиным, а также с Серовым, Остроуховым, Куинджи, Маковским и многими другими художниками. Мой отец (П. Третьяков) очень любил Сергея Сергеевича, их сближали интересы к искусству¹.

Художники и скульпторы проявили большой интерес к С. П. Боткину. Сохранилось много картин и скульптурных его изображений. Очень удачен бюст, сделанный известным скульптором М. М. Антокольским, который писал: «...работаю бюст доктора Боткина. Этот бюст я взял штурмом, в шесть дней кончил его. Говорят, что он удачен. Даже семейство его говорит, что удачней и быть не может»².

Болезнь и смерть. Бесперывная напряженная работа сказалась на здоровье С. П. Боткина. В зимнем семестре 1881/82 г. у него появился тяжелый приступ грудной жабы, заставившей его в течение 3 сут неподвижно просидеть в кресле. Н. И. Соколов, один из любимых учеников Сергея Петровича, лечивший его в это время, отметил шум перикарда. Предполагали, что был инфаркт миокарда.

Летом 1886 г. в Финляндии С. П. Боткин потерял любимого 5-летнего сына, в связи с чем он вновь перенес мучительный приступ грудной жабы. Новый приступ болезни был в конце 1889 г., когда Боткин лечился в Ментоне (Франция). Смерть наступила 12 декабря 1889 г. в 12 ч 20 мин дня. До последней минуты жизни Сергея Петровича не покидал Н. А. Белоголовый, его домашний лечащий врач и старый друг.

Перед смертью С. П. Боткин попросил, чтобы квартет сыграл несколько музыкальных произведений. «Музыку надо выбрать пояснее,— сказал он,— я ведь слаб, сложное утомит меня».

История болезни С. П. Боткина со времени ее зарождения была описана Н. А. Белоголовым в его воспоми-

¹ Боткина А. П. Воспоминания о семействе Боткиных. — Клиническая медицина, 1957, № 8, с. 132.

² Мастера искусства об искусстве. — М. — Л., 1940, т. 4, с. 198.

нениях. Подробную историю его болезни оставил Н. И. Соколов.

Болезнь С. П. Боткина, в конце концов приведшая к смерти, была объектом исследования советских медиков. Но вот к какому итогу приходит проф. Б. Б. Коган: «Изложенное позволяет утверждать, что по меньшей мере с момента перенесенного в 1882 г. инфаркта миокарда С. П. Боткин страдал атеросклерозом венечных сосудов, диффузным и очаговым атеросклеротическим кардиосклерозом с хронической недостаточностью коронарного кровообращения, а затем и присоединившейся тотальной мышечной недостаточностью сердца с повторными инфарктами легких, что и было его основным страданием и причиной смерти»¹.

Известие о смерти С. П. Боткина глубоко огорчило самые широкие круги общественности.

«Тяжелое горе постигло русскую землю,— говорилось в извещении, напечатанном в «Еженедельной клинической газете» 12 декабря,— в 12 1/2 часов дня, в Ментоне скончался Сергей Петрович Боткин. Не стало нашего вождя и учителя, славы и гордости медицинской науки, основателя русской врачебной школы; умер великий врач, всю жизнь, всю мощь своего таланта и знания посвятивший страждущему человечеству. Сердце, бившееся горячей любовью к людям, наболевшее от постоянного зрелища тяжелых страданий, не вынесло непрестанной работы — и замолкло навеки...

Мир праху твоему, великий учитель».

Журнал «Врач» откликнулся словами Н. П. Ивановского: «Смерть унесла... Человека, который на вечные времена будет служить идеалом врача для молодых поколений врачей».

Широкие круги интеллигенции Петербурга приняли участие в похоронах. За гробом его шло более 10 тыс. человек.

По свидетельству А. В. Погожева, процессия тянулась на пути следования к Новодевичьему монастырю по Обводному каналу и Забалканскому проспекту на протяжении четырех верст. Все время пел хор студентов-медиков. Тяжелый дубовый гроб все время несли на руках.

Яркую речь от Военно-медицинской академии произнес на похоронах талантливый ученик Сергея Петровича

¹ Коган Б. Б. Чем же болел и от чего умер С. П. Боткин. — Клиническая медицина, 1964, № 2, с. 149—150.

Боткина В. Н. Сиротинин. Он отразил все заслуги своего великого учителя перед Россией.

Над свежей могилой выступил художник И. И. Шишкин, сказавший: «Вот пришел поклониться праху русского богатыря. И какого же чудесного человека».

Памяти С. П. Боткина посвящена содержательная, тепло написанная статья Н. Я. Чистовича, в которой автор оценивает деятельность своего знаменитого учителя не только по его трудам, но и на основании личных впечатлений. Заканчивается статья словами Боткина, сказанными над могилой его ученика Н. А. Бубнова: «Недолго жил он на свете, но так много сделал и оставил о себе нерукотворный памятник, в котором олицетворялось сочетание наилучших свойств человеческой природы: любовь к ближнему, чувство долга и жажда знаний»¹. Слова эти в полной мере могут быть отнесены к самому С. П. Боткину.

Сохранились многие теплые воспоминания его учеников. «Кто слышал Боткина в аудитории,— говорил Н. И. Соколов,— кто видел его у постели больного в клинике и семье, тот не скажет, что он был врач-теоретик, занимавшийся отвлеченными исследованиями. Нет! Он был тот истинный практический врач, который, по словам также одного из французских клиницистов... «есть совершеннейшее и возвышеннейшее олицетворение врачебного искусства. Это человек, в котором соединены две вещи, столь редко встречающиеся уравновешенными в человеческом мозгу — знание и проникательность»... Если к этому еще прибавим личные свойства покойного нашего учителя всем нам известные: его доброе, отзывчивое сердце, его всегда участливое отношение к больному и его семье, его ласковый и убежденный тон речи, дававший всегда надежду больному и успокоение окружающим, его редкое бескорыстие,— то мы со всею наглядностью и беспристрастием представим себе симпатичный образ Сергея Петровича как практического врача»².

25 мая 1908 г. был открыт памятник С. П. Боткину перед входом в здание, где помещалась его клиника.

¹ Тушинский М. Д., Чистович А. Н. Н. Я. Чистович. 1860—1926. — Л., 1963, с. 66.

² Соколов Н. И. Памяти С. П. Боткина. Речь, сказанная 12 декабря 1891 г. в торжественном заседании Общества русских врачей в С.-Петербурге. — СПб., 1891, с. 9—10.

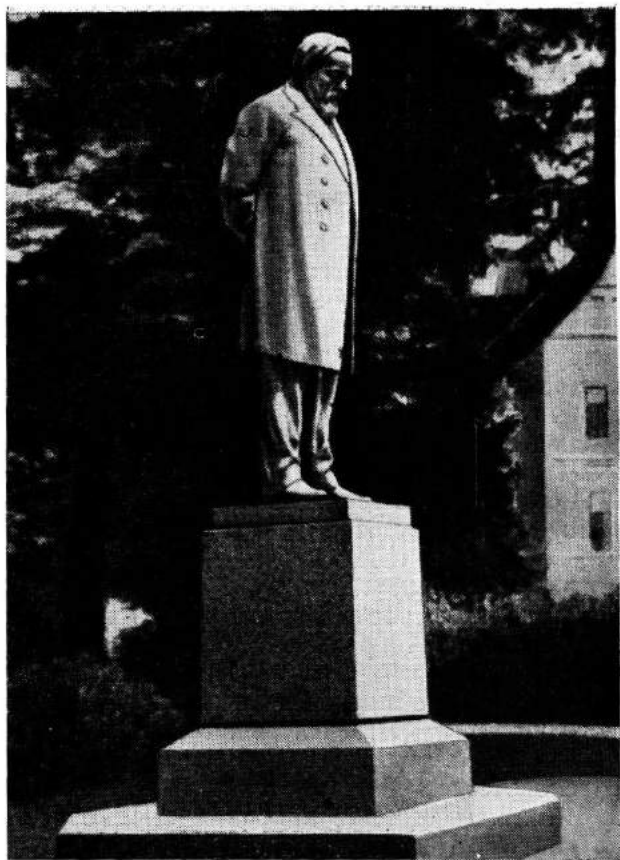

Рис. 8. Памятник С. П. Боткину перед клиникой, в которой он работал. Открыт в 1908 г.

Скульптор В. А. Беклемишев, бывший ректор Академии художеств, изобразил С. П. Боткина в спокойной позе. Сохранились рассказы о том, что скульптору пришлось много хлопотать о том, чтобы наконец царь утвердил место для памятника — все предложения, какие делались — на заметных улицах и площадях Петербурга, царь неоднократно отвергал.

В последующие годы, в особенности после Великой Октябрьской социалистической революции, имя и дела Боткина неоднократно увековечивались в нашей стране. Имя его присвоено многим больницам, в том числе круп-

нейшей московской больнице. На обложке ведущего советского медицинского журнала «Клиническая медицина» многие годы красуется портрет С. П. Боткина.

Президиум Академии медицинских наук СССР присуждает премию имени С. П. Боткина за лучшую научную работу по внутренним болезням.

ОКИДЫВАЯ ЕДИНЫМ ВЗГЛЯДОМ

Клиницист-мыслитель... Окидывая единым взглядом насыщенную творчеством, раздумьями, событиями и достижениями жизнь С. П. Боткина, нетрудно видеть, что она вся до последнего дня была посвящена человеку, служению больным и здоровым, своему народу.

Окидывая единым взглядом эту боевую, активную жизнь, мы видим, как велики те задачи, которые ставил С. П. Боткин. Он подытожил сделанное до него в клинике, обобщил, приумножил традиции отечественных медиков. Он добавил к этим традициям свое — внес новые принципы, новые методы, показал, как нужно разрабатывать все новые и новые аспекты науки.

Казалось бы, что после открытий Пастера и Мечникова, после наступления эпохи микробиологии значение нервизма могло бы померкнуть. Однако этого не произошло. Почему?

Основы клинической медицины, заново продуманные С. П. Боткиным, были настолько прочны, что те изменения, которые привнесли новые открытия, мало повлияли на них. Утверждения С. П. Боткина, его концепция, его трактовка патологических явлений с позиции нервизма сочетались с тем новым, что привнес с собой век бактериологии.

Свои передовые взгляды материалистической теории нервизма он сумел воплотить в огромную педагогическую работу по воспитанию врачей новой формации, стремившихся не узколокалистически понимать болезнь, а подходить к больному во всеоружии теории нервизма и понимания связей между организмом и средой.

С. П. Боткин создал самую обширную отечественную школу клиницистов, охватывающую не только непосредственных его учеников и последователей, но и широкие круги как врачей — его современников, так и врачей следующих поколений.

Взгляды С. П. Боткина по вопросам физиологии и клинической патологии в его эпоху были прогрессивны-

ми, нередко были направлены против прочно установившихся представлений.

Идеи С. П. Боткина и сейчас вооружают врача и ученого при решении разнообразных медицинских задач. До сих пор врачебная мысль находит в его творчестве все новые и новые отправные моменты для дальнейшей плодотворной работы.

В условиях своего времени С. П. Боткин продолжил и развил достижения своих предшественников. В его творчестве нашли научное обоснование и дальнейшее развитие идеи раннего материалистического нервизма.

«Да кто же не знает,— писал В. И. Ленин,— что если рассматривать какое угодно общественное явление в процессе его развития, то в нем всегда окажутся остатки прошлого, основы настоящего и зачатки будущего?»¹.

Советская клиника, вооруженная материалистической диалектикой, осмысливая достижения экспериментальной и клинической медицины, участвует в создании теории медицины. Передовые деятели советской клиники, развивая наследие своих предшественников, углубили изучение взаимодействия организма и среды, указали на ведущее значение социальной среды для успешной профилактики.

Грандиозная работа по всеобщей диспансеризации, развернутая в СССР в соответствии с программой партии, основана на боткинском, сеечновском, павловском понимании единства человеческого организма и окружающей среды.

Советская клиника с успехом продолжала разрабатывать проблемы, поставленные С. П. Боткиным — изучение индивидуальных особенностей здорового и больного человека, изучение среды, в которой живет человек, изучение нервной системы, создающей равновесие между организмом и средой.

О ценности научного наследия С. П. Боткина для современности, об актуальности его идей свидетельствуют данные Большой медицинской энциклопедии. Во втором ее издании имеются многочисленные ссылки на клиницистов и распределяются они так: на М. Я. Мудрова — 21 ссылка, на Г. А. Захарьина — 21, на А. А. Остроумова — 15, на Н. Д. Стражеско — 61, на А. Л. Мясникова — 26, а на С. П. Боткина — более 100. Примерно столько же имеется ссылок и на Н. И. Пирогова.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 181.

И. П. Павлов подчеркивал: «Такая крупная, яркая и ценная личность, как Иван Михайлович Сеченов, должна жить в памяти потомства, служа постоянным возбудителем сменяющихся поколений»¹. Эти слова в полной мере могут быть отнесены и к С. П. Боткину. «Возбудитель сменяющихся поколений» — это очень точная его характеристика.

Подводя итоги этой великой жизни, видишь, какие большие трудности пришлось преодолеть С. П. Боткину на пути к утверждению своей правоты и правоты тех принципов, которые он защищал.

Патриотизм — определяющая черта его деятельности. Начиная с первых шагов молодого врача и до конца жизни он решал вопросы, связанные с охраной здоровья и оказанием помощи больным и раненым, принимал участие в укреплении обороноспособности страны.

На протяжении всей жизни он был неутомимым общественником в самом широком и глубоком понимании этого слова. Он не отделял свою профессиональную медицинскую деятельность от задач, стоящих перед страной. Он включал медиков в борьбу за прогресс науки в России, освобожденной от невежества, предрассудков, заскорузлых традиций.

Охрана здоровья народа всегда была в центре его внимания. На примере общественных организаций, в которых он работал или которыми руководил, начиная от Общества русских врачей и кончая деятельностью в Городской думе, он всегда связывал решения очередных задач по охране здоровья с наукой, с академической деятельностью.

С полным правом можно говорить о его крупных заслугах в охране здоровья народа. Н. А. Некрасов называл его народным заступником.

Взгляды С. П. Боткина находились в полном противоречии с жизненными возможностями царской России. Известный педиатр проф. А. А. Кисель, считавший себя учеником С. П. Боткина, в 1920 г. писал в журнале «Врачебное дело»: «Ему грезились те широкие горизонты будущих успехов клинической медицины, которые должны осчастливить человечество в смысле избавления его от страданий и преждевременной смерти. Боткин нам показал, что добиваться всего этого можно только упорным организованным трудом и очень широкими общест-

¹ Павлов И. П. Полн. собр. соч. — М., 1952, т. 6, с. 267.

венными мероприятиями, которые современникам нередко, особенно в первое время, кажутся совершенно несбыточными»¹.

Вот тот путь, которым шел С. П. Боткин, поступая так, как подсказывала ему совесть и проницательный ум необычайно одаренного человека.

Только советская эпоха смогла воплотить его мечты и пожелания. С. П. Боткин — явление не только русской, но и мировой медицинской науки. Для того чтобы осознать это, потребовались годы. Международное значение деятельности С. П. Боткина исключительно велико. К. А. Тимирязев писал о таких деятелях, как Менделеев, Бутлеров, Мечников, «...в какие-нибудь 10—15 лет, выдвинувших русскую науку в общеевропейскую семью и уже не в качестве учеников, а полноправными деятелями, сотрудниками, а порой и намечающих путь руководителями»². К этим деятелям относится и С. П. Боткин. Он многое сделал для того, чтобы русская медицина заняла свое законное место в мировой медицинской науке.

Клиницист-мыслитель, клиницист-новатор, клиницист-ученый-материалист — таким встает перед нами С. П. Боткин. Он вооружает армию врачей и ученых, под его влиянием одержаны большие победы и развивается сейчас медицинская наука в нашей стране. «В чем же основа этого неувядаемого интереса к работам С. П. Боткина, плодотворного влияния его на современного клинициста, почему, перечитывая его труды, вновь и вновь находит в них столько стимулирующих мыслей, полезных указаний как врач-ученый, так и практический деятель здравоохранения?» — спрашивает проф. Е. М. Тареев и отвечает: «Блестящий клиницист, прекрасно знакомый с литературой, с богатым творчески освоенным опытом личным и коллектива сотрудников, С.П. Боткин разворачивает перед читателями мастерский анализ индивидуального больного, по-новому освещая хорошо известные нозологические формы и обрисовывая новые их варианты. Особенно привлекает постоянно проводимый им глубокий научный анализ явлений с использованием принципов прогрессивной рефлекторной патологии, принципов нервизма; функционально-динамичес-

¹ Кисель А. А. Сергей Петрович Боткин. — Врачебное дело, 1920, № 7—8, с. 216.

² Тимирязев К. А. Пробуждение естествознания в первой четверти XIX века. — В кн.: История России в XIX веке. — СПб., 1908, с. 21.

кий подход к любому проявлению болезни с учетом индивидуальных особенностей больного, его меняющейся реактивности... С. П. Боткин выявляет себя и как общий патолог, экспериментатор, причем все время его внимание привлекают близкие врачебной практике вопросы клинического осмысливания, диагноза, прогноза, лечения больного»¹.

Неоднократно делались попытки перечислить учеников боткинской школы. Учениками и последователями С. П. Боткина являются подавляющее большинство отечественных клиницистов, включая и клиницистов советского периода. В сущности все последующие поколения отечественных клиницистов были в той или иной степени учениками Боткина или его последователями.

Современники, даже соратники и единомышленники-клиницисты Боткина не все сразу поняли в полном объеме все значение его взглядов и всего того, что было им сделано. Потребовалось время для того, чтобы врачи увидели всю ценность его открытий.

Только в исторической перспективе стало ясно, что это не только крупнейший клиницист, но и клиницист будущего, предсказавший его и много сделавший для того, чтобы это будущее стало таким, каким оно есть.

Внимательное ознакомление с его научным наследием показывает, что некоторые его плодотворные идеи еще не разработаны, не претворены в жизнь, не реализованы по разным причинам. Необходимо дать им оценку и поставить на службу науки будущего. В этом — одна из задач тех, кто изучает наследие великого клинициста.

«Будем продолжать учиться у него любить науку, — писал проф. М. П. Кончаловский, — любить свою Родину, тем более, что в наше время, после Великой Октябрьской социалистической революции, советской медицинской науке обеспечены все возможности служения великому советскому народу»².

Исполнилось пророчество великого русского ученого И. И. Мечникова, который говорил, что С. П. Боткин явился основателем обширной школы русских клиницистов и влияние его сохранилось на все времена.

История подтвердила эти слова.

¹ Тареев Е. М. С. П. Боткин и современная клиника. — Советская медицина, 1957, № 12, с. 3.

² Кончаловский М. П. Сергей Петрович Боткин. — Терапевтический архив, 1940, № 2—3, с. 165.

ДАТЫ ОСНОВНЫХ СОБЫТИЙ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ С. П. БОТКИНА

- 1832 г., 5 сентября. — Родился Сергей Петрович Боткин.
- 1847—1850 гг. — Учеба в пансионе Эннеса.
- 1850 г., 6 сентября. — Поступил на медицинский факультет Московского университета.
- 1855 г., 26 августа. — Получил свидетельство о звании «лекарь с отличием».
- 1855—1856 гг. — Принимал участие в Крымской войне.
- 1856 г., февраль. — Отъезд за границу для совершенствования медицинского образования.
- 1858 г. — Проф. П. Д. Шипулинский подал в конференцию Медико-хирургической академии рапорт о представлении С. П. Боткина на должность адъюнкт-профессора при его клинике.
- 1858 г. — Опубликована первая научная работа «Образование застоя в кровеносных сосудах брыжейки лягушки от действия средних солей».
- 1859 г. — Первое свидание С. П. Боткина с А. И. Герценом в Лондоне.
- 1860 г., 17 сентября. — Защита докторской диссертации «О всасывании жира в кишках».
- 1861 г., 19 ноября. — Утвержден в звании ординарного профессора Медико-хирургической академии в Петербурге.
- 1861 г. — Организовал первую в России клиническую лабораторию.
- 1862 г. — Опубликована вступительная лекция С. П. Боткина.
- 1862 г. — Посещение С. П. Боткиным А. И. Герцена в Лондоне. Обыск. Допрос в 3-м жандармском отделении.
- 1862 г. — Включение в состав комиссии, выделенной конференцией Медико-хирургической академии для изучения вопроса о приспособлении академического преподавания к потребностям военного быта.
- 1863 г., 14 сентября. — Публикование работы «Случай тромбоза воротной вены».
- 1865 г., 23 октября. — Организация С. П. Боткиным Эпидемиологического общества.
- 1866 г. — Назначение совещательным членом медицинского совета Министерства внутренних дел.
- 1867 г. — Публикование первого выпуска произведения С. П. Боткина «Курс клиники внутренних болезней».
- 1868 г. — Публикование второго выпуска того же произведения.
- 1869 г. — Выход в свет первого тома «Архива клиники внутренних болезней» С. П. Боткина.
- 1869 г. — Встреча С. П. Боткина с А. И. Герценом в Париже.
- 1870 г. — Назначение С. П. Боткина лейб-медиком.
- 1870 г. — Начало издания С. П. Боткиным «Эпидемиологического листа», редактором которого был С. П. Ловцов.
- 1870 г. — Организация С. П. Боткиным Георгиевской общины сестер милосердия.

- 1872 г., 6 января — Избрание академиком Медико-хирургической академии.
- 1872 г. — Активное участие в организации Женских врачебных курсов.
- 1873 г. — Избрание С. П. Боткина почетным членом Московского университета.
- 1875 г. — Выход в свет третьего выпуска «Курса клиники внутренних болезней».
- 1876 г., 15 апреля — Избрание членом главного управления Общества попечения о раненых и больных войнах.
- 1877 г. — В условиях русско-турецкой войны С. П. Боткиным заложены основы военно-полевой терапии.
- 1878 г. — Избрание председателем Общества русских врачей в Петербурге.
- 1879 г. — Обвинение С. П. Боткина реакционно-консервативными кругами в грубой врачебной ошибке, имеющей целью нанести вред государству и опровержение этого обвинения передовыми врачебными кругами.
- 1881 г. — Речь С. П. Боткина: «Николай Иванович Пирогов».
- 1881 г. — Начало издания «Еженедельной клинической газеты», организованной С. П. Боткиным.
- 1881 г. — Получение звания гласного Городской думы в Петербурге. Организация «квартирной» медицинской помощи в Петербурге.
- 1882 г. — 25-летие врачебной, научно-педагогической и общественной деятельности С. П. Боткина.
- 1882 г. — Организация С. П. Боткиным школьно-санитарного надзора.
- 1883 г. — Из клинической лаборатории С. П. Боткина вышла диссертация И. П. Павлова «Центробежные нервы сердца», в которой дано определение понятия «нервизм».
- 1884 г. — Избрание заместителем председателя комиссии общественного здоровья Городской думы Петербурга.
- 1884 г. — Организация в клинике С. П. Боткина бактериологической лаборатории.
- 1884—1890 гг. — Опубликование «Клинических лекций» С. П. Боткина.
- 1886 г., 7 декабря. — Актовая речь «Общие основы клинической медицины».
- 1889 г., 12 декабря. Смерть С. П. Боткина в Ментоне.
- 1889 г., 18 декабря. Похороны С. П. Боткина в Петербурге.

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ УВЕКОВЕЧЕНИЯ ПАМЯТИ С. П. БОТКИНА

- 1890 г. — Основана «Больничная газета им. С. П. Боткина».
- 1908 г. — Открыт памятник С. П. Боткину в Петербурге.
- 1921 г. — Имя С. П. Боткина присвоено лучшей больнице в Москве.
- 1940 г. — Советская врачебная общественность отметила 50-летие со дня смерти С. П. Боткина.
- 1950 г., 14 апреля. — В постановлении научной сессии Академии наук СССР и Академии медицинских наук СССР, посвященной проблемам физиологического учения академика И. П. Павлова, записано о значении вклада С. П. Боткина в современную медицину.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
Дом в Петроверигском переулке	6
В Московском университете	13
Участие в Крымской войне	24
За границей	29
Профессор	41
Клиницист	58
Школа Боткина	88
В русско-турецкую войну 1877—1878 гг.	98
Общественная деятельность	107
Последние годы жизни	120
Окидывая единым взглядом	129
Даты основных событий жизни и деятельности С. П. Боткина	134
Основные даты увековечения памяти С. П. Боткина	135

Борис Дмитриевич Петров

С. П. БОТКИН — ЖИЗНЬ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Зав. редакцией *И. В. Туманова*
Редактор *Г. В. Архангельский*
Редактор издательства *Т. В. Калью*
Художественный редактор *Н. А. Гурова*
Технический редактор *В. П. Сорокина*
Корректор *М. В. Галанцева*

ИБ 3516

Сдано в набор 30.08.82. Подписано к печати 29.10.82. Т-15759. Формат бумаги 84×108¹/₃₂. Бум. кн.-журн. Лит. гарн. Печать высокая. Усл. печ. л. 7,14. Усл. кр.-отт. 7,35. Уч.-изд. л. 7,67. Тираж 15 000 экз. Заказ 1099. Цена 45 к.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Медицина», Москва, Петроверигский пер., 6/8.

Московская типография № 32 Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Москва, 103051, Цветной бульвар, 26.

